

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

Межвузовская научная конференция

**ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ
МАТЕРИАЛИЗМ
И
СОВРЕМЕННЫЙ
ПОЗИТИВИЗМ**

**Т Е З И С Ы
ДОКЛАДОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ**

МОСКВА—1961

Межвузовская научная конференция

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ
МАТЕРИАЛИЗМ
И
СОВРЕМЕННЫЙ
ПОЗИТИВИЗМ

ТЕЗИСЫ
ДОКЛАДОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ

Под редакцией — доцента И. С. НАРСКОГО
профессора Т. И. ОЙЗЕРМАНА,
доцента Н. В. ПИЛИПЕНКО.

Акад. М. Б. МИТИН
(«Вопросы философии», Москва)

В. И. ЛЕНИН И БОРЬБА ПРОТИВ СОВРЕМЕННОГО ПОЗИТИВИЗМА

1) Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» принадлежит к самым выдающимся философским произведениям современности. В. И. Ленин подверг критике все основные буржуазные школы и школки в философии конца XIX и начала XX века, обратив особое внимание, в связи с потребностями политической и теоретической борьбы начала XX века, на махизм как на одну из разновидностей позитивизма.

В. И. Ленин доказал, что махистская философия, несмотря на свои претензии быть «философией науки», на деле является философским врагом подлинной науки, вооружающей человечество знанием объективных закономерностей развития природы и общества; что, несмотря на свои попытки стать «выше» основных направлений в философии — материализма и идеализма, — махизм по своей сущности является философией субъективного идеализма, продолжающей традиции берклианства. В. И. Ленин пришел к выводу, что махистская философия, спекулируя на кризисе физики в связи с новейшими открытиями в естествознании и ломкой старых формул и понятий науки, в типично идеалистическом духе трактует эти новые открытия, отрицает объективное значение закономерностей и причинности, объективное содержание знания вообще, не только скатываясь на позиции агностицизма, но и приходя к фидеизму.

Эти основные линии критики В. И. Лениным махизма сохраняют полностью свое значение применительно ко всем школам и школкам современного нам позитивизма.

2) Под неопозитивизмом мы имеем в виду течение в современной философии, сложившееся в 20—30-х годах XX ве-

ка из участников так называемого «Венского кружка» в Австрии и тяготеющих к нему групп в Германии (Витгенштейн, Карнап, Шлик, Райхенбах, Франк и др.), а также из аналогично мыслящих философов в Англии и Польше (Рассел, Айер, Айдукевич и др.). Это течение известно также под названием «логического позитивизма», или «логического эмпиризма».

Философия прагматизма, получившая наибольшее распространение в США, с ее грубым, пренебрежительным отношением к «теоретическому мышлению», с ее слишком прямой апологией бизнеса и реакционной внутренней и внешней политикой империализма, с ее прославлением колониализма и атомного вооружения (напр., Сидней Хук и др.) своими крайностями отталкивает многих представителей буржуазной интеллигенции. Неопозитивизму, выступающему под флагом «философии науки», присуще, как выразился однажды Рассел, «очарование интеллектуальной респектабельности». Однако во всех своих существенных проявлениях, — в своем отрицании мировоззренческого характера философии и возможности познания объективного мира, в отрицании объективности истины, в своей так называемой «борьбе против метафизики» (мнимый «антионтологизм»), — неопозитивизм в принципе не отличается от прагматизма, сливаясь с ним в общем русле субъективно-идеалистических направлений современной буржуазной философии.

3) Все разновидности современного позитивизма отрицают научную значимость основного вопроса философии. Л. Витгенштейн в качестве главной задачи философии выдвинул в начале 20-х годов логический анализ, «прояснение» языка. Рассел считает, что философия должна если не полностью, то по преимуществу ограничиться анализом логической структуры науки. Р. Карнап в особенности много сил положил на то, чтобы доказать, будто основной философский вопрос — это «абсурдный» «псевдовопрос». Ф. Франк полагает, что ни «материализм», ни «антиматериализм» не связаны с наукой и ее достижениями, а вызываются исключительно лишь «социальными, политическими и религиозными устремлениями». А. Айер, вслед за Р. Карнапом, объявил бессмысленными все утверждения философов о существовании или несуществовании объективного мира. Он утверждает, что «в природе философии нет ничего», что оправдывало бы существование противоречащих друг другу философских школ.

Список неопозитивистов, утверждающих, что они «преодолели» противоположность материализма и идеализма, может быть значительно расширен. Но отрицая основной вопрос философии и выступая под флагом борьбы против так назы-

наемой «метафизики», против «онтологизации» философии, против «субстанциональности» в познании и считая, что они тем самым «преодолевают» «ограниченность» и «односторонность» материализма и идеализма, на деле неопозитивисты проповедают субъективно-идеалистическую философию и становятся на почву солипсизма.

Все школы современного позитивизма гипостазируют логическую и лингвистическую сторону познания таким образом, что игнорируют и выхолащивают объективное содержание науки. В этом смысле все школы позитивизма представляют собой настоящую гносеологическую схоластику середины XX века.

4) В труде «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин указывал, что современная «буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии и, усваивая в односторонней и искаженной форме некоторые составные части диалектики (например, релятивизм), преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма вверху. По крайней мере позитивизм вообще и махизм в частности гораздо больше занимались тонкой фальсификацией гносеологии, подделываясь под материализм, пряча идеализм за якобы материалистическую терминологию...» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 315—316).

Это положение В. И. Ленина о «специализации» многих буржуазных течений философии XX века на гносеологии, о тонкой «фальсификации» гносеологических проблем целиком может быть применено ко всем разновидностям современного нам позитивизма.

5) Все современные школы и школы позитивизма при известных оттенках и особенностях, которыми они отличаются друг от друга, имеют следующие частично уже упомянутые ранее общие им черты: субъективно-идеалистическое решение основного вопроса философии, сочетающееся вместе с тем с провозглашением «нейтралитета» в борьбе материализма и идеализма, отрицание смысла и значения основного вопроса философии, отрицание возможности познания сущностных отношений вещей, отрицание объективной закономерности и причинности, признание допустимости в науке лишь внешнего, феноменалистского описания событий, фактов, явлений. Все группы и группочки неопозитивистов прикрываются флагом «современной науки», выступают с претензиями дать единственно верную философскую трактовку науки, сводят в действительности и специальные науки и философию к формалистическим спекуляциям, оторванным от объективного мира. Исходные позиции, основные положения и выводы ленинской критики махизма имеют в этой связи самое прямое

и непосредственное отношение к критике и разоблачению современных школ неопозитивизма. В неопозитивизме мы видим не о м а х и с т с к о е течение в философии.

6) Неопозитивизм претендует на то, что он «открыл» новые функции философской деятельности. Философия должна, по мнению логических позитивистов (Карнап, Шлик, Гемпель, Поппер, Райхенбах и другие), заниматься лишь логическим анализом «языка» наук, понимая под «языком» совокупность терминов, символов и знаков, которые употребляются в той или иной науке. Неопозитивисты подменяют философию в конечном счете формальной логикой, обособленной от материалистического ее обоснования и используемой для описания формальной структуры наук и для поисков чисто формального (языкового) единства науки (так называемый принцип «физикализма»). Сами же специальные науки, с точки зрения неопозитивистов, должны заниматься лишь упорядочением так называемого «нейтрального» материала науки.

Перед нами лишь словесное изменение концепции махизма: если с точки зрения Маха и Авенариуса «нейтрален» (в философском смысле) сам мир, то с точки зрения неопозитивистов «нейтрален» «материал науки» (т. е. то, с чем имеет дело наука). «Прогресс» состоит в том, что махисты делали упор на чувственный момент в познании, неопозитивисты же делают акцент на рациональный момент процесса познания, а говоря точнее — на языковую форму рациональной ступени познания, предлагая субъекту, занявшемуся философией, замкнуться в узкую сферу изучения языка, отгородившись от исследования объективного мира. Отсюда прямой путь к солипсизму. Таким образом, неопозитивизм не устранил, но, наоборот, усугубил субъективно-идеалистические идеи махизма.

7) Неопозитивизм выдвинул «новый» принцип — верификации в качестве основного критерия истины. Принцип верификации утверждает, что критерием истинности или ложности предложений (истинные и ложные предложения в совокупности неопозитивисты называют «научно осмысленными») является сравнение их с «нейтральными фактами» (Витгенштейн, Шлик, Карнап) или же с «нейтральными событиями» (Рассел, Айер). В случае, если предложение в принципе такому сравнению не поддается, его объявляют лишенным научного смысла. В своем учении о верификации неопозитивисты спекулируют на том обстоятельстве, что практическая

Проверка утверждений наук включает в себя как один из моментов сопоставление этих утверждений с данными опыта, с результатами экспериментов и т. д. Неопозитивисты абсолютизировали этот момент и тем самым извратили его роль в процессе познания (в субъективистском духе извращено вообще само понятие «опыта»).

Принцип верификации внешне выглядит как принцип, будто бы в равной мере враждебный и идеализму и материализму. В действительности же это принцип субъективно-идеалистический и играющий на руку религии. На самом деле, заявляя, что догматы религии лишены научного смысла неопозитивисты отнюдь не покушаются на фидеизм, поскольку представители последнего считают, что религия обладает более глубоким «смыслом», чем наука. Заявляя же, что положение материализма о существовании объективной, т. е. независимой от субъекта, реальности не верифицируемо (т. е. не поддается проверке), неопозитивисты вступают в резкий конфликт с научным мировоззрением.

Дополнительный свет на антинаучность принципа верификации проливает ответ неопозитивистов на вопрос, существовала ли природа до человека. Они склонились к выводу, что о существовании Земли до человечества можно говорить лишь условно, а именно в том смысле, что утверждение об этом существовании есть лишь «логическая конструкция», удобная для предсказаний на основе будущих ощущений геологов, астрофизиков, палеонтологов и т. д. Учение о «логических конструкциях» следует рассматривать как новую разновидность пресловутой концепции «принципиальной координации» Авенариуса, т. к. эти конструкции мыслятся существующими лишь в зависимости от сознания логика-теоретика.

8) Следующим основным принципом неопозитивизма является принцип конвенционализма, т. е. утверждение о том, что исходные положения (аксиомы и правила вывода) в логике и математике суть результаты произвольного соглашения ученых друг с другом, которые ищут не «истинных», но «удобных» теорий. Позднее конвенционализм был распространен на философию, эстетику, этику (приведя в так называемом «принципе терпимости», сначала относившемся только к логике, а затем перенесенном и на мораль, к оправданию буржуазного аморализма).

Каковы гносеологические корни конвенционализма? Конвенционализм представляет собой результат ложного понимания факта относительной активности субъекта (ученого) в построении им научных теорий (в особенности исчислений в логике и математике). О субъективистском характере конвенционализма говорит и то обстоятельство, что его представители в своих работах сводят понятие существования того или иного рассматриваемого в логике и математике объекта к существованию значения знаков в сознании логика; истинность же того или иного научного утверждения они сводят к факту условного принятия субъектом этого утверждения в данной научной системе.

Конвенционализм возник в результате спекуляций на факте построения различных неевклидовых геометрий (например, геометрии Лобачевского) и различных исчислений символической логики (с различными значениями логических символов и с различным составом формально-логических законов, например, без закона исключенного третьего). Неопозитивисты продолжили по сути дела рассуждения А. Пуанкаре, подвергнутого в свое время критике В. И. Лениным, и стали утверждать, что «выбор» той или иной научной теории — дело де в принципе произвольное.

9) Было бы неправильным и не соответствующим ленинским указаниям о борьбе против современной буржуазной философии, если бы мы начисто стали отрицать значение некоторых теоретических и гносеологических проблем, поднятых неопозитивизмом в связи с развитием современной науки, но разрабатываемых им с позиций субъективного идеализма. Неопозитивизм занимается гносеологической спекуляцией на следующих подлинных проблемах современной науки, которые требуют ответа с точки зрения диалектического материализма:

1) О роли и значении символической логики. Как известно, символическая логика оказалась весьма полезной, как это показал Рассел в труде «Principia Mathematica», при исследовании логических основ математики. На этой основе неопозитивистами была сделана попытка широко использовать символическую логику при исследовании философских проблем, вернее, придать ей общефилософское «звучание», приписав ей по существу характер универсальной методологии исследования.

Далее, как известно, математическая, т. е. символическая логика применяется при решении собственно математических и даже технических проблем; она играет немаловажную роль при разработке некоторых проблем кибернетики. Все это тре-

бует от представителей диалектического материализма серьезного изучения и правильного философского осмысления роли математической логики и ее значения в науке. Нельзя также отрицать возможность некоторого ее использования при анализе теоретико-познавательных проблем собственно процесса мышления (вопросы теорий суждения, умозаключения, построения научных теорий и т. д.). Неопозитивисты же, схоластически спекулируя на этой реальной проблематике, истолковывают математическую логику как некую якобы универсальную науку, способную заменить собой философию вообще.

2) При изучении обычных национальных языков филологи столкнулись с тем обстоятельством, что хотя слова обычных языков нельзя отождествлять со знаками в искусственных символических построениях, однако некоторые черты знаков присущи и словам обычных языков, и здесь необходим детальный и конкретный анализ. Неопозитивисты же извратили эту проблематику, утверждая, что всякий язык есть совокупность знаков, произвольно (конвенционально) установленных субъектом. На этой почве развились тлетворные идеи «семантических» идеалистов. Указанное ошибочное понимание языка шло рука об руку с тезисом неопозитивистов о том, будто «научная философия» есть не что иное, как формально-логический анализ языка.

3) Из факта существования различных геометрических и логических систем вытекает необходимость анализа вопроса, в каких условиях какая именно система (исчисление) более соответствует свойствам объективной реальности и задачам нашего ее познания. Проблема всесторонней разработки с точки зрения марксистской философии вопросов об объективной основе различных исчислений, о соотношении их с практической деятельностью людей и о том, что вносит их анализ в наше познание, — принадлежит к числу актуальных проблем. Эту реальную проблему неопозитивисты решают глубоко ошибочно, субъективистски, заявляя о произвольности (конвенциональности) выбора систем (исчислений).

4) Современная физика оперирует такими теоретическими построениями, которые не находят себе наглядного выражения в моделях. Встал, таким образом, большой теоретико-познавательный вопрос о соотношении объектов и познания, не отражающего объективный мир в наглядных моделях. Неопозитивисты истолковали это субъективистски, как свидетельство якобы произвольности «теоретических конструкций» субъекта.

5) Современные физики столкнулись с важной проблемой различения в экспериментальных данных того, что проистека-

ет от самого изучаемого объекта и того, что есть следствие действий самого экспериментатора, следствие его «вторжения» при помощи макроприборов в микромир. Копенгагенская школа физиков (Бор, Йордан и др.), придерживаясь в основном близких к неопозитивизму взглядов, сделала ошибочный вывод, будто всякое наблюдение субъективно не только по форме, но и по своему содержанию, что существование любых свойств в микрообъектах сводится к факту их наблюдаемости субъектом. В свою очередь неопозитивизм, спекулируя на этих проблемах, в общефилософском плане, развил субъективно-идеалистическое понимание принципа проверки (верификации) истинности научных утверждений. Поскольку принцип верификации сводит существование вещей и их свойств к наблюдаемости, это есть фактически берклианский, субъективно-идеалистический принцип. Некоторые изменения, внесенные Карнапом и другими неопозитивистами в принцип верификации в конце 30-х годов, лишь несколько затушевали субъективизм этого принципа, но отнюдь не устранили его.

б) В то время как развитие общественных и естественных наук во все более широком масштабе доказывает объективное содержание нашего знания, всеобщность детерминизма и закономерности в развитии природы и общества, неопозитивизм проповедует отказ от детерминизма, отказ от признания закономерностей в развитии, уход теоретиков в абстрактные дебри схоластической гносеологической формалистики. Все это говорит о слабости современной буржуазной философии, о ее кризисном состоянии, о невозможности для нее отвечать на жизненные и насущные проблемы современности.

В то время как развитие современной общественной жизни, главной тенденцией которого является рост сил социализма и колоссальное развитие наук, все более подчеркивают роль и значение наиболее передового философского мировоззрения — диалектического материализма; в то время как виднейшие ученые физики, биологи, ранее придерживавшиеся взглядов позитивизма, начинают ныне от него отходить; в то время как само развитие современной науки на каждом шагу подтверждает правоту диалектического материализма, — неопозитивизм в полном противоречии с развитием науки проповедует и культивирует отказ от философии как мировоззрения и всеобщей научной методологии и сводит философию к чисто формальному анализу языковых явлений.

В настоящее время неопозитивисты (Карнап, Айер, Поппер, Гемпель, Куайн и др.) отказались от некоторых чересчур откровенных по своему субъективному идеализму тезисов

«Венского кружка», но неопозитивизм, несмотря на эклектическое соединение у некоторых его представителей идей позитивизма, кантианства, платонизма и т. д. (Пап, Рассел и др.) не перестал быть позитивизмом. Он глубоко проник в логику и математику, физику, языкознание, социологию и т. д. Борьба против неопозитивизма остается важной задачей работников нашего философского фронта.

Н. С. Хрущев в своем докладе «За новые победы мирового коммунистического движения» говорит: «Человечество вплотную подошло к такому историческому рубежу, когда оно в состоянии решить те проблемы, которые были не по плечу предыдущим поколениям». Для решения этих всемирно-исторических задач необходима неустанная борьба против буржуазной идеологии, одной из наиболее утонченных разновидностей которой является современная позитивистская философия.

Доц. С. И. НИКИШЕВ

(Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР)

НЕОПОЗИТИВИЗМ — ПСЕВДОНАУЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ РЕАКЦИОННОЙ БУРЖУАЗИИ

1) В исторических документах Совещания представителей коммунистических и рабочих партий дается исчерпывающая характеристика существа переживаемой нами эпохи, как эпохи, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, эпохи борьбы двух противоположных общественных систем, эпохи социалистических революций и национально-освободительных революций, эпохи крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпохи перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе.

Международная буржуазия и ее авангард — американский империализм мобилизуют все силы для того, чтобы задержать развитие общества по пути мира и прогресса. Успехи и достижения лагеря социализма, миролюбивых и свободолюбивых народов достигнуты в ходе ожесточенной борьбы с реакционными идеями империализма.

В области идеологии идет ожесточенная борьба между подлинно научной идеологией рабочего класса и трудящихся всего мира марксизмом-ленинизмом и антинаучной, реакционной идеологией империалистической буржуазии. Идеи марксизма-ленинизма все глубже проникают в сознание масс, высвобождая их из духовной кабалы всех видов и форм буржуазной идеологии.

Одной из форм идеологического воздействия империалистической буржуазии является буржуазная философия.

2) В своем существе буржуазная философия — это идеализм. Как в прошлом, так и ныне идеализм являлся и является идеологическим оружием отживающих, реакционных

классов. Основная тенденция философии эпохи империализма — отрицание возможности познания общественных закономерностей, неверие в человеческий разум, проповедь субъективизма и мистики. Все это направлено на то, чтобы ослабить усилия народных масс в борьбе за свое социальное освобождение, толкнуть их в объятия религии, продлить дни существования обреченного историей буржуазного общества.

3) Неопозитивизм — одно из наиболее распространенных и влиятельных течений современной реакционной идеалистической философии, включающее в себя течения и теории, известные как «логический анализ», «логический позитивизм», «логический эмпиризм», «позитивистская семантика» и др. Возникнув в 20—30-х годах XX века в Центральной Европе, особенно широкое распространение неопозитивизм получил в США и Англии, где наиболее крупными представителями его являются Р. Карнап, Ф. Франк, Б. Рассел, А. Айер, К. Поппер, С. Чейз, А. Кожибский и другие.

4) В отличие от фидеизма и иррационализма (бергсонизма, фрейдизма, экзистенциализма и т. д.), выступающих более или менее открыто против науки, научного мировоззрения, идеи общественного прогресса, неопозитивизм маскируется в псевдонаучные одежды, выступает под флагом «реализма», «научности», объявляет себя противником идеализма и метафизики, претендует на то, чтобы представлять собой «философию современной науки».

Неопозитивизм выдвинул требование пересмотреть и перестроить всю прежнюю философию: ее предмет и метод, цели и задачи. С точки зрения позитивизма философия не должна носить мировоззренческого характера, ее задача — лишь «разъяснение» результатов, достигнутых наукой. Одно из главных требований неопозитивизма — не заниматься исследованием действительности, предоставив это всецело естественным наукам, сводя в свою очередь задачу последних к описанию внешних, эмпирически воспринимаемых явлений и фактов. Поэтому у позитивистов научное знание выступает не как познание связей и законов движения объективного мира, а лишь как систематизация чувственного познания. Подобная философия ограничивает сферу науки, ставит преграду на пути человеческого познания. Она имеет целью замаскировать истинное субъективно-идеалистическое лицо неопозитивизма, сбить с толку ученых-естествоиспытателей, стихийно стоящих на позициях материализма, нанести удар по марксизму-ленинизму.

5) Поскольку неопозитивизм выступает против диалектического материализма с позиций «новейшей, современной философии, науки», пытаясь доказать, что философия марксизма

не согласуется с новейшими данными науки, важнейшей задачей научной критики неопозитивизма является разоблачение его псевдонаучности, доказательство того, что неопозитивизм по существу повторяет старые идеалистические и агностические положения, как это делали задолго до него многие враги материализма и марксизма.

6) Основы философских воззрений неопозитивистов, их доводы в борьбе против диалектического и исторического материализма, их программа перестройки философии в принципе не новы.

В разных вариантах они уже встречались у прежних позитивистов (Конт, Спенсер), эмпириков (Юм), махистов-эмпириокритиков (Мах, Авенариус) и были глубоко проанализированы и раскритикованы классиками марксизма-ленинизма.

В. И. Ленин в борьбе с позитивизмом Э. Маха и Р. Авенариуса создал свой классический труд «Материализм и эмпириокритицизм», дав образец глубоко научной и в то же время непримиримой партийной критики враждебных марксизму философских течений. С этих единственно правильных марксистско-ленинских позиций, следует рассматривать и подвергать критике философию неопозитивизма.

7) Решающим в определении сущности того или иного философского направления марксизм-ленинизм считает отношение этого направления к основному вопросу философии. Неопозитивисты, претендующие на «третью линию» в философии, отбрасывают этот вопрос как «псевдопроблему». Р. Карнап, А. Кожибский, Л. Витгенштейн и другие открыто признают, что неопозитивизм отверг тезис о реальности внешнего мира и тезис о его нереальности, как псевдоутверждения. Это — агностицизм, суть которого была вскрыта еще В. И. Лениным. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин писал: «Агностик говорит: *не знаю*, есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать это...» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 115). В. И. Ленин подчеркивал далее, что такого рода агностицизм (в отличие от агностицизма Канта, допускавшего существование «вещи в себе») на и б о л е е х а р а к т е р е н для позитивистов. «Агностик, — писал В. И. Ленин, — чистый «позитивист», к сведению сторонников «нового позитивизма»! (Там же, стр. 95).

Если отбросить всю словесную шелуху и вникнуть в существо позитивизма, то не остается никакого сомнения в том, что это субъективно-идеалистическая философия, паразитирующая на здоровом теле науки. Однако попытки неопозитивистов найти третью линию в философии весьма симптоматичны. Они свидетельствуют о невозможности в современных ус-

ловнях открыто проводить в философии субъективно-идеалистические взгляды, выражающие интересы буржуазии.

8) Ответ неопозитивистов на вторую сторону основного вопроса философии также по существу выражает субъективно-идеалистические и агностические концепции прошлого. Неопозитивисты отрицают объективную истину. Возьмем одно из крупнейших произведений неопозитивистов книгу Б. Рассела «Человеческое познание». В этой работе Б. Рассел категорически отрицает теорию отражения, отвергая вместе с нею и признание объективного содержания научных представлений.

«Большая часть наших убеждений и верований, — пишет он, — основывается на привычке, самомнении, личном интересе и частом повторении» (Б. Рассел, Человеческое познание, М., 1957, стр. 87). С этой точки зрения, и истина и ложь представляют собой разновидности веры, определенные субъективные убеждения. На этом основании Б. Рассел предлагает заменить понятие познания понятием веры, приводящей к успеху. В конечном счете Б. Рассел присоединяется к юмовскому скептицизму, заявляя, что аргументы Юма неопровержимы.

9) Неопозитивисты объявили важнейшей задачей философии борьбу против «метафизики». Однако под «метафизикой» они понимают прежде всего признание объективной, независимой от сознания реальности, т. е. материалистическое решение основного вопроса философии.

Неопозитивисты выступают «против» объективного идеализма, но это именно свидетельствует о том, что их учение — разновидность субъективного идеализма.

Как и их ближайшие предшественники Э. Мах и Р. Авенариус, неопозитивисты пытаются сочетать субъективный идеализм и агностицизм с элементами материалистического миропонимания; это делается ими в целях придания научной видимости своим антинаучным воззрениям. В уже упомянутой книге «Человеческое познание» Б. Рассел пишет: «Когда был открыт Антарктический континент, было познано то, что уже существовало до того, как о нем узнали. Это познание было отношением между воспринимающим и чем-то, что не зависело от восприятия и, вообще, от существования жизни на земле» (Там же, стр. 168). Тем не менее и Рассел и другие представители неопозитивизма продолжают третировать материализм как лженаучную «метафизику», якобы допускающую существование чего-то сверхчувственного, потустороннего, трансцендентного.

10) Общеизвестно, что материализм, и в особенности диалектический материализм, стоит на позициях последователь-

ного атеизма, отвергающего какую бы то ни было сверхприродную реальность. В. И. Ленин показал в свое время, что позитивизм Э. Маха и Р. Авенариуса является утонченным философским фидеизмом, несмотря на свою формальную нейтральность по отношению к религии.

Как же относится к религии неопозитивизм? Он отвергает теологию как систему метафизических положений, которые не могут быть ни доказаны, ни проверены и потому лишены научного смысла, но...признает религию, считая ее необходимым выражением жизненных чувств, эмоций, верований, надежд и т. д., ставит религию в один ряд с наукой и доказывает, что между ними нет и не может быть противоречий.

11) Реакционный характер взглядов неопозитивистов особенно ярко проявляется в их социологических идеях. Неопозитивисты утверждают, что не существует ни стадий общественного развития, ни законов развития,* и поэтому невозможно предвидеть развитие человеческой истории в будущем. Они отвергают саму возможность существования исторической науки как науки о закономерном социальном прогрессе, выступают против принципа детерминизма, исторической необходимости, поскольку последняя ведет к победе социализма. Так, например, К. Поппер в своей книге «Открытое общество и его враги», критикуя марксистскую теорию общественного развития за признание причинной обусловленности и исторической необходимости, заявляет: «Будущее зависит от нас самих, и мы не зависим от какой бы то ни было исторической необходимости» (К. Поппер. *The Open Society and its Enemies*. London 1957, vol. II, p. 3). В другой своей работе «Нищета историзма» он пишет: «Не существует ни стадий общества, ни законов развития. Идея развития самого общества — идея, что общество как физическое тело может двигаться как целое по определенной траектории и в определенном направлении — является просто холистской путаницей» (К. Popper. *Misere de l'historicisme*. Paris, 1956, p. XV).

Неопозитивисты пытаются доказать, что понятие развития принципиально неприменимо к обществу. На III Международном социологическом конгрессе в Амстердаме буржуазные социологи-позитивисты предлагали заменить в социологии понятие развития понятием изменения, чтобы уйти от ответа на вопрос, в каком же направлении идут эти изменения.

В 1959 году на IV Международном социологическом конгрессе западно-германский социолог Т. Адорно высказался еще более определенно, заявив, что позитивизм является такого рода учением, которое исходит из признания существую-

ного, т. е. капиталистического порядка вещей, и не только исходит из того, что дано, но и положительно оценивает это «данное».

В США многие социологи-позитивисты являются государственными служащими, идеологически обрабатывающими трудящихся, подчиняющими их диктатуре капитализма. Они создали миф об исключительности американского образа жизни, о преодолении классовых противоречий в капиталистической Америке, миф о «народном капитализме» и другие лживые теории, принятые на вооружение международным ревизионизмом.

Социологи-позитивисты активно поддерживают оппортунизм, реформизм и ревизионизм, измышляют разного рода клеветнические утверждения по адресу социалистических стран, всей системы социализма.

Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, давая глубокий, подлинно научный, марксистско-ленинский анализ современного капитализма, указывает: «Все это еще раз опровергает лживые выдумки буржуазных идеологов и ревизионистов о том, что современный капитализм превратился якобы в «народный капитализм», создал так называемое государство «всеобщего благоденствия», способное преодолеть анархию производства и экономические кризисы и обеспечить благосостояние всех трудящихся» (Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Госполитиздат, 1960, стр. 11).

В свете этого важнейшего положения, разоблачающего лживый и реакционный характер современной буржуазной идеологии, становится особенно очевидной антинаучность и реакционность неопозитивистской философии.

Акад. В. А. Ф О К

(Ленинград)

О РОЛИ ПРИНЦИПОВ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПОСТРОЕНИИ ТЕОРИИ ЭЙНШТЕЙНА

1) Понятие относительности движения само по себе не может привести ни к какой физической теории. Оно может стать полезным, только если его конкретизировать и дополнить другими понятиями.

2) В так называемой «частной теории относительности» утверждается относительность прямолинейного и равномерного движения инерциальных систем отсчета (принцип относительности Галилея). Тем самым вводится, во-первых, геометрический, или, точнее, хроногеометрический элемент (прямолинейность и равномерность движения), и, во-вторых, динамический элемент (инерциальность, т. е. наличие некоторого инерционного «поля», Führungsfeld, заставляющего тело двигаться по первому закону Ньютона).

3) Далее, частная теория относительности требует еще, как известно, предположения о существовании предельной скорости, равной скорости света в свободном пространстве (пустоте).

4) Указанных двух постулатов достаточно для вывода преобразований Лоренца, но еще недостаточно для однозначного определения метрики пространства-времени.

5) Для однозначного определения метрики частной теории относительности необходимо еще предположение о том, что эта метрика не зависит от происходящих в пространстве и времени физических процессов («жесткость» метрики). До появления теории тяготения это предположение принималось молчаливо как единственно возможное, но после появления теории тяготения, ко-

торая его отвергает, оно должно быть сформулировано явным образом. Из этого предположения (вместе с указанными двумя постулатами) уже вытекает однородность пространства-времени.

6) Примером теории, в которой выполняются первые два постулата, но не выполняется предположение о жесткости метрики, является предложенная мной формулировка теории тяготения Эйнштейна в гармонических координатах. Эта формулировка инвариантна к преобразованиям Лоренца, но оперирует с неоднородным пространством-временем.

7) Как показал А. Д. Александров, возможно и такое построение «частной» теории относительности, в котором понятие относительности движения не является исходным (статья А. Д. Александрова «Теория относительности как теория абсолютного пространства-времени», Сборник «Философские вопросы современной физики». Москва, 1959).

8) Так называемый «общий принцип относительности» вообще не может быть удовлетворительно сформулирован, поскольку физические процессы определяются ковариантной системой дифференциальных уравнений лишь при наличии дополнительных условий, которые уже не ковариантны. Такими являются начальные, предельные и прочие условия, а также условия периодичности и указание области изменения переменных. Тем более неверен «общий принцип относительности», если понимать относительность в смысле наличия группы движений пространства-времени.

9) Для построения теории тяготения Эйнштейна так называемый «общий принцип относительности» не нужен. Единственное, что нужно, — это ковариантность уравнений, но и это не есть физический принцип, а простое логическое требование. В самом деле, в тех случаях, когда нельзя наперед выбрать координатную систему, поневоле приходится писать уравнения так, чтобы они годились во всякой системе. Указанный вывод было бы ошибочно истолковывать в духе свойственного неопозитивизму логического конвенционализма.

10) Принцип эквивалентности допускает различные толкования. Обычно понимается под ним эквивалентность между тяготением и ускорением, но можно связать его с законом равенства массы инертной и массы тяготеющей.

11) Полной эквивалентности между ускорением и тяготением быть не может; это противоречило бы теории тяготения Эйнштейна. В самом деле, такая эквивалентность означала бы возможность чисто кинематической теории тяготения, каковой теория Эйнштейна не является. Возможна лишь локальная эквивалентность.

12) Равенство массы инертной и массы тяготеющей не

является локальным, но закон равенства масс имеет смысл только пока возможно определение той и другой массы, а это возможно только приближенно.

13) Действительный физический принцип, лежащий в основе теории тяготения, состоит в единстве геометрических и гравитационных свойств пространства-времени. Поскольку геометрические свойства определяют свободное движение тела (движение под действием инерционного поля), можно также сказать, что метрика определяет не только инерционное поле, но и поле тяготения и видеть в этом обобщение принципа эквивалентности.

14) Понятия относительности движения и эквивалентности между ускорением и тяготением сыграли большую роль в историческом ходе построения теории относительности и теории тяготения. Однако эти понятия не составляют сущности этих теорий. Позитивистские спекуляции на этих понятиях не могут подорвать физической значимости этих теорий.

Доц. И. С. НАРСКИЙ

(Московский государственный университет)

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ НЕОПОЗИТИВИЗМА

1) Неопозитивизм, т. е. современная форма позитивизма, выступает под различными наименованиями. Здесь и «логический позитивизм», «философия логического анализа», «аналитическая философия» и «логический эмпиризм», «научный эмпиризм», «философия науки» и т. д. Однако, несмотря на различные свои обличья и эклектическое соединение в ней влияний Юма, Маха, Brentano, Мейнонга, Мура и других философов, философия эта, представляющая собой одно из теоретических выражений реакционной идеологии буржуазии в условиях середины XX в., т. е. углубляющегося общего кризиса капитализма, по своему содержанию вполне определена.

2) Возникнув в начале 20-х годов XX в. почти одновременно в Австрии («Венский кружок»), Англии и Польше, неопозитивизм отличается от агностического скептицизма XVII в. и более раннего времени 1) попыткой выдать себя за учение, которое якобы не ограничивает человеческое познание, но наоборот освобождает его от пут, наложенных всеми ранее существовавшими философскими теориями; 2) утверждением, что в отличие от «полного» агностицизма и скептицизма исходит из уверенности в полной достоверности «чувственных данных, как таковых», 3) подобно прежнему позитивизму XIX века требует упразднения всей «традиционной», в том числе и скептической философии; 4) пропагандирует идею о возможности радикального «преодоления» противоположности материализма и идеализма как не только не доказуемой или не существенной, но как даже вообще мнимой.

3) Логический позитивизм отличается от махистской

формы позитивизма следующими особенностями: 1) считает лишенными научного смысла вопросы о существовании объективной реальности и об отношении ее к сознанию: «...Самые глубокие проблемы по сути дела вообще не есть проблемы» (Л. Витгенштейн, Логико-философский трактат, 4.003); 2) объявляет всю прежнюю философию не ложной, но собранием псевдопроблем и псевдоответов на них (в книге «Философия и логический синтаксис» Р. Карнап распространяет этот вывод даже на прежний позитивизм) и выдвигает в качестве предмета «научной» философии формально-логический анализ «языка» наук, в том числе и «языка» символической логики, а также повседневного и «традиционно»-философского языка; 3) вносит в теоретическое естествознание понятие логической конструкции, согласно которому ненаблюдаемые микро- и макрообъекты, например, в субатомной физике и в астрономии и научные теории вообще суть не символы относительно устойчивых групп ощущений, но не претендующие на объективную истинность совокупности формул и уравнений, полученные путем логической переработки зафиксированных в протокольных предложениях «атомарных фактов» (под последними понимаются состояния и изменения состояний сознания, логически друг из друга не выводимые) и позволяющие дедуктивно выводить из них чувственно проверяемые следствия; 4) заменяет характерное для махизма эмпирико-индуктивистское понимание математики аксиоматически-конвенционалистским, согласно которому формальное знание есть продукт произвольных конвенций (соглашений) субъектов и внутренне бессодержательно (*sinnleer*), чисто аналитично и тавтологично. Формальному знанию соответствует понятие логической истинности, т. е. формальной непротиворечивости дедуктивных систем, их внутренней взаимосогласованности, в отличие от фактуальной, т. е. эмпирической истинности, представляющей собой соответствие предложений «фактам».

4) Если неопозитивисты считают предложения логики и математики бессодержательными (*sinnleer*), то содержательными, научно осмысленными (*sinnvoll*) считаются лишь предложения, фиксирующие данные опыта и логически из них выведенные. Утверждения же «традиционных» философских учений объявляются научно не осмысленными (*sinnlos*). Философия логического позитивизма, согласно замыслам ее лидеров (Шлик, Карнап, Ган и др.), имеет своей задачей:

а) Осуществление четкого распределения всех предложений по рубрикам указанной классификации, для чего необходим анализ значения предложений и терминов, входящих в них. Исходным пунктом, а с другой стороны — завершением этого

анализа должен быть анализ значения самого понятия «значение». Это проблема, как неоднократно подчеркивали М. Шлик и А. Пап, является основным философским вопросом в философии неопозитивизма. Решение этого вопроса, казалось бы нейтрального в рамках борьбы двух основных лагерей в философии, в действительности предопределяется в неопозитивизме субъективно-идеалистическим пониманием категорий и понятий «опыт», «познание», «содержание знания».

б) Анализ логического строения и методологии наук (в этом отношении ряд логико-неопозитивистов, несмотря на существенные свои философские ошибки, добился некоторых научных успехов, которые отнюдь не следует перечеркивать).

в) Унификация, т. е. объединение всего научного знания.

5) Наиболее четко выраженную и наиболее близкую к откровенному субъективному идеализму форму теория познания неопозитивизма получила в «Венском кружке» и в его публикациях на страницах журнала «Эркеннтнис» (1930—1938). Деятели этого неопозитивистского объединения сформулировали следующие основные идеи гносеологии логического позитивизма:

а) концепцию «языка» как совокупности терминологических и символических средств науки (включая логические отношения между терминами, символами, предложениями и т. д.) и как главного, а с точки зрения основных лидеров «Кружка», — единственного объекта философского изучения;

б) тезис о гносеологической «нейтральности» опыта и принцип верификации, который утверждает, что проверка научной осмысленности предложений, т. е. их истинности или ложности, происходит через сравнение их с переживаниями, в том числе с ощущениями субъекта. При этом предложения, в принципе не поддающиеся проверке, т. е. предложения, в отношении которых логически невозможно сформулировать состав ситуации, в которой они могли быть верифицированы (возможное противоречие этой ситуации законам природы неопозитивисты помехой не сочли: Шлик и Карнап допустили возможность внесения воображаемых поправок в законы природы), объявляются научно не осмысленными. Смысл предложения был отождествлен в «Венском кружке» со способом его проверки, а осмысленность — с проверяемостью (верифицируемостью); в докладе доказывается субъективно-идеалистический характер названных отождествлений;

в) конвенционалистское понимание существа логики и математики, выраженное в «принципе терпимости» Карнапа и в принципе «радикального конвенционализма» Айдукеви-

ча, распространенное (например, Райхенбахом) на этику и эстетику, на выбор философии (Тарский), выбор предложений эмпирического базиса наук (спор Карнапа и Нейрата о «протокольных предложениях») и представляющее собой разновидность индетерминизма;

г) физикализм как выражение стремлений неопозитивистов унифицировать все научное знание на базе единого языка науки. Первоначально физикализм был понят как требование перевода предложений всех наук на предложения, состоящие только из терминов, употребляемых в физике. Это требование возникло с целью достижения не объективного, но лишь «языкового» единства наук, а тем самым и так называемой «интерсубъективности» знания; оно вылилось в пропаганду бихевиористской психологии и социологии со всеми вытекающими отсюда реакционными последствиями.

б) Что представляет собой, с точки зрения неопозитивизма, познание? Каково соотношение знания и познания, истины и проверки истины? Основные методологические идеи неопозитивизма в этом отношении таковы:

а) неопозитивизм осуществил ряд сугубо метафизических операций, а именно: резко отчленил проблему результатов познания и их гносеологической оценки от проблемы характера и закономерностей самого процесса познания (процесс этот не интересует неопозитивистов, и они рассматривают его как нечто «данное», представляющее значение не для логического, но лишь для психологического анализа), резко обособил друг от друга понятия истины (это понятие содержательно) и истинности (это понятие формально и представляет собой логическую характеристику, одинаковую для всех предложений, включаемых в класс истинных предложений), при чем гносеологию неопозитивизма интересует почти исключительно лишь проблема истинности. Истинность рассматривается при этом как формальный признак предложений (Айер) или же как отношение предложения к суждению (Карнап);

б) с точки зрения неопозитивизма, познание не имеет ничего общего с процессом отражения объектов в сознании субъекта. С данной точки зрения, познание есть «упорядочение, сравнение, включение в отношения, обнаружение равного в различном, сведение одного к другому... Чистое переживание... есть исходный пункт, сырой материал познания» («Erkenntnis», 1939, Band 7, S. 402). По мнению Шлика, Карнапа, Гемпеля и других неопозитивистов, познание представляет собой логическое конструирование понятий объектов на основе материала чувственных «данных». Шлик и Франк, Рассел и Рапо-

порт категорически выступают против понимания познания как постепенно все более полного и все более глубокого, проникающего в сущность вещей процесса отражения содержания объектов. «В науке, — утверждали неопозитивисты еще в своем манифесте «Научное миропонимание», — не существует «глубин»; всюду — поверхность.... В научном познании нет «сущности». «Понятие соответствия (т. е. отражения свойств вещей в суждениях научных теорий. — И. Н.), — победоносно заявлял Шлик, — тает под лучами анализа...» Б. Рассел же истолковывал познание как приобретение субъектом тех или иных привычек поведения. О. Нейрат дошел даже до заявления, что в силу всего сказанного выше «внутри последовательного физикализма не может быть никакой «теории познания»», («Erkenntnis, Band 2, 1931, S. 404).

Однако теория познания в неопозитивизме есть. Она представляет собой учение об эмпирической проверке предложений науки, о тождестве понятий истинности и критерия истинности (проверки того, что истинность сложных предложений есть функция истинности элементарных предложений, так называемый принцип экстенциональности) и о том, что результаты познания являются знанием лишь постольку, поскольку они реализуются в языковой структуре. В последней неопозитивизм видит единственно возможный путь к «объективизации» знания. По воззрениям неопозитивистов, познание охватывает не само содержание переживаний, ощущений и т. д., но лишь формальные отношения между зафиксированными («представленными» по выражению Р. Карнапа) в языке фактами наличия тех или иных «данных» (т. е. этих переживаний, отношений и т. д.).

7) Гносеология неопозитивизма коренным образом противоположна ленинской теории отражения, ибо сводит познание по сути дела к обозначению переживаний и ощущений субъекта при помощи знаков (символов), а затем — к упорядочению последних, т. е. к приведению их в «удобную» систему, к включению в рамки логических конструкций, об объективной значимости которых неопозитивизм не рассуждает, считая анализ этого вопроса лишеным научного смысла. Гносеология неопозитивизма содержит в себе большое количество догматических и одновременно субъективно-идеалистических положений: а) тезис о непосредственной «данности» опыта субъекту; б) тезис о несуществовании для науки всего того, что не наблюдаемо (данное положение смыкается с идеями Копенгагенской школы «физического идеализма» и в особенности с «принципом дополнительности»); в) тезис о том, что

прогресс науки и ее объединение происходят на путях чисто «языковых» изменений; г) примирение с гносеологическим солипсизмом и др.

8) Наиболее выпукло субъективно-идеалистический характер неопозитивизма обнаруживается при сопоставлении трех его утверждений: а) вытекающего из принципа верификации тезиса о тождестве наблюдаемости и существования; б) вытекающего из позитивистской трактовки учения Б. Рассела о «дескриптивных определениях» тезиса о тождестве существования с данностью символа познанию логики; в) вытекающего из позитивистской трактовки записи так называемого «условия материальной адекватности семантического определения истины» отождествления истинности с фактом приемлемости данного предложения в рамках принятой субъектом формальной системы.

9) История неопозитивизма в 30—50-х годах XX в. — это цепь различных попыток преодоления солипсизма, неосторожно признанного Л. Витгенштейном и превращенного в 1928 г. Р. Карнапом в «методологический» принцип, попыток обоснования интерсубъективности и различных интерпретаций физикализма, а также попыток уточнить содержание понятия «эмпирический базис науки».

К началу 40-х годов неопозитивизм претерпел следующие основные изменения: а) понятие логического анализа «языка» было расширено за счет включения в него задач логико-семантического анализа, б) в истолковании верификации пришлось отказаться от явно субъективистского отождествления осмысленности и проверяемости; в) конвенционализм в работах некоторых философов неопозитивистского толка был снабжен оговорками, приближающими его к априоризму (Б. Рассел) или же даже — к феноменалистскому эмпиризму (В. Крафт); г) физикализм был «ослаблен», будучи перетолкован как пожелание редукции предикатов различных наук к простейшим предикатам непосредственного наблюдения.

В настоящее время неопозитивизм наиболее известен под названием «аналитической философии», причем большинство английских «аналитиков», в отличие от американских, наиболее отошли от идей «Венского кружка», пропагандируя воззрения Л. Витгенштейна последних лет его деятельности, изложенные в книге «Философские исследования» (1953). Но и в Англии и в США «аналитическая философия» сохранила основные идеи неопозитивистской теории познания — сведение философских исследований к логико-лингвистическому анализу, субъективно-идеалистическую программу науки, конвенционалистскую (или близкую к ней) трактовку логики и математики.

10) Руководящие принципы критики неопозитивистской теории познания вытекают из содержания труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Большое внимание уделить следует, в частности, выявлению гносеологических и естественнонаучных источников самой концепции неопозитивизма, которая складывалась в процессе извращенного истолкования 1) фактов преодоления так называемых логических парадоксов путем изменения логического «языка» с помощью аппарата символической логики, 2) фактов существования и развития n — значимых логик и различных геометрических систем, а также в процессе, 3) субъективизации, так называемого «соотношения неопределенностей» в физике и 4) формалистической интерпретации понятия знака в семантических системах и языкознании и т. д. В пользу вывода о необходимости дальнейшего развертывания критики неопозитивизма говорит и такое немаловажное обстоятельство, как использование неопозитивистской гносеологии в реакционных целях буржуазными социологами, а также ревизионистами.

Действ. член АПН РСФСР А. Н. ЛЕОНТЬЕВ

(Московский государственный университет)

ПОЗИТИВИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ОЩУЩЕНИЯ И ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ

1) Марксистско-ленинское учение о чувственном познании объективной реальности, хотя и отмечает роль ощущений в процессе приспособления животных и человека к окружающей среде, исходит прежде всего из признания непосредственной адекватности ощущения объективной природе свойств, воздействующих на органы чувств. Именно это положение и является основным, резко разделяющим диалектико-материалистический подход к проблеме ощущения и тот подход к ней, который характерен для позитивизма как старого, так и новейшего.

2) Систематические исследования ощущений, развернувшиеся во второй половине XIX века, накопили важнейшие конкретно-научные данные (И. Мюллер, Г. Гельмгольц, Э. Вебер, Г. Фехнер и др.); вместе с тем исследования эти обосновывали в проблеме ощущения позиции физиологического идеализма и позитивизма; последние полностью сохранились и при подходе к ощущениям с эволюционной точки зрения (физиологи и психологи — спенсерианцы). Общий итог этих исследований нашел свое выражение в так называемой «рецепторной» точке зрения на ощущение, которая состоит в подходе к ощущениям, ограничивающимся рассмотрением связи воздействий и вызываемых ими только афферентных процессов с их эффектами, в результате чего проблема адекватности последних объективной природе самого свойства воздействующего на рецептор, незаконно подменяется проблемой их приспособительной ценности. Такой подход к ощущению до сих пор имеет широкое распространение и служит существенным препятствием для преодоления позитивистской трактовки чувственного познания. Этот подход

мы найдем и в теориях познания Конта и Спенсера и в гносеологии основателя «Венского кружка» М. Шлика (см. его «Всесообщую теорию познания», 2-е изд., 1925).

3) Принципиально иной подход к исследованию ощущений был выдвинут И. М. Сеченовым. В его основе лежит учение о детерминированности ощущения предметной действительностью, во взаимодействие с которой вступает человек. Соответственно, ощущение рассматривалось им как явление, которое возникает лишь в составе полного рефлекторного акта с его «двигательными последствиями» — или внешне выявленными или заторможенными, редуцированными. Таким образом, ощущение формируется в условиях реального (и первоначально всегда внешнего, практического) контакта с самой предметной действительностью; благодаря этому оно и является адекватным ей, представляет собой ее «слепок». Эта позиция особенно ясно была выражена Сеченовым применительно к осязанию и зрению, работу которых он представлял как процесс «снятия» движением особенностей формы и взаимного расположения предметов. Этим была заложена основа того подхода к проблеме ощущения, который может быть назван «рефлекторным» и который состоит в признании того, что ощущение возникает на основе рефлекторных процессов в их полном составе, т. е. при обязательном участии также эффекторных звеньев с их обратными афферентациями (кинестезиями). Новый вклад в развитие рефлекторной концепции ощущения был сделан И. П. Павловым, выдвинувшим известное учение о деятельности анализаторов и об ориентировочных рефlekсах.

4) Рефлекторная концепция ощущений Сеченова — Павлова создает конкретно-научную основу для последовательного диалектико-материалистического понимания механизмов и природы непосредственно-чувственного отражения объективной реальности. Однако развитие идей И. П. Павлова в области исследований ощущений в некоторых современных физиологических, психологических и философских работах приобрело односторонний характер. Эта односторонность выражается в том, что в основу анализа процессов ощущения некоторые авторы кладут представление о деятельности анализаторов, посредством которой осуществляется дифференцирование раздражителей по их сигнальному значению; при этом учение о своеобразии ориентировочных реакций, на что указывал сам И. П. Павлов (Соч., изд. 2, т. 4, стр. 142) практически ими игнорируется. Эта односторонность в трактовке механизмов и природы ощущения объективно приводит к характерно позитивистской подмене понятия отражения объективной природы воздействующих свойств понятием

восприятия их сигнального значения их чисто операционного лишь смысла.

5) Современные исследования, посвященные изучению с рефлекторных позиций, ориентировочных реакций и процессов восприятия, особенно зрительного и слухового, позволяют сформулировать гипотезу о принципиальном механизме ощущения, которая противостоит взглядам позитивизма и неопозитивизма на процесс чувственного познания. Эта гипотеза, разрабатываемая при участии автора, выдвигает на основе экспериментальных данных положение о необходимости адекватности эфферентного звена процессов непосредственно-чувственного отражения природе выделяемого в восприятии объективного свойства воздействующей реальности, что в частности может быть использовано для дальнейшей конкретизации марксистской критики неопозитивизма.

Доктор филологических наук В. А. ЗВЕГИНЦЕВ

(Московский государственный университет)

НЕОПОЗИТИВИЗМ И НОВЕЙШИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

1) Как известно, неопозитивизм представляет собой многообразное явление современной буржуазной философии, включающее в себя ряд школ и направлений, которые разными путями и с использованием новейших фактов разных «положительных» наук стремятся внедрить в науку начала субъективного идеализма. Одной из главных точек приложения позитивистских доктрин ныне является лингвистика.

2) Для новейших направлений буржуазной лингвистической науки характерно использование позитивистских положений двоякого порядка. Одни следуют процедуре логического построения мира и стремятся на основе анализа категорий языка установить особые логические формы познания действительности или же замкнутые конкретным лингвистическим кругом (отдельные языки) национальные мировоззрения. Сюда относится так называемая гипотеза Сепира-Уорфа и школа Лео Вайсгербера. Другие ставят своей целью обосновать применение в лингвистическом исследовании метода, базирующегося на чистом конвенционализме и исходящего из условных формальных определений и предпосылок, которые никак не соотносятся с языковой реальностью. В этом втором случае характерно стремление выработанный первоначально на лингвистическом материале метод генерализовать и превратить в универсальное средство познания и описания любых объектов. Наиболее ярким выразителем этой тенденции является глоссематика.

3) В гипотезе Сепира-Уорфа (которую можно взять в качестве представителя первой из названных двух тенденций) доказывается, что даже основные категории: субстанции, пространства, времени могут трактоваться по-разному в зависимости от структурных качеств языков. Каждый язык своей структурой якобы навязывает определенные направления познания действительности и соответственно по-разному

рисует картину объективного мира для людей, говорящих на разных языках. На основе подобных предпосылок Б. Уорф создает свою теорию «лингвистической относительности», в соответствии с которой «каждый язык обладает своей метафизикой», и если бы, например, Ньютон говорил и думал не по-английски, то и построенная им система мироздания выглядела бы иначе.

В гипотезе Сепира-Уорфа искажаются действительные зависимости, существующие между языком, мышлением и действительностью, и происходит типичная для позитивизма подмена (и смешение) логического и онтологического планов.

4) Глоссематика (и, в частности, ее основатель — Луи Ельмслев) сделала крайние выводы из бесспорно выдающегося научного открытия, сделанного Ф. де Соссюром, — установления в языке (в тех его качествах, которые противопоставляются речи) семиотического аспекта. Эти выводы относятся как к собственно лингвистическому, так и к гносеологическому планам. Но ошибочность их в одинаковой мере обусловлена философской ориентацией глоссематики, базирующейся, по признанию самого Л. Ельмслева, на логическом позитивизме.

5) В плане лингвистическом основная ошибка глоссематики сводится к тому, что она элиминирует все прочие аспекты «естественного» языка и заменяет их одним единственным — семиотическим. Тем самым предмет науки о языке получает иное определение, а лингвистика как наука утрачивает свою самостоятельность и растворяется в семиотике. В соответствии с этим общим выводом решается в глоссематике и вопрос о методе лингвистического исследования и ряд других принципиальных проблем языкознания. «Естественный» язык, рассматриваемый как частный случай семиотических систем, трактуется как пучок функций, для которых языковая субстанция — вторичного и факультативного характера — всего лишь одно из возможных средств манифестации отношений, существующих между функциями и функциями. Лишенный всякой внутренней связи с субстанцией «естественный» язык оказывается чистой формой, изучение которой должно осуществляться на основе предпосылок, удовлетворяющих лишь формальным условиям и носящих сугубо конвенциональный характер.

При таком подходе, принципиально не проводящем разграничения между языком как объектом лингвистического изучения и как объектом семиотического изучения, «естественный» язык оказывается лишенным своей общественной сущности, изолированным от выполняемых им функций (и в первую очередь — коммуникативной функции) и отчужденным

от своего основного качества — непрерывного развития (которое является формой существования языка). Все это определило бессилие глоссематики как лингвистического метода исследования.

б) Несколько видоизменяя формулу тех позитивистских направлений, которые единственным объектом философского рассмотрения считают язык, Л. Ельмслев выдвигает свое положение о том, что «все науки группируются вокруг лингвистики» (разумеется, в глоссематическом смысле). Это положение является предпосылкой, на основе которой осуществляется превращение глоссематики в единую теоретическую основу исследования для всех наук. В развитии данного положения один из представителей глоссематики Ульдалль (совместно с Л. Ельмслевым) создает «глоссематическую алгебру». По мысли своего создателя «глоссематическая алгебра» носит универсальный характер; приложение ее «не ограничивается материалом определенного порядка» и ориентирована она на «создание исчисления некачественных функций, применение которых к материалу должно привести к его описанию в терминах отношений, корреляций и дериваций». При этом подведение всех объектов исследования под определенную указанным образом глоссематическую методику осуществляется посредством полной дематериализации этих объектов, в чем Ульдалль видит, во-первых, путь сближения наук двух типов (точных и гуманитарных, или, в терминологии Ульдалля, количественных и качественных) и, во-вторых, средство научного усовершенствования самих методов исследования. Последнее утверждение аргументируется тем, что «с научной точки зрения вселенная состоит не из предметов или даже «материи», а только из функций, устанавливаемых между предметами; предметы же (каковыми являются, например, и исторические события. — В. З.) в свою очередь рассматриваются как точки пересечения функций».

Таким образом, в данном случае используется та же процедура, которая применялась глоссематикой в лингвистике. Основу этой процедуры составляет абсолютизация логико-семиотических категорий и полная дематериализация объектов исследования. Разница масштабов научных притязаний — в глоссематической лингвистике мы имеем дело лишь с языком, а в «глоссематической алгебре» со всей вселенной — позволяет с большой ясностью обнаружить всю методологическую ошибочность рассматриваемого научного направления. Но эта разница отнюдь не создает независимых областей исследования. Позитивистские основы философского аспекта глоссематики бесспорно обуславливают и научную бесплодность ее как универсальной теории языка.

Канд. философских наук А. С. БОГОМОЛОВ

(Московский государственный университет)

НЕОПОЗИТИВИЗМ И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ

1) Объективная логика развития науки привела уже в XVIII—XIX вв. к необходимости рассматривать мир в процессе его изменения, развития. Если вначале концепция развития в буржуазной философии приняла форму плоско-эволюционной, механистической теории, то на рубеже XIX и XX вв. она сменяется новой разновидностью метафизической концепции развития — учением о «творческой эволюции» (А. Бергсон, С. Александер, А. Н. Уайтхед, Я. Хр. Смэтс). Ее особенность — признание возникновения новых качеств, главным отличительным свойством которых являются невозможность их предвидения.

В теориях «творческой эволюции» реальная характеристика нового качества подменяется познавательной характеристикой. В результате этого возникает специфическая форма агностицизма, основанная на абсолютизации трудностей научного предвидения.

2) Анализируя и развивая далее взгляды представителей теорий «творческой эволюции» (в особенности теории эмерджентной эволюции), многие неопозитивисты становятся на позиции отрицания объективного процесса развития и делают предметом своего анализа изучение методов предсказания независимо от объективного процесса развития. Методы предсказания и контролирования явлений могут быть развиты, согласно этому взгляду, совершенно независимо от самих явлений. Теоретическая концепция действительности («метафизика») противопоставляется здесь научному методу. Но в таком случае становится таинственным, непонятным возникновение самого метода.

3) Наряду с неопозитивистскими теориями, «обосновывающими» невозможность научного предвидения (К. Поппер),

существует концепция, согласно которой невозможность предвидения относительна, релятивна. Теория эта основывается на том, что невозможность предвидения не может быть онтологической характеристикой, являясь лишь характеристикой познавательной (эпистемологической). Однако эта верная мысль переходит далее в другую: сама «эмерджентность» (возникновение нового) не имеет «метафизического статуса» (см. Р. Henle. The status of emergence. The Journal of Philosophy, 1942). Проблема развития, возникновения нового превращается в связи со сказанным в чисто формально-логическую проблему. Хенле называет ее проблемой «логически нового», в понятии которого не подразумевается никакой временной первичности, никакого объективного процесса развития. И хотя Хенле выдвигает некоторые важные и верные положения относительно логической структуры научного предвидения, они повисают в воздухе, так как не опираются на познание объективных законов развития.

4) Идеи Хенле развиваются далее К. Хемпелем и П. Оппенгеймом в работе «Studies in the logic of explanation», Philosophy of Science, 1948. Принцип «логики объяснения» состоит в том, что явление не только описывается, но также и истолковывается на основе общих законов и определенных специфических обстоятельств. Логическая структура объяснения, по Хемпелю и Оппенгейму, такова: в объяснении должны быть налицо объясняемое, т. е. класс предложений, описывающих явление, и объясняющее, состоящее из двух классов предложений, первый из которых представляет собой высказывания о предшествующих условиях, а второй — формулировку общего закона. Если объясняемое дано, то мы будем иметь объяснение как таковое; если оно не дано — перед нами встает проблема предвидения как такового.

Хемпель и Оппенгейм формулируют принцип, согласно которому объяснение и предвидение имеют одинаковую структуру, различаясь лишь тем, что объясняемое событие предшествует объясняющему суждению, тогда как предсказываемое следует за предсказанием. На деле здесь налицо существенное структурное различие, обуславливающее большую сложность научного предвидения по сравнению с объяснением.

Хемпель и Оппенгейм делают ряд замечаний, указывающих по сути дела на необходимость связывать проблему предвидения с объективным характером исследуемого процесса. Однако и у этих авторов порочная установка неопозитивизма приводит к тому, что поскольку возможность предвидения относительна, она зависит от того, какие законы нам известны и могут быть использованы для целей пред-

видения; возникновение (emergence) качества не есть онтологическая черта некоторых явлений, но скорее понятие, указывающее на объем нашего знания в настоящее время. Констатируя зависимость возможности предвидения от наличной теории и вместе с тем отрицая «онтологический статус» возникновения нового, обуславливающий на деле эту возможность, неопозитивисты не могут верно поставить вопрос о развитии самой теории. Ведь проблема возникновения нового есть вместе с тем проблема изменения и развития самой теории, долженствующей это новое объяснить. Без признания объективного характера качественных изменений и учета их в разработке научного метода не может быть подлинного развития науки.

5) Ошибкой неопозитивистов является представление о том, что познавательная ситуация характеризуется наличием некоторой постоянной логической системы и некоторой постоянной сложившейся теории. Это особенно ярко проявляется у Артура Папа, неопозитивиста, склоняющегося в ряде вопросов к позиции, имеющей оттенок неореализма (A. Pap. The concept of absolute emergence. British journal for the philosophy of sciences, 1952). Он сводит вопрос о возможности предвидения к тому, в какой семантической системе выражено то новое качество, предсказать которое необходимо, и общий закон, который может послужить основой для его предсказания. Если новое качество выражено словесно через уже известные качества, то оно может быть предсказано; если же оно определимо только наглядно (ostensibly), то оно «абсолютно эмерджентно», т. е. не допускает предвидения. А. Пап повторяет здесь спекуляции сторонников «творческой эволюции», доказывавших невозможность предвидения некоторых качеств до опыта, априори. Но ведь никакие качества не могут быть предсказаны априори; любое предвидение требует, чтобы предварительно было проведено исследование закономерностей развития объекта, закономерностей возникновения тех или иных качеств. Если «эмерджентность» оказывается абсолютной (в том случае, когда в предпосылках, в исходной семантической системе нет определений уже известных качеств, родственных данному), то перед нами встает задача обогащения предпосылок, т. е. существенного развития «семантической системы». Значит, возможность предвидения оказывается и в этом случае зависящей от уровня нашего знания. Реальный процесс развития познания состоит в непрерывном взаимодействии эмпирического и рационального, в переходе эмпирического, индуктивного знания в дедуктивное.

6) В противоположность неопозитивизму теория познания диалектического материализма показывает, что не может быть

речи о законах и методах человеческого познания безотносительно к предмету исследования, к реальному процессу развития. Возможность научного предвидения зависит не только от уровня нашего знания, от известных нам общих законов и специфических эмпирических условий, но и прежде всего от характера исследуемого процесса. Процесс развития объективен, и от того, как он в этот процесс, зависят способы научного предвидения.

Решающее место в методологии научного предвидения занимают законы материалистической диалектики и в первую очередь закон перехода количественных изменений в качественные — теоретическая основа научного предвидения.

Доц. Н. В. ПИЛИПЕНКО

(Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР)

КРИТИКА НЕОПОЗИТИВИСТСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПО ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ

1) На основе обобщения многовекового развития естественных, технических и общественных наук, а также общественно-исторической практики марксистско-ленинская философия показала, что в природе и обществе господствует объективная необходимость, определяющая развитие явлений, предметов, вещей, процессов. В то же время наряду с необходимостью существует и объективная случайность.

В закономерном развитии явлений, процессов, событий природы и общества необходимость и случайность находятся в диалектическом взаимодействии друг с другом. Взаимодействие между ними выражается прежде всего в том, что в природе и обществе необходимость и случайность не существуют в чистом виде, они всегда находятся в единстве. Нет случайности, которая бы существовала в отрыве от необходимости, как нет и необходимости, не связанной со случайностью. «Случайность, — указывает Ф. Энгельс, — это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью» (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1951, стр. 151).

Чистой необходимости или чистой случайности не бывает по той причине, что в вечно развивающемся материальном мире имеется огромное количество различных связей — внутренних и внешних, поверхностных, прямых и косвенных, основных и второстепенных, которые, находясь в тесном сцеплении друг с другом, оказывают воздействие на ход природной или общественной необходимости, обуславливая ее проявление в форме случайности.

Диалектическое взаимодействие между необходимостью и

случайностью далее выражается в том, что они не абсолютные противоположности, а имеют относительный характер. Эта относительность противоположности между необходимостью и случайностью состоит в том, что одно и то же явление в зависимости от различных связей с другими предметами и явлениями материального мира в одно и то же время может быть и необходимым и случайным.

Диалектическое взаимодействие между необходимостью и случайностью выражается также в том, что с изменением условий развития предметов, тел, явлений, процессов необходимость может превратиться в случайность и наоборот.

Наконец, диалектическое взаимодействие между необходимостью и случайностью выражается и в том, что необходимость прокладывает себе дорогу через случайность, а случайность является формой проявления необходимости и дополнением к ней. «То, — отмечает Ф. Энгельс, — что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, и то, что считается случайным, представляет собой форму, на которой скрывается необходимость и так далее» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв. в 2-х томах, т. II, стр. 368, 1949).

2) Диалектико-материалистическое понимание категорий необходимости и случайности, их взаимодействия между собой имеет огромное значение для развития научного познания и практики, прогресса в общественной жизни.

Подлинная наука всегда обязана за поверхностными, единичными, случайными явлениями, событиями вскрывать необходимость и законы, лежащие в их основе с тем, чтобы вооружать ими людей в борьбе за овладение слепыми силами природы, за преобразование общественных отношений в своих интересах. «Теоретическое познание, — подчеркивает В. И. Ленин, — должно дать объект в его необходимости... в его противоречивом движении...» (В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 203).

Разумеется, наука, встречаясь со случайными явлениями, не должна обходить их. В данной ситуации задача науки состоит в том, чтобы познать необходимость, скрытую под видимостью случайностей и на этой основе предвидеть направление, развитие явлений, процессов в материальном мире. Ф. Энгельс писал, что там, «где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв. в 2-х томах, т. II, стр. 371). Известно, например, что квантовая механика имеет дело не с динамическими, а со статическими закономерностями, которые обусловлены причинностью, включающей в себя не

только необходимую, но и случайную связь. Поскольку статические закономерности отражают свойства взаимодействия большого числа микрочастиц, то необходимая причинная связь в квантовой механике проявляется через бесконечное множество случайностей, которые не могут в силу этого не изучаться ею. Точно так же и изменение форм растительных и животных организмов, эволюция жизни на земле, изучаемые материалистической биологией, не могут происходить без влияния случайностей (следовательно, необходимо и изучение последних), ибо в развитии живой природы то, что является случайным для отдельного животного или растения, как правило, является необходимым для вида в целом. Необходимые черты вновь формирующихся в процессе эволюции видов образуются из случайных индивидуальных изменений и приспособлений к условиям внешней среды.

Так как случайности могут быть благоприятными и неблагоприятными, то наука должна в максимальной степени содействовать людям в использовании благоприятных случайностей и устранять или ограничивать воздействие неблагоприятных.

Научное знание должно давать людям не только объяснение явлений, но и содействовать им в предвидении этих явлений. А этого можно достигнуть лишь путем познания законов природы и общества. Только на основе познанных законов природы и общества можно предвидеть развитие явлений, процессов, событий и тем самым сознательно, планомерно изменять материальный мир в нужном для человека направлении.

3) Величайшей заслугой марксистско-ленинской философии является то, что она с каждым существенно новым открытием в естествознании стремится углубить и развить содержание понятий причинности, закономерности, необходимости и случайности. Идеализм же (все его разновидности) использует открытия науки для опровержения принципа детерминизма, объективного содержания науки.

Когда в конце XIX в., в связи с открытием электрона, рентгеновских лучей, радиоактивности и т. п. буржуазные ученые, и прежде всего позитивисты в лице Маха и др., стали утверждать, что не существует никакой необходимости, кроме условно-логической, и что в силу неприменимости механической причинности к явлениям микромира понятие причинности устраняется из науки, В. И. Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» со всей силой подверг критике эти махистские, позитивистские утверждения.

В. И. Ленин доказывает, что человеческие представления о закономерности, необходимости, причинности в природе

относительны, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина. Объективное существование закона природы, причинности в природе не зависит ни от естественнонаучных представлений о них, ни от способа их формулирования в научных понятиях. «Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле, — а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины...» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 146—147).

Данные квантовой механики подтвердили правильность этого высказывания В. И. Ленина. Современная квантовая механика показала, что старые механические представления о причинности, исключавшие случайность, возможность, вероятность, не приложимы к микроявлениям. В классической механике связь между причиной (силой) и следствием (ускорением) отражается непосредственно при помощи величин, выражающих причину и следствие. В квантовой механике эта связь отражается по-иному. Здесь связь между причиной и следствием отражается не прямо, а опосредованно, путем выражения зависимости различных возможностей поведения частицы от ее взаимодействия с другими телами. Важнейшей особенностью уравнения Шредингера именно и является то, что в нем выражена зависимость реальных возможностей поведения микрочастицы от ее взаимодействия с окружающей средой.

4) Современные позитивисты еще более упорно, чем в свое время Мах и Авенариус, стремятся доказать, что в природе и общественной жизни нет необходимых связей, отсутствует объективная причинность. Они усиленно пытаются дискредитировать понятие закономерности, необходимости, принцип детерминизма. Один из столпов неопозитивизма Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате», воспроизводя юмистский тезис о причинности, заявляет, что она есть не более, как вера в определенную последовательность событий, и что вера в причинную связь есть предрассудок («Трактат», М., 1958, стр. 64). Что касается явлений природы, фактов, то они, по Витгенштейну, не могут находиться в необходимой связи друг с другом (см. стр. 94).

Другой крупный неопозитивист Б. Рассел в своих работах «Человеческое познание», «Проблемы философии», «Мистицизм и логика» и других в таком же духе «разделяется»

с понятием необходимых связей, присущих природе. Он рассматривает закономерности и необходимые связи в природе в качестве порождения человеческого сознания и называет их реликвией былых времен, которую терпят только потому, что ошибочно полагают, что она безвредна. По взглядам Рассела, философы пришли к признанию объективности законов, необходимых связей природы только на том основании, что они допускали в повседневной жизни существование множества регулярных последовательностей. Эта регулярность и внушила им мысль о законе, о необходимости в природе. Раскрывая по-своему смысл понятия «физический закон», Рассел пытается доказать, что законы науки вообще не отражают объективных процессов, происходящих в природе и обществе, не являются результатом познания взаимосвязей и законов природы, а являются лишь отображением соотношения чувственных данных в сознании того или другого ученого (См. Б. Рассел, Человеческое познание, Изд-во иностранной литературы, М., 1957, стр. 360, 361).

В аналогичном духе рассуждает неопозитивист Ф. Франк в своих книгах «Закон причинности и его границы» (1932), «Философия науки» (1957), где делает акцент на желательность предвидения будущих чувственных данных, но не в состоянии показать, на чем именно это предвидение может быть основано.

Американский неопозитивист-социолог Ландберг в отношении законов общественной жизни утверждает, что «закон не существует до тех пор, пока он не установлен». Если придерживаться этой точки зрения, то получается, что наука не открывает, а изобретает законы, причем последние оказываются не объективно-существующими связями, а всего навсего упорядочением восприятий субъекта.

Неопозитивист Мэйо, стоя на позициях отрицания законов естественного развития пишет: «Сфера, в которой может действовать свободное усмотрение, может быть ограниченной, однако небольшие частные изменения в определенном направлении могут через некоторое время привести к совершенно различным результатам» (*Democracy and Marxism*, № 4, 1955, p. 60).

5) Неопозитивистское отрицание необходимости, причинности и вообще закономерности в материальном мире проникает в среду естествоиспытателей, часто внося в их открытия субъективистско-идеалистическую трактовку.

В. Гейзенберг считает, например, что открытое им соотношение неопределенностей, говорящее о невозможности одновременного точного измерения координат и импульса микро-частиц, является будто бы доказательством того, что

квантовая физика в отличие от классической все более и более отходит от принципа причинности.

В. Гейзенберг и в особенности Н. Бор и др. увидели в соотношении неопределенностей отражение факта якобы неконтролируемого взаимодействия прибора и микрообъекта, в котором субъективный момент познания оказывается решающим.

В действительности же, как показали советские ученые (В. А. Фок, Д. И. Блохинцев, А. Д. Александров, М. Э. Омеляновский и др.) соотношение неопределенностей выражает ограниченность применения понятий координат и скорости движения (импульса) в механическом их понимании к микрообъектам. Микрочастицы обладают двойственной природой: им присущи корпускулярные и волновые черты. В силу этого они не имеют одновременно определенных координат и скоростей в макросмысле обычной механики. Заметим, что сам Гейзенберг в своем открытии соотношения неопределенностей в некоторой мере, не вполне, видимо, им осознанной, опирался на использование принципа причинности, поскольку в принципе о самом существовании микрочастиц можно судить по тем изменениям, которые они вызывают как следствия своих действий в измерительных приборах, при взаимодействии с последними. А такой подход к вопросу невозможен без опоры на принцип причинности.

б) По мнению неопозитивистов, оказывается, что в природе и обществе господствуют случайности. Таков ответ на вопрос о характере природных и общественных изменений. Но как возникают случайности? На этот второй вопрос ответом оказывается только молчание.

Американский профессор Р. Лампрехт в статье «Метафизические основы проблемы свободы», отрицая принцип причинности, необходимые связи в природе и обществе, рассматривает эти области действительности как скопление случайностей. Лампрехт утверждает, что все события в природе и особенно в обществе случайны, а признание необходимости является иллюзией. Однако он не ограничивается этим и пускается в своего рода апологию случайностей. Только признание господства случайностей в природе и обществе, говорит Лампрехт, делает возможным человеческую свободу.

Другой американский социолог-позитивист Д. Фрэнк в книге «Судьба и свобода» еще более откровенно говорит о том, что историю делает случай. «Многие историки, — пишет он, — забывают что позиция короля, диктатора, премьер-министра, президента может повлиять на будущие судьбы его страны и другие страны» (The Fate and Freedom, p. 598).

«В человеческом обществе, — заявляет далее Фрэнк, —

любое случайное событие (а особенно появление великих исторических деятелей. — *Н. П.*) может иметь величайшие последствия...» (р. 44). Эти примеры можно умножить.

7) Сведение неопозитивистами природы и общества к хаосу случайностей непосредственно сказывается также на естественных испытаниях капиталистических стран, которые не отгорожены какой-либо стеной от официальной буржуазной философии в том числе и неопозитивистской философии, разлагающе действующей на них. Ярким примером этому могут служить взгляды некоторых ученых Запада на происхождение жизни. Так, по взглядам американского ученого Меллера, образование жизни в виде гена или молекулы ДНК (дезоксирибонуклеиновой кислоты) произошло чисто случайным образом.

Подобной точки зрения по данному вопросу не без влияния позитивистской философии, придерживается и такой прогрессивный физик как Д. Бом (см. Д. Бом, Причинность и случайность в современной физике, Изд-во иностранной литературы, М., 1959, стр. 44—50). По-своему интерпретируя теорию академика Опарина Л. Н., Д. Бом переоценивает роль случайности в процессе возникновения жизни.

8) Утверждение неопозитивистов, как и других буржуазных идеологов, о том, что в природе и обществе господствуют одни лишь случайности объясняется не столько трудностями, вызванными исследованиями внутренних, необходимых, существенных связей в объективном мире, сколько социальными классовыми причинами. Буржуазии и ее идеологам в нашу эпоху, главной особенностью которой является переход от капитализма к коммунизму, выгодно любыми путями отрицать роль народных масс как подлинных творцов истории и преувеличивать деятельность отдельных личностей. Если в общественной жизни все случайно, как утверждают неопозитивисты, то, следовательно, рассуждают буржуазные идеологи, не существует исторической неизбежности замены капитализма коммунизмом.

9) В связи с проводимой ими дискредитацией научного понимания исторической необходимости неопозитивисты пытаются выдать научное предвидение, основанное на познании исторической необходимости, за лженаучное пророчество.

Следует подчеркнуть, что иной результат для позитивистски мыслящих идеологов и невозможен, т. к., если история (природы или общества) сводится к последовательности феноменов, не связанных в своей основе, по их мнению, внутренними причинно-следственными связями, а конструирование теорий, из которых выводятся предвидения, производится кон-

венционально, то совпадение предвидений с тем что действительно произойдет в будущем, может быть только «чудом».

«Историческое будущее, — пишет У. Барэт, — является целиком гадательным и неопределенным. Кто победит Соединенные Штаты или Россия? Или, быть может, третья сила? Будет ли в XX в. победителем коммунизм? Когда разразится война? Когда на мир будет сброшена первая атомная бомба? С такими вопросами мы встречаем будущее, которое является для нас столь-же неизвестным, как и события следующего тысячелетия для умного грека эпохи Фукидида» (*Determinism and Freedom*, N. Y., 1958, p. 38). Научное предвидение общественных процессов, действительно, лишь в редких случаях может предсказать отдельные, единичные факты. Но вместе с тем, совершенно очевидно, что в наше время историческое будущее, вопреки уверениям Барэта, в общей своей тенденции, отнюдь не является гадательным и неопределенным. История уже дала ответ на вопрос какая из двух систем: социалистическая или капиталистическая — победит во всемирном масштабе. Ныне, как указывается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (1960 г.), когда мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества, «никакие потуги империализма не могут приостановить поступательное развитие истории. Заложены прочные предпосылки для дальнейших решающих побед социализма. Полная победа социализма неизбежна».

Канд. философских наук В. В. МШВЕНИЕРАДЗЕ
(Институт философии АН СССР)

КРИТИКА ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ «ОБЩЕЙ СЕМАНТИКИ», СВЯЗАННЫХ С ПРИНЦИПОМ «НЕТОЖДЕСТВЕННОСТИ»

1) «Общая семантика» — одно из весьма распространенных позитивистских философских и социологических течений современной буржуазной мысли. В настоящее время главными представителями «общей семантики» являются американские философы Хайакава, Рапопорт и др. Приверженцы «общей семантики» формально объединены в две организации: в Международное общество «общей семантики», основанное в 1942 г. на базе Института «общей семантики» в Чикаго, и в Институте «общей семантики», созданном в 1947 г. в Лейквилле (США).

2) Основными гносеологическими принципами «общей семантики» являются так называемые неаристотелевские постулаты, изложенные А. Кожибским в его книге «Наука и здравомыслие» («Science and Sanity»). Мы ограничимся здесь критическим теоретико-познавательным анализом лишь одного из этих принципов, а именно принципа «нетождественности».

3) Принцип нетождественности. Так называемый принцип нетождественности является краеугольным камнем «общей семантики».

Обратим внимание на то, что А. Кожибский возражал не столько против отождествления предметов, явлений друг с другом, указывая на то, что они ежесекундно меняются и никогда не бывают самими собою, сколько против отождествления слов с вещами, понятий с предметами, а также различных предложений (скажем, предложения о каком-либо объекте и предложения об этом предложении). Это не делалось

им в такой грубой форме, как это, например, имело место у Ст. Чейза, который приписывает людям персонификацию понятий и пытается видеть в ней причину всех социальных конфликтов.

4) Кожибский исходит из правильного положения о том, что все в мире находится в постоянном движении, изменении. Но отсюда он делает неправильный вывод о том, что якобы предметы и явления невозможно отразить в сознании. Он воюет против отождествления слов с вещами в смысле отрицания принципиальной возможности адекватного отражения динамического мира с постоянно изменяющимися явлениями и объектами в статических, неизменяемых словах и понятиях.

Кожибский предлагает наряду с некоторыми другими словами изгнать вообще из речи связку «есть», ибо в ней коренится, по его мысли, ошибочное истолкование предметов и понятий как тождественных. «Мы должны по меньшей мере отказаться от «есть» тождества» (А. Korzybski, *Science and Sanity*, 1945, стр. 373—374), — пишет он. В значительной степени именно с этой целью Кожибский ревизует Аристотеля. Он приводит длинный ряд признаков, характеризующих «старую аристотелевскую ориентацию», ставшую, по его мысли, уже анахронизмом, и «новую не-аристотелевскую ориентацию «общей семантики», на которую единственно следует опираться при оценке тех или иных явлений и событий действительности.

В отличие от аристотелевской «ориентации», основанной на «материи», «статике», «тождестве», в «новой ориентации» подчеркивается «динамический релятивизм», основанный якобы на новейших достижениях науки. Автор подвергает критике субъективизм «новой ориентации» как выражение принципа «нетождественности».

5) Аристотель создал формальную логику как науку о формах мышления. Понимаемая таким образом формальная логика имеет дело не непосредственно с самими вещами и их связями, но с фактами их отражения в сознании человека в виде определенных форм мысли. Эти формы мысли, конечно, существуют в языковых выражениях.

Специфика формальнологических закономерностей заключается, однако, в том, что являясь закономерностями связей мыслей (а равно и элементов мысли) друг с другом, они отражают закономерности определенностей бытия. Отвлекаясь от параметра времени, формально-логические закономерности отражают бытие в его ставших, уже осуществившихся определенностях, достигнутых в тот или иной момент развития, но не в процессе развития, движения, становления.

Законы эти отражают не самые определенности бытия, а формы этих определенностей, т. е. уже отраженные в сознании и закрепленные в языке объективные явления.

Область формальнологических закономерностей есть, таким образом, область определившегося, ставшего, но не область становления и развития. В этом мы видим ограниченность формальной логики.

6) На самом деле бытие в каждый данный момент не только определено, но и беспрестанно «определяется». Оно является не только ставшим, но и вечно становящимся, развивающимся по определенным объективным закономерностям. Развитие бытия, а вместе с ним и развитие сознания, а также мышления, подчинено общим законам движения и развития. Формальные законы мышления, безусловно имеющие свое основание в бытии, в виде общих закономерностей, определенностей, тем не менее, не пригодны в качестве универсальных гносеологических, и тем более онтологических принципов, ибо хотя они и представляют собой необходимые условия, но их еще недостаточно для получения истинного знания.

Исследовать мысль генетически, в развитии, исследовать познание как процесс отражения объективной истины и понять формальные условия истины как часть условий ее достижения в свете общей теории познания, — это значит, по нашему мнению, выйти за пределы формальной логики и вступить в область логики диалектической. Но поскольку всеобщее движение и развитие природы, общества и мышления есть определенное движение и развитие того, что само по себе определено, то формальные законы мышления имеют силу на каждом этапе познания, движения и развития.

7) Любой предмет, любое явление, а равно, и любая мысль должны быть прежде всего определенными. При этом определенность мысли отражает объективную определенность как момент бытия. Таково онтологическое основание закона тождества. Именно в силу этой объективной определенности бытие есть не просто взаимосвязь, но взаимосвязь определенных предметов и явлений, не просто движение, но движение чего-либо, не просто переход, но переход от чего-либо к чему-либо. Таким образом, быть определенным вовсе не значит быть неизменным или неподвижным. Напротив, само изменение, движение, развитие может мыслиться лишь при допущении возможности существования совершенно определенных явлений и предметов.

8) Закон тождества в формальной логике, против которого рьяно воюют представители «общей семантики», и прежде всего сам Кожибский, если этот закон не истолкован метафизически, отнюдь не утверждает неизменности предметов

и явлений. Суть закона тождества заключается, по нашему мнению, в том, что он запрещает считать разными мысли, имеющие одинаковое содержание и относящиеся к одним и тем же предметам, и тождественными — мысли, имеющие разное содержание или относящиеся к разным предметам. Следовательно, закон тождества отношь не запрещает изменяться мыслям. Напротив, именно строгое и безупречное соблюдение закона тождества обуславливает признание необходимости изменения мыслей вслед за изменением объектов мыслей и вслед за ростом опыта и практики, ибо в противном случае отождествлялось бы различное по содержанию, нарушался бы закон тождества, нарушалось бы последовательное течение мысли — важнейшее условие правильного мышления и взаимопонимания.

9) Неправомерно онтологизируя закон тождества и приписывая ему требование неизменности и застоя, Кожибский «критикует» этот закон с точки зрения абсолютного релятивизма. Его борьба против формально-логического закона тождества ведется по сути дела с позиций кратиловской лжедиалектики.

«В мире процессов и не-тождественности, — пишет он, — ни один индивидум, «объект», событие и т. д., не могут быть «одним и тем же», от одного момента к другому» (Op. cit., p. XXXI).

Критика данной концепции должна быть развернута в плане критики субъективистского релятивизма.

10) «Географическая карта не есть территория», — так изображается иногда «общими семантиками» их «принцип не-тождественности». Это должно означать, что «слово не есть предмет, который в нем представлен». Человек, ориентированный на логику Аристотеля, в которой, по мысли Кожибского, вместо самих процессов и вещей наличествуют лишь слова, посредством которых фиксируется «динамический мир», мыслит «интенционально». Кожибский предлагает «экстенциональное» мышление, т. е. мышление не при помощи слов, а... с помощью «голых» фактов непосредственно.

Чтобы правильно отобразить объективный факт, необходимо, по Кожибскому, прежде всего молчать, указывая на него пальцем, подобно тому как это делается при рассмотрении карты, обеспечивая тем самым деятельность нервной системы на «бессловесном уровне» (см. Op. cit., стр. 416). Данный тезис Кожибского при его анализе обнаруживает связь гносеологии «общей семантики» с иррационализмом.

11) Обособляя мышление от языка, т. е. от непосредствен-

ной действительности мысли, «общие семантики» следующим образом поясняют «преимущества» «экстенционально» ориентированной личности. «Быть экстенциональным, — заявляет Рапопорт, — это значит понимать предметы, факты, процессы так, как они соотносятся в природе, но не так (?!), как о них говорится на словах. Экстенционально ориентированная личность различает лучше, чем словесно мыслящий, интенционально ориентированный человек. Он понимает основное единство «вещей», «событий» и т. д. и поэтому понимает изменение лучше, чем интенционально ориентированная личность, которая ошибочно принимает текучий динамический мир вокруг себя за статический, неподвижный мир ярлыков, «качеств», «категорий» в своей голове» (см. сб.: *Language, Teaching and Maturity*, N. Y., 1954, p. 13). Итак, мышление без слов! Но такое мышление практически почти невозможно. Однако приведенные заявления «общих семантиков» имеют свои гносеологические корни.

Для познания той или иной вещи, явления необходимо определение его качественных особенностей, которые обнаруживаются по взаимодействию с другими предметами и явлениями; заметим, что качества эти существуют не сами по себе, независимо от предметов, а присущи предметам. «...Существуют не качества, — указывал еще Энгельс, — а только вещи, обладающие качествами...» (Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, М., 1952, стр. 184). Качества вещей постоянно изменяются за большие или малые промежутки времени. Для отражения в сознании данного момента, данной конкретной картины предметов, явлений и их качеств, находящихся в вечном движении и развитии, их необходимо как бы остановить, «выключить» из общей цепи непрерывных изменений и связанные в действительности моменты рассматривать в их разделении. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, не угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и в с я к о г о понятия» (В. И. Ленин, *Соч.*, т. 38, стр. 255).

Реальную возможность такого огрубления движения мыслью и создает качественная и количественная определенность предметов и явлений объективной действительности в каждый данный момент развития. Но здесь же возникает и иллюзия невозможности изображения движения мыслью, понятием. Абсолютизация этой черточки процесса познания ведет к метафизике, агностицизму. Именно эту сторону процесса познания и абсолютизируют «общие семантики», пытаясь до-

казать невозможность отражения «динамического мира» в понятиях и терминах и ложно заключая о любом факте познания как якобы об отождествлении слов с вещами.

12) Сложная проблема отражения движения мыслью получает четкое решение лишь в философии диалектического материализма, который исходит из факта противоречивого характера процесса познания. Нельзя, конечно, отразить движения, «не прервав непрерывного», но осуществляя отражение с полным пониманием того, что «прерывается непрерывное», диалектический материализм получает возможность разрешить данное противоречие. Если в каждый данный и последующий моменты мысли приходится «огрублять» действительность, то процесс познания в целом, основанный на учете бесконечного количества связей и взаимообусловленностей самодвижущейся материи, обеспечивается при условии преодоления данных «огрубленностей» и перехода к более гибким понятиям и т. д. на пути к достижению более всесторонней, универсальной их гибкости, доходящей до тождества противоположностей. И в этом заключается, как неоднократно указывал Ленин, суть материалистической диалектики.

Только на основе диалектико-материалистического метода познания возможно глубокое проникновение в сущность изучаемых предметов и явлений, возможно адекватное отражение объективной действительности, находящейся в вечном движении и развитии. Диалектический материализм учит, что **«отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их»** (В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 186).

Наличие гносеологических корней у принципа нетождественности, однако, ни в какой степени не смягчает его антинаучной сущности, так как порочность его заключается в проповеди принципиальной невозможности познания объективной действительности в категориях формальной логики и в отрицании решающей роли диалектической логики в процессе познания.

Канд. философских наук А. Ф. БЕГИАШВИЛИ
(Тбилиси)

О ПОНЯТИИ ЗНАКА В ГНОСЕОЛОГИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ИДЕАЛИЗМА

1) В работе теоретиков так называемой «языковой метафоры» Ричардса и Огдена «Значение значения» (1923) введение понятия знака было обусловлено общей позитивистской концепцией авторов. Ричардс и Огден пытаются найти для каждого слова соответствующий отдельный объект (референт). Поскольку слово у них утрачивает функцию обобщения, оно превращается в простой знак отдельного предмета — референта.

2) Понятие знака неразрывно связано с понятием интерпретации. Понятие интерпретации порождает те же трудности, которые присущи всем остальным позитивистским течениям в теории познания. Если интерпретация знаков происходит на основе прошлого опыта, то, в частности, в силу позитивистского феноменализма запас знаков, которым располагает каждый отдельный субъект, ограничивается сферой его личного опыта. Это ведет к тому, что изучение природы языка в терминах теории знаков делается невозможным.

3) Необходимое условие для теории знаков сформулировано в первом правиле языкового символизма, в так называемом «правиле единичности», согласно которому каждый символ может обозначать лишь один референт. Это правило опровергается данными языкознания (полисемия и т. д.).

4) Истолкование общих слов представляет непреодолимую трудность для сторонников теории знаков. Процедура так называемой архетипации, предложенная Уолполом, не спасает положения. Предмет, служащий архетипом для общего слова, обозначается каким-то другим словом и поэтому является референтом для этого последнего, а не для общего слова.

5) Теория знаков в семантическом идеализме (а также и в «Венском кружке») тяготела к превращению в бихевиористскую концепцию. Поскольку критерием определения значения знака признавали те поступки и реакции, которые этот знак вызывает у людей, дорога для бихевиоризма была открыта. Бихевиористскую окраску теории знаков в особенности придал Чарльз Моррис.

6) Бихевиористский вариант теории знаков связан со значительными трудностями. Моррису не удалось полностью исключить мышление из комплекса «знак — поведение». Отказ его от схемы слово — мысль — предмет приводит к признанию предмета значением слова. Но как свидетельствуют исследования советских и зарубежных лингвистов, значением слова нельзя признать обозначаемый им предмет.

7. Бихевиористское определение знака несостоятельно также и по следующей причине. Оно в принципе не применимо к собственно языковым знакам. Во-первых, многие языковые знаки вовсе не рассчитаны на ту или иную реакцию поведенческого типа. Во-вторых, не все знаки вызывают непосредственные ответы. Моррису приходится говорить о возможных реакциях на те или иные знаки. Но, чтобы судить о возможных реакциях, мы должны заранее знать, какого рода ответы даст какой-нибудь субъект на тот или иной знак, что безусловно имеет место не всегда. Имеется и ряд других обстоятельств, подрывающих бихевиористскую концепцию знака.

Проблемы структуры знаков, их роли в процессе познания и границ применимости самого понятия «знак» к собственно лингвистическим явлениям требуют детального анализа с позиций марксистско-ленинской философии.

Доц. С. Я. КОГАН

(Одесский университет им. И. И. Мечникова)

ОБ ИСТОЛКОВАНИИ НЕКОТОРЫХ СВОЙСТВ ЯЗЫКА В ГНОСЕОЛОГИИ НЕОПОЗИТИВИЗМА

1) Девизом всех школ неопозитивизма является «анализ языка». Этот анализ осуществляется, в общем в двух направлениях. С одной стороны, язык рассматривается как источник «материалистических заблуждений». С другой — язык характеризуется как одно из важнейших средств гносеологического обоснования идеализма.

Перед создателями идеалистических систем всегда стояла необходимость объяснить факт несовместимости этих систем со стихийно-материалистическими убеждениями человечества. Авенариус выдвинул в этой связи концепцию «интроекции». Современные же неопозитивисты чаще всего ссылаются на язык, как на «искусителя», ведущего человечество по пути материализма. В известном смысле можно сказать, что неопозитивизм претендует на то, что ему удалось раскрыть гносеологические корни материализма как «философского заблуждения». Он объявляет материалистические убеждения человечества следствием ошибочного применения языка и недостатков структуры последнего.

В то же время неопозитивисты рассматривают язык как своего союзника, как свою опору в деле обоснования идеализма. В этом отношении неопозитивисты отнюдь не оригинальны. Еще Гегель в «Феноменологии духа» выдвинул утверждение, что язык способен выражать только общее, так что поскольку «трагедия» материалиста связана с отрицанием идеальности общего, материалист не может правильно употреблять языковые средства.

2) Примером первой тенденции в неопозитивистской критике обычного языка, т. е. разоблачения его как «опасного» источника материализма является «Логико-философский трак-

гат» Л. Витгенштейна, основные положения которого были восприняты в дальнейшем развитии логического позитивизма и семантического идеализма. Подобно тому, как Кант говорил о неправомерности вторжения разума в область трансцендентного, Витгенштейн писал о неправомерности вторжения языка в область «мистического». Именно Витгенштейн дополнил версию о существовании «третьей» линии в философии в онтологическом плане концепцией существования третьего типа суждений, не обладающих признаком ни истинности, ни ложности. Именно к этой «третьей» области утверждений он отнес философские положения относительно сущности явлений.

Витгенштейн, как и позднейшие неопозитивисты, жалуется на неточность языка. Но борьба за смысловую точность языка проводилась в истории философии с разных позиций. Ф. Бэкон критиковал неточности в языке, в которых повинна схоластическая философия («призраки площади»), в целях устранения одного из препятствий на пути раскрытия объективной истины. Витгенштейн же и другие неопозитивисты видят порочность языка именно в стремлении его выйти за границы мира субъекта. Главный афоризм Витгенштейна заключается в том, что существует антитеза между сказанным и показанным. «То, что может быть показано, не может быть сказано» («Логико-философский трактат», М., 1958, стр. 51). «Показанное», по терминологии Витгенштейна, — это то, что относится к области сущности явлений, то, о чем лучше помолчать.

С точки зрения логического позитивизма, язык выступает в качестве гносеологического источника материализма еще и в том отношении, что люди с помощью языка говорят не только об отношениях, но и о носителе этих отношений — субстанции. По словам Рассела, в языке наличествует «отблеск субстанции». Исходя из философских принципов полного релятивизма, семантические идеалисты утверждают, что изменчивость явлений мира исключает всякое постоянство в них, что непрерывность исключает собой дискретность. Но язык расходится с этой картиной мира, поскольку в нем находят выражение определенность и постоянство объектов. «Это, возможно, является главной причиной затруднений для всякой философии, которая обходится без понятия субстанции» (Б. Рассел, Человеческое познание. Его сфера и границы, ИЛ, М., 1957, стр. 100). Рассел называет в связи с этим язык хотя и полезным, но опасным орудием. Аналогично и представители школы структурализма в языкознании рассуждают о «конflikте» между строением обычных национальных языков и научной картиной мира, из которой якобы должна быть изгнана идея субстанции.

Можно показать, что неопозитивистское истолкование гносеологических корней материализма носит софистический характер. То, что в языке находят выражение не только свойства, но и носители этих свойств — объекты, вовсе не представляет собой недостаток языков. В этом отношении нет расхождений между национальными языками и подлинно научной картиной мира. Язык, совершенно не упоминающий об объекте невозможен, потому что и мир отнюдь не сводится к совокупности отношений, лишенных своего носителя.

3) Если некоторые свойства языка рассматриваются неопозитивизмом как гносеологический корень материализма, то другие определенные его свойства толкуются им как «подтверждение» агностицизма. Рассел относит личные и указательные местоимения, некоторые наречия («теперь», «здесь», «завтра» и т. п.) и грамматическое время к тем лингвистическим явлениям, которые служат подтверждением философского релятивизма. По мнению автора «Человеческого познания», значения указанных слов и грамматических категорий полностью относительно и целиком зависят от контекста и ситуации. Особенность позиции Рассела прежде всего заключается в том, что он связывает истолкование признака релятивности значения этих слов с проблемой соотношения относительного и объективного, в то время как Гегель рассматривал вопрос о значении слова «здесь» в связи с вопросом о соотношении общего и единичного. Однако и в языке, и в физике относительное не исключает объективного. Например, грамматическое время выражает время относительно акта сообщения. Но значение грамматического времени отнюдь не сводится к относительности этого вида. Тот же контекст или ситуация дают нам возможность установить, о каком именно отрезке объективного времени идет речь.

Точно также обстоит дело с указательным местоимением «этот» и наречиями «теперь» и «здесь», т. е. со словами, получившими в истории философии репутацию «испытанного орудия» идеализма. Из этих слов отнюдь не выветрился момент объективности. В определенном контексте и в конкретной ситуации эти слова выражают не только общее, но и единичное, не только релятивное, но и абсолютное, объективное. Толкование указанных слов, данное Расселом, в некотором отношении противоположно тому, которое дано Гегелем. Гегель настаивал на том, что значение этих слов выражает только общее и не улавливает единичного, неповторимого. Рассел же толкует значения этих слов в плане чисто релятивистском, т. е. считает их по содержанию неповторимыми, не выражающими ничего общего.

4) Особое внимание неопозитивистов привлекают знаковые свойства языка. Утверждение неопозитивистов о символичности ощущений, восприятий, понятий и суждений тесно связано с попыткой «доказать», что отрицание ими материальной субстанции не означает якобы «распредмечивания» науки. Поскольку язык действительно имеет знаковые свойства, неопозитивисты преувеличивают его роль в познании. Семантические идеалисты превращают единство языка и мышления в их непосредственное тождество на базе языка. Р. Карнап на семантическом этапе развития своих взглядов разделил понятия на две группы. Первая из них субъективна в том смысле, что она является производной от индивидуального опыта. Вторая субъективна в том смысле, что является производной от произвольно устанавливаемой языковой системы с присущими ей семантическими признаками. В марксистской литературе подвергнуты справедливой и подробной критике гносеологические положения семантического идеализма, связанные с сведением мышления к языку. Но в марксистской литературе выдвигаются различные взгляды по вопросу, в какой мере следует отклонить тезис, что язык сводим к системе знаков.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что наличие знаковой стороны, знаковых свойств у языка бесспорно. Это подтверждается самым фактом множественности языков, многообразием средств выражения той же мысли в данном языке (явление синонимии) и рядом других моментов. Изучение особенностей языкового знака, или что то же знаковой стороны языка представляет актуальную научную задачу. Создание института семиотики в системе Академии наук СССР несомненно будет содействовать прогрессу научной разработки проблемы знаков вообще и лингвистических знаков в особенности в связи с теоретическими и практическими потребностями кибернетики и лингвистики. Признание знаковых свойств языка отнюдь не является абсолютно несовместимым с признанием наличия у него отражательных свойств. Сочетание свойств знаковости и отражательности является одним из объективно присущих языку противоречий, но это жизненное противоречие. Если бы язык целиком сводился к системе знаков, то он не мог бы, в частности, рассматриваться как источник при построении теории отражения. В. И. Ленин сопоставляет историю языка как источник теории познания с такими ее источниками, как история философии, психологии, т. е. с областями, отражательный характер которых не вызывает сомнений.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленина вопросы теории слова рассматриваются в гносеологическом аспекте. Каждое

слово обобщает, оно требует для своего образования элементов абстракции, фантазии. Вопросы теории предложения рассматриваются в этом труде также в гносеологическом плане. В строении любого предложения проявляется стихийная диалектика, присущая человечеству, являющаяся отражением объективной диалектики. Все это было бы невозможным, если бы язык по своей семантике не был специфическим отражением действительности. Прямолинейное противопоставление языка как системы знаков и только языку как отражению действительности ведет к взаимообособлению языка и мышления. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они суть только проявления действительной жизни». Если свести принцип единства языка и мышления к утверждению, что мысль выражается в звуках речи, то это неоспоримый и тривиальный факт. Необходимо однако учесть, что история языков есть история весьма сложного их взаимодействия с мышлением. Те языковые средства, в которых выражается новый акт мысли, сами представляют собой кристаллизацию мысли и в качестве таковых — своеобразное отражение действительности. Относительно неологизмов хорошо известно, что они всегда образуются на базе существующего языкового материала, в котором уже воплощена мысль, а не путем произвольного набора звуков, т. е. путем образования «чистых» знаков.

В «Капитале» Маркс писал, что сопоставление, сравнение различных объектов допустимо только потому, что в этих объектах есть нечто общее. При сопоставлении различных языков, т. е. при «переводе» с одного языка на другой, общей основой для «сравнения» языков является понятийная основа их семантики.

В этимологии можно считать признанным, что история слов не может быть раскрыта без истории реалий, что также ведет к выводу об отражательной функции языка. С мнением, существующим в нашей теоретической литературе, что элементы языка не являются ни образами, ни знаками, также нельзя согласиться, так как при таком подходе к проблеме игнорируется факт предметной отнесенности слов, факт отнесенности предложений к тем или иным связям реального характера. Признание неразрывного единства языка и мышления не исключает необходимости различать особенности отношения к объектам каждого из них. Этому различению существенно должен помочь конкретный анализ проблемы наличия тех или иных отдельных черт знаковости у национальных языков и принципиального отличия других ее черт.

Если бы было верно утверждение неопозитивистов, что

зык является только разновидностью систем кодового характера, пришлось бы согласиться с предложением де Соссюра о превращении лингвистики в раздел формальной семиотики. Но это означало бы полный разрыв с традиционной лингвистикой, что ошибочно.

Признавая важное значение семиотики как самостоятельной научной дисциплины, следует предположить, что ее методы будут иметь большое значение для изучения знаковой стороны языка (проблемы языкового знака). В то же время следует решительно осудить попытки неопозитивистов универсализовать эту науку и полностью подчинить ей традиционную лингвистику и даже философию. Неопозитивизм односторонне, а следовательно, извращенно интерпретирует вопросы релятивности и знаковости языка.

Надежды различных школ неопозитивизма найти в определенных свойствах языка свою опору в борьбе против материализма, мы в этом убеждены, обречены на неудачу.

И. Г. ПЕТРОВ

(Московский государственный университет)

ПОНЯТИЕ ОПЫТА И ЛОГИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ

1. Понятие «опыт» — одно из основных понятий позитивизма на всех этапах его развития. Как ранние позитивисты (и их философские предшественники — Беркли и Юм), позитивисты конца XIX и начала XX в., так и представители логического позитивизма отмечают первостепенную роль понятия опыта в освещении проблем познания и бытия. Пристальное внимание к «опыту» нельзя понять без учета специфических черт позитивизма, в особенности стремление этого философского течения свить свое гнездо на живом древе познания. На аналогичное явление в махистской философии указывал В. И. Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм». Выдвижение на один из первых планов «опыта», обеспечивающего якобы наряду с современной логикой, научность и жизненность логическому позитивизму, не может не дезориентировать широкие круги научной интеллигенции, деятелей культуры и практики за рубежом в вопросе о подлинной сущности философии логического позитивизма. В настоящем сообщении мы остановимся на некоторых основных направлениях критики субъективной интерпретации опыта в работах вдохновителей логического позитивизма и их последователей в наши дни.

2. Субъективистское толкование опыта логическим позитивизмом. Опыт и объективная реальность. Наиболее общие исходные позиции в понимании опыта логическими позитивистами объединяют их с многими другими идеалистическими течениями. Логический позитивизм (1) отрицает по сути дела существование объективной реальности, предшествующей всякому опыту; (2) для логических позитивистов, как и для большинства идеалистов, характерен узко индивидуалистический подход к пониманию

опыта; (3) опыт индивида сводится к различным проявлениям сознания — к переживаниям, чувственным данным, впечатлениям, к психическому «материалу» вообще, к разнообразным проявлениям человеческого духа. Переход от феноменализма Маха к физикализму и к логико-лингвистическому анализу (и изменение в интерпретации опыта как явления, преимущественно касающегося языка) отнюдь не смогли устранить субъективизм в понимании опыта. Обычное для метафизиков-эмпириков дробление «опыта» на элементы «ощущения» сменилось в соответствии с потребностями логики, с дроблением на «атомарные факты» или же на «атомарные предложения о фактах», «протоколы», «эмпирические предложения», «предложения наблюдения», «события» и т. п. Но все эти трансформации не изменили идеалистического понимания опыта. Каждый из лидеров логического позитивизма вносит те или иные свои изменения в терминологию опыта, но имеются общие черты позитивистского применения понятия «опыт». С помощью этого исходного понятия позитивисты пытаются изобразить свою философскую позицию как якобы не материалистическую и не идеалистическую. Это достигается, во-первых, тем, что опыт ими рассматривается как нечто первичное, нейтральное (не материальное и не идеальное), независимое (от внешнего мира и субъекта), «интерсубъективное». Этому же служат, во-вторых, сентенции неопозитивистов по поводу двусмысленности, неопределенности, приписываемой самой природе понятия опыт. Но именно сами позитивисты вносят эту многозначность, неопределенность. Этот термин используется ими весьма многообразно: его связывают то с чувственными данными, то с всевозможными умственными операциями, с языком логических исчислений. Л. Витгенштейн обозначает «опытом» различные проявления человеческого сознания: «опыт чувствования», «опыт размышления», «оперирование словами» и т. д. (L. Wittgenstein. Investigations generally known as the Blue and Brown books. Oxford, 1958, pp. 132, 156). А. Айер использует термин «опыт» не только в значении «чувственных данных», но и в смысле размышлений, интеллектуального опыта и т. п. (A. J. Ayer. The Problem of knowledge. Edinburgh, 1957, pp. 98—100). Эту терминологическую непоследовательность остро высмеивают его критики-идеалисты. Например, Б. Рассел, причисляющий себя к школе «аналитического эмпиризма», в связи с использованием понятия опыта логическими позитивистами, писал: «Большинство логических позитивистов дают «неправильный анализ понятия опыт» (Б. Рассел, Человеческое познание, ИЛ, 1957, стр. 478). Однако сам он в одной из последних работ предлагает такую

дефиницию опыта, которая лишь укрепляет неопределенность и двусмысленность в его истолковании (B. Russell. *My Philosophical Development*. N. Y., 1959, p. 144). Логические позитивисты не раз противопоставляли свою интерпретацию опыта субъективистскому его толкованию в старом эмпиризме агностиков, но это не соответствует подлинному положению дел. Для «субъективистского эмпиризма», пишет М. Бунге, «вещи являются опытами»; для Маха «факты» были «только ощущениями и в общем опытом» (M. Bunge *Causality*. N. Y., 1959, p. 157). Однако все это лишь словесные увертки. Г. Рейхенбах откровенно признал, что «факт» опыта означает лишь «впечатление» субъекта (H. Reichenbach. *Experience and Prediction*, Chicago, 1938, pp. 83—90, 163—164).

Развитие современного естествознания все больше толкает позитивистски настроенных ученых к отказу от «эмпирических» постулатов логического эмпиризма. В качестве примера возьмем М. Борна. Он резко критикует логических позитивистов за их утверждения о том, что «все, чем физик занимается, может быть достигнуто удовлетворительным образом только в терминах «опыта», а не внешнего мира». Не так давно В. Гейзенберг, который в последнее время начал эволюционировать к объективному идеализму, выступил с критикой учения Маха о чувственных данных.

Даже почитатели логического позитивизма, как например, Фейерабенд, приходят к мнению, что «позитивизм раньше или позже приходит к субъективизму». В наши дни нередко прежние логические позитивисты начинают делать оговорки насчет «чрезмерности» решительных запрещений заниматься в гносеологии «внешним миром». Так, Г. Фейгль ныне признает уже возможным говорить «о физических объектах», о «реальном физическом мире», за что получил нарекания своих коллег (*Dimensions of mind. A Symposium*. Ed. S. Hook, 1960, N. Y., pp. 31—34). Логические позитивисты обычно всегда утверждали, что опыт для них всего лишь «рабочее» гносеологическое понятие, однако на деле, начиная с понятия «опыт» как гносеологического явления, они в ходе своих рассуждений невольно придают этому понятию смысл в духе субъективно-идеалистической онтологии. В свое время Мах, Авенариус точно таким же способом «преодолели», как им казалось, материализм (об «эмпирических» концепциях реальности в логическом позитивизме см. И. Г. Петров, О некоторых приемах борьбы идеализма против материализма, «Философские науки», № 4, 1959).

3) Опыт и познание. Только признание объективной реальности открывает путь для раскрытия значения ощущений, чувственных данных в сложном противоречивом про-

цессе познания. В противном случае субъективистски истолкованный опыт ведет к релятивизму, различным формам агностицизма и априоризма, к фидеизму и мистике. Отсылаем слушателей в этой связи к критике неопозитивистского эмпиризма и вытекающих из него отмеченных следствий в работах М. Корнфорта, И. С. Нарского и других авторов. Мы в данном докладе остановимся на двух вопросах: на противоречивой оценке роли опыта в эпистемологии логического позитивизма и на решении им вопроса о связи чувственно-эмпирического и теоретического мышления. В работах Франка, Райхенбаха, Витгенштейна, Карнапа, Айера и других неопозитивистов мы встречаем иногда довольно разноречивую оценку роли опыта в процессе познания. В целом мы полагаем, что постепенно¹ ему отводится все меньшая и меньшая роль как источника знания и все больше приписывается роль «критерия» пригодности тех или иных положений науки. Но и это признается далеко не всеми неопозитивистами (о связи понятия «опыт» с верификацией в логическом позитивизме см. И. С. Нарский, Критика учения неопозитивизма о критерии истины (проблема верификации) «Вопросы философии», 1959, № 9). Из работ неопозитивистов следует, что чувственный «опыт» не является единственным источником познания. Но в таком случае «опыт» не может быть и единственным критерием истинности знания. До сих пор в логическом позитивизме остается неясным, в какой мере опыт может выступать в функции проверки знания (см. М. Bunge. Causality, N. Y., 1959, p. 199). Путаница и противоречия в попытках решить этот вопрос были, на наш взгляд, одной из причин деградации логического позитивизма.

Логические позитивисты не раз писали, что им якобы удалось преодолеть «недоразумение» всей истории философии, не знавшей и не умевшей найти способ гносеологического синтеза непосредственно чувственного опыта и общих принципов науки. Но как достигается ими эта связь? Альфа и омега их рассуждений в этом вопросе — это конвенционализм в логике и математике. Ф. Франк разъяснял эту позицию логического позитивизма следующим образом: «система аксиом и система наблюдаемых фактов являются в принципе, двумя независимыми системами, которые имеют свою собственную жизнь... «аксиоматическая система» не сообщает нам внутреннюю истину о реальном мире» (Цит. по сб. *Psychoanalysis scientific Method and Philosophy*. Ed. S. Hook, 1959, N. Y., p. 312).

Хотя в своих заявлениях логические позитивисты выступают против априоризма кантовского типа, однако, на деле они в той или иной форме воспроизводят эти старые взгля-

ды. В положении логических позитивистов «мы ничего не можем знать по ту сторону опыта» Рассел находит прямую близость с кантианскими идеями (B. Russell. *Wisdom of the west*. London, 1959, p. 306). Однако сам Рассел фактически стоит на той же точке зрения, во всяком случае не дал ничего определенного взамен. В своих последних работах, так или иначе допускающих логические и математические предложения априори, логические позитивисты всякий раз обосновывают априори с точки зрения... «опыта»! Но от этого они не перестают быть априористами. Конвенционализм ныне тесно смыкается с априоризмом. Такие идеи можно встретить у А. Папа, А. Паша и других авторов (A. Pap. *Semantics and Nessessary Truth*. New Haven, 1958; A. Pasch. *Experience and the Analytic*. Chicago, 1958). Исключив из гносеологии главный гносеологический вопрос об отношении сознания к объективной реальности, неопозитивисты разорвали живую связь человеческого «опыта» с внешним миром, а вместе с этим потеряли всякую возможность раскрыть действительную внутреннюю связь чувственно-эмпирического и рационально-теоретического моментов в познании (см. в этой связи: «Вестник МГУ», 1961, № 1).

4) Понятие опыта и программа логических позитивистов. Концепция опыта в логическом позитивизме органически связана со всеми другими аспектами этой философии, с решением в ней гносеологических, а в конечном счете и онтологических вопросов, с освещением философских вопросов логики и в особенности вопросов теории значения и обозначения.

Неопозитивисты пытались осуществить объединение современной логики с эмпиризмом, точнее с «эмпирически прикрытым» идеализмом, но это не удалось ни одному из обсуждавших эту проблему лидеров неопозитивизма. Приспособление логики к субъективистски понимаемому опыту достигалось открытым признанием конвенциональной природы логических конструкций; при этом логический формализм обозначался как «специальный тип эмпиризма». Хотя логический анализ сам по себе отличается от обычных эмпирических исследований, писал Ч. Моррис, все же «логика как наука о логических отношениях символов является эмпирической наукой» (Morris. *Logical Positivism, Pragmatism and Scientific Empiricism*, Paris, 1937, p. 53). Так словесно было «преодолено» противоречие логического и эмпирического. Райхенбах в работе «Атом и космос» (изд. 1957 г.) высказался еще более знаменательно: решение вопроса будто бы лежит в «удивительном синтезе эмпирическо-идеалистической альтернативы», т. е. в объединении идей эмпиризма с принципами идеа-

лизма, приписывающего мыслящему сознанию роль творца объектов и знания. В известном смысле можно согласиться с Райхенбахом, что противоречия между логическим эмпиризмом позитивистов и открыто идеалистической философией действительно нет. «Новый эмпиризм» разоблачил сам себя как старый субъективно-идеалистический эмпиризм Беркли и Юма в новой оболочке.

Доктор философских наук Г. А. КУРСАНОВ

(Высшая партийная школа при ЦК КПСС)

О ПОЗИТИВИСТСКОМ ИЗВРАЩЕНИИ ЛОГИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ ИСТИННОСТИ В ПОЗНАНИИ

1) Проблема так называемого логического критерия истинности занимает важное место в современной философской литературе. В неопозитивизме эта проблема разрабатывается как проблема сведения осмысленности утверждений к вопросу об их логической взаимосогласованности. Проводимая Д. Гильбертом, А. Тарским и некоторыми другими авторами прежде всего в плане реализации потребностей развития современных дедуктивных дисциплин, указанная идея получила позитивистское истолкование в работах М. Шлика, Р. Карнапа, а отчасти и самого А. Тарского о соотношении Л — истины и Ф — истины, а также в исследованиях семантического понятия истины.

2) Логический критерий истинности опирается на формально-логический принцип запрещения противоречий. Нельзя отрицать важную роль этого принципа, что достаточно продемонстрировать, например, на материалах истории развития аксиоматик Эвклида, Лобачевского — Больяи, Гильберта. Логическая структура любого математического алгоритма подчиняется действию указанного принципа.

3) Принцип запрещения формально-логических противоречий, опирающийся на логический критерий истинности, не только не перечеркивает проблемы объективной истинности понятий, утверждений и теорий, но и, наоборот, в своем генезисе и применении произведен от последней. Данное принципиально важное положение материалистической теории познания нарушено в конвенционализме Р. Карнапа, К. Гемпеля, В. Крафта и др. неопозитивистов, противопоставивших Л — знание, Ф — знанию.

4) Важное место в критике конвенционалистской абсолю-

тизации логического критерия истинности занимает анализ объективной подоплеки различных геометрических и формально-логических систем, на что обращали, между прочим, внимание Г. Гельмгольц, А. Эйнштейн в работе «The Meaning of Relativity», отчасти Ш. Серрюс и некоторые другие теоретики.

5) Логический критерий истинности, будучи неотъемлемым фактором в процессе научного познания, не может заменить собой критерий объективной истинности (т. е. в конечном счете общественной практики как критерия истины) и имеет лишь относительное значение. На характер и границы относительного применения логического критерия в докладе обращается конкретное внимание.

Канд. философских наук Н. А. КИСЕЛЕВА

(Московский государственный университет)

ОПЕРАЦИОНАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

1) Операционализм как направление, связанное с философскими проблемами современной науки (в частности, физики), появился более 30 лет назад в работах американского физика-экспериментатора Перси Уильяма Бриджмена (род. 1882 г.). Бриджмен является крупным специалистом в области изучения физических процессов, протекающих в условиях высоких давлений, лауреатом Нобелевской премии (1946 г.), автором ряда известных работ в области физики и философии («Логика современной физики» 1927 г., «Природа физической теории» 1936 г., «Размышления физика» 1950 г., «Метод познания вещей» 1959 г. и другие).

Конечно, философские взгляды такого крупного физика привлекли внимание широких кругов физиков и философов, тем более, что операциональная точка зрения, по заявлению Бриджмена, выросла из наблюдения над действиями физика, из применяемых физиками методов. Операционализм приобрел сторонников в буржуазной философии, получил «вид на жительство» в философских и логических работах ряда зарубежных авторов, был тщательно рассмотрен и критически оценен советскими учеными.

2) Операционализм — это субъективно-идеалистическое направление, гносеологические корни которого состоят в обособлении одного момента познавательного процесса, а именно измерительных операций, от процесса познания во всей его многосторонности, в превращении указанного момента познания в некий абсолютный неизменный определитель характера всего процесса познания в целом. Исключение из гносеологического анализа объекта познания и признание исключительно лишь субъективного характера всех наших знаний — таковы основные черты гносеологии П. Бриджмена.

Для операционализма характерно сравнительно открытое, незавуалированное изложение своей субъективистской точки зрения. В предисловии к своей последней книге «Метод познания вещей» Бриджмен подчеркивает, что за 30 лет, прошедших со времени написания первой его программной книги («Логика современной физики»), для него все более ясной стала огромная роль «индивидуальности», субъекта в науке, поскольку «любая творческая наука по необходимости является скорее приватной, чем общественной».

Бриджмен предлагает в качестве обязательного условия построения науки принять следующее лингвистическое ограничение: можно употреблять такие слова, как «боль», «чувство», «сознание» исключительно лишь в личностно-интроспективном смысле. Например, можно сказать: «Я сознаю», но неверно говорить «Вы сознаете» или «Мы сознаем». Эта мысль отчетливо выражена и в «Размышлениях физика». «Я отделен от моих ближних непроходимой пропастью», — писал Бриджмен («Reflections of a Physicist», 1955, p. 256).

Бриджмен стремился согласовать свой взгляд с позицией бихевиористского направления в психологии, к которому, по его словам, он питает огромнейшую симпатию. За прошедшие 30 лет Бриджмен остался в общем на прежней философской платформе. В докладе это показывается на материалах последней книги П. Бриджмена «Метод познания вещей».

3) Связь операционализма с наукой, в частности с физикой, определяется в значительной мере сложностью и противоречивостью научной позиции самого Бриджмена. Прежде всего это — крупный физик, плодотворно ведущий изучение физических процессов. Поэтому он не может сомневаться в том, что понятия и суждения наук дают знания об отдельных свойствах физического мира. Но значение физических понятий он видит в том, что они являются эффективными орудиями описания, упорядочения, предвидения чувственных впечатлений, которые «считаются» впечатлениями, полученными от физических систем. Эта субъективно-идеалистическая точка зрения мешает Бриджмену глубоко понять диалектический характер физических процессов и правильно оценить картину развития познания этих процессов человеком, что приводит к появлению иррационалистической тенденции во взглядах Бриджмена.

Основное требование операционализма состоит в том, чтобы понятия физики определялись через некоторую операцию измерения или хотя бы фиксацию соответствующего явления. Только тогда они являются, по Бриджмену, научными и свободными от всякой «метафизики». Многие зарубежные физики рассматривают данное требование операционализма как

условие необходимой точности творческих суждений, поскольку изучение всякого физического объекта неизбежно связано с измерением, с количественным определением качественных характеристик объекта.

Однако с помощью этого требования операционализм ограничивает познание человека, ибо отождествляет физические понятия с теми операциями измерения, которые известны физике именно в данный момент, а это дает весьма односторонний и неисторический подход к понятиям. В действительности объект, отражаемый в соответствующем понятии, находится в многообразных отношениях с другими объектами, и неверно сводить понятие о данном объекте лишь к одному из этих отношений, измеренных нами с помощью той или другой определенной операции.

Физические понятия развиваются и их нельзя отождествлять с исторически ограниченными процедурами измерения.

Исходный принцип операционализма антидиалектичен, он противоречит историческому процессу развития науки и углубления ее понятий.

Рассматривая уже существующие физические понятия, Бриджмен признает их научную ценность (например, понятий атома, поля и др.), но отмечает при этом: «Но я не верю, что дополнительное допущение физической реальности оправдывает себя, принося какой бы то ни было положительный результат» («The Logic of Modern Physics», p. 56). Операционалистское понятие физической реальности Бриджмен сводит к человеческим операциям: «Общая черта всех физических явлений, которым мы приписываем «физическую реальность», это то, что они могут быть определены посредством инструментальных операций, сделанных в данном месте, в данный момент» («The Nature of Thermodynamics», Cambridge, 1943, p. 216—217). В результате операции, измерения, производимые учеными, объявляются единственной физической реальностью и из одного из средств познания превращаются в окончательный объект познания. Но как быть с теми «ненаблюдаемыми» явлениями микромира, которые изучает квантовая механика? Квантовая механика вообще не дает способа, позволяющего измерить одновременно импульс и координату микрочастицы, но разве это означает, что микрочастицы с их свойствами не существуют в действительности?

Вывод, делаемый автором операционального анализа в отношении современной физики и ее выдающихся успехов, звучит весьма пессимистично: «Революция (в науке. — Н. К.), свидетелями которой мы теперь являемся, есть результат открытия новых фактов, единственное истолкование которых заключается в том, что наше убеждение в познаваемости

природы и в ее подчинении закономерностям есть продукт узости нашего кругозора, и если мы достаточно раздвинем его, то обнаружим, что природа по существу своему и в своих элементах не является ни познаваемой, ни подчиненной закономерностям» («Reflections of a Physicist», p. 83).

Происходит это потому, разъясняет Бриджмен, что в области квантовой механики остро проявилась недостаточность нашего мышления, ибо каждое элементарное событие микромира может быть наблюдаемо один раз и одним наблюдателем и «общественное подтверждение» утверждения о факте здесь становится невозможным. Поэтому трудности и неудачи современной физики, считает Бриджмен, коренятся в свойствах природы нашего мышления.

Бриджмен указывает, что «в любом случае предмет анализа (в том числе и в физике. — Н. К.) есть деятельность, и задача анализа состоит в том, чтобы раскрыть деятельности, которых мы раньше не знали, и найти взаимосвязи между этими деятельностями» («Reflections of a Physicist», p. 3).

Но если операции наши не дают нам знания о свойствах измеряемых вещей, то физика перестает быть наукой! В том-то и дело, что операции являются не содержанием понятий и законов, а лишь средством для их установления.

4) Из операционального понятия реальности вытекает операционалистское понимание природы физических теорий в целом, усматривающее основную задачу последних в установлении правил предсказаний опыта.

Поскольку физические понятия изменяются по мере развития физики и с каждым новым открытием их приходится пересматривать вновь, то Бриджмен связывает содержание понятий не со свойствами предметов, а с операциями, позволяющими применять то или иное понятие к конкретной ситуации. Например, температура есть лишь описание операции измерения ее. Однако операционалистский критерий смысла понятия субъективистски извращает существо дела: температура тела существует до всякого измерения и независимо от измерения и от того или иного устройства измерительной аппаратуры или характера человеческих операций. Не случайно на симпозиуме, проведенном Американской академией наук и искусств в декабре 1953 года на тему: «Современное состояние операционализма», физик Роберт Линдсей, критикуя операционализм, указывал, что смысл понятий квантовой механики, таких как «координата», «импульс» электронов и др. определяется не возможностями их измерения, а содержанием физической теории, отражающей двойственную корпускулярно-волновую природу электрона. С позиций операционализма нельзя определить даже такое основное понятие квантовой механики,

как «элементарная частица». И хотя Линдсей проводил критику операционализма справа, с позиций признания конвенционального характера физического знания, тем не менее это — характерное свидетельство неудовлетворенности физиков операционализмом (см. «The Scientific Monthly», October, 1954).

5) Операциональный метод приводит Бриджмена к отрицанию объективного содержания одной из важнейших частей современной физики — теории относительности. По Бриджмену, одновременность — это есть «чистое» отношение двух событий к наблюдателю, производящему измерения; таким образом, он отрицает нацело объективный характер понятия одновременности, играющего принципиально важную роль в рамках теории относительности.

Развитие понятия времени сводится Бриджменом лишь к истории смены одних измерительных операций по отношению к времени другими. Бриджмен вынужден однако признать, что общая теория относительности не имеет операционалистского характера. Но именно это настраивает его против этой теории: «Поскольку общий дух теории относительности постулирует позади лежащую «реальность», из которой удален аспект опыта, эта теория кажется мне ложной и, кроме того, лишенной операционального смысла» («The Nature of Physical Theory», 1936, p. 83).

Стремление избежать противоречий научным результатам, их несогласованности и достичь подлинной точности в науке путем определения понятий через действительные операции при игнорировании того фундаментального важного факта, что в наших операциях мы имеем дело с объективной реальностью, познание которой и составляет цель наших действий, — приводит Бриджмена к узкому эмпиризму, к недооценке роли мышления в познании и к фактическому отказу от теоретической физики. Современная физика, ее важнейшие достижения — квантовая механика, теория относительности — не укладываются в прокрустово ложе операционалистского эмпиризма.

6) Вопрос о существовании и назначении метода операционализма, о его роли в процессе познания мира еще раз поставлен Бриджменом в его последней книге «Метод познания вещей» (1959).

Считая современное понимание природы научного познания неудовлетворительным, Бриджмен вновь предлагает метод операционального анализа, который якобы единственно может обеспечить выход из гносеологического тупика. Однако этот метод вновь приводит его лишь к сомнению в возможности достижения объективного научного знания, к отрицанию су-

существования объективной реальности и к реакционным субъективистским выводам относительно критерия истинности нашего знания. В итоге сам Бриджмен фактически признает научную несостоятельность операционализма как метода познания, с помощью которого можно лишь рассчитывать на «неопределенное познание» («The way things are», p. 63, 175).

Операциональный анализ по Бриджмену, выступает как частный случай анализа в терминах деятельности, ибо «лучше анализировать в терминах деятельности, чем в терминах объектов или статических абстракций» (ibid., p. 3). В качестве реализации этого предложения Бриджмен предлагает вести изложение научных теорий обязательно от первого лица, поскольку наше познание всегда субъективно и мы никогда не можем уйти от самих себя. В подтверждение своего тезиса о субъективности познания он пытается сослаться на теорему К. Геделя (1931), показавшего, что доказать противоречивость или непротиворечивость той или иной формальной системы, можно лишь выйдя за пределы этой системы. Но мы никогда не можем уйти за пределы самих себя, рассуждает Бриджмен, софистически отождествляя факт существования той или иной дедуктивной системы с фактом существования того или иного индивидуального сознания ученого-логика или математика. Поэтому в процессе познания самого познания «мы никогда не можем быть уверены в том, что формальная структура свободна от противоречий, которые однажды могут быть открыты, и это и доказывает теорема Геделя» (там же, стр. 94).

Одним из доводов против объективности и достоверности познания Бриджмен считает наличие множественности значений, присущих одним и тем же понятиям. На практике «действия, ассоциируемые со специфическим словом или понятием, могут быть исключительно сложными и широко варьироваться от индивидуума к индивидууму» (стр. 14). А поэтому «Никогда не следует ставить вопрос: «Какое значение имеет слово X?». Вместо этого лучше спросить: «Что имеется в виду, когда я произношу слова X?». Или: «Что Вы подразумеваете, когда произносите слово X?» (стр. 18). Бриджмен приходит к выводу, что единой, а потому объективной истины не существует.

Единственным критерием истины Бриджмен считает личное убеждение в том, что ваш сторонник «действует таким образом, как Вам этого хочется» (стр. 17). Но это далеко не всегда возможно, поэтому «Самое лучшее, что мы часто должны делать... это закрыть глаза и лишь надеяться, что успех будет все же достигнут» (стр. 17) Вывод по крайней мере печален!

7) Операционализм не смог проложить нового пути познания вещей, а выступил лишь как вариант неопозитивизма, тесно связанный с прагматизмом и конвенционализмом.

Операционализм возник почти одновременно с концепциями «Венского кружка» и независимо от них; однако очень быстро эти два философских течения вступили в тесный контакт друг с другом.

Претендуя на то, чтобы стать «методологическим сознанием» современного ученого, операционализм не дает никакого действительно плодотворного метода познания. Характерно, что кажущаяся научность операционализма уже перестает быть фетишем и подвергается критике со стороны не только советских, но и зарубежных ученых. Так, известный американский ученый Ганс Фрейштадт выступает против современных философских теорий, претендующих на имя «философии науки», и в том числе против операционализма. Рассматривая взгляды логических позитивистов, операционалистов и других философствующих агностиков, он делает вывод, что все их учения суть «ложные философские гипотезы». Не случайно само понятие «операция» носит в работах Бриджмена крайне туманный характер и нигде в них не получает четкого и недвусмысленного определения. Фрейштадт заявляет, что весь опыт его научной, теоретической и экспериментальной работы (в области квантовой механики) приводит к убеждению, что только диалектический материализм дает современной науке подлинно научную методологию и способен вывести ее из идеалистического тупика. Только «философский материализм составляет необходимую исходную предпосылку для серьезной перестройки науки, имеет «наибольшую эвристическую ценность», и представляет собой «серьезную содержательную и... верную философию науки» («Philosophy of Science», 1956, vol. 23, No. 2, pp. 97, 103).

Уводя физику от правильного, диалектико-материалистического понимания познания физического мира, операционализм, как и позитивизм вообще, создает значительные трудности для ее дальнейшего развития.

Канд. философских наук Л. И. ШЕКИНА
(Московский государственный университет)

СООТНОШЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЕЙ В ФИЗИКЕ И СОВРЕМЕННЫЙ ПОЗИТИВИЗМ

1) Соотношение неопределенностей является одним из важнейших законов квантовой механики. Математическое выражение его имеет вид:

$$\Delta p \cdot \Delta q \geq \frac{h}{2\pi}, \quad (1)$$

где Δp — «разброс» импульсов, Δq — «разброс» координат, h — постоянная Планка.

Это соотношение устанавливает закономерную связь между импульсом и координатами. Необходимая связь между импульсами и координатами известна была еще классической физике, но имела там динамический характер. Подобная связь между импульсами и координатами в квантовой механике была раскрыта как статистическая. Соотношение неопределенностей показало, что движение единичного микроскопического объекта как бы преломляется через призму статистических закономерностей. Вопрос о том, почему, в силу каких причин движение единичного объекта в квантовой механике является хаотическим, окончательно не решен до сих пор. Ясно только то, что коренное отличие законов классической и квантовой механики порождено качественно различной природой макро- и микроскопических объектов.

Объекты, изучаемые классической физикой, характеризуются большими массами, малыми скоростями движения и непрерывностью действия. В отличие от классической физики, квантовая механика имеет дело с объектами, обладающими малыми массами, большими скоростями движения и двойственной корпускулярно-волновой природой. Специфические осо-

бенности микроскопических объектов наложили свой отпечаток на законы, которым они подчиняются в своем движении. В связи с этим видоизменился и математический аппарат, применяемый в квантовой механике по сравнению с классическим, изменились приборы, с помощью которых проводятся опыты с микроскопическими частицами и т. д.

2) Новые свойства и отношения, порожденные движением микроскопических частиц, привели не только к установлению новых закономерностей в физике. Они поставили в то же время в качестве неотложной задачи философское осмысление физических проблем. В связи с соотношением неопределенностей встал вопрос о причинах специфики законов квантовой и классической физики, о характере противоречий в макро-, а с другой стороны — в микропроцессах и т. д. Вокруг проблем квантовой механики возникли острые философские споры, которые явились не внешними по отношению к науке, а затронули сами основы науки. Так, например, при решении вопроса о причинах статистического характера явлений квантовой механики, был поставлен вопрос о том, что именно является объектом изучения квантовой механики, изучает ли она вне нас существующий объективный мир или только человеческие ощущения, получаемые учеными в процессе измерения. При решении этих философских проблем четко и ясно определились два противоположных направления в философии.

Физики-материалисты при решении этого вопроса исходят из факта существования объекта и его связей с собственным полем.

Опираясь далее на то, что соотношение неопределенностей можно записать и в другом виде:

$$\Delta E \cdot \Delta t \geq \frac{h}{2\pi}, \quad (2)$$

где E — энергия, t — время, они считают, что в микроявлениях проявляются не только статистические свойства, но и динамические, к которым относятся энергия и импульс.

Определение роли и места статистических и динамических законов в квантовой механике является одной из важных задач не только физиков, но также и философов. Соотношение неопределенностей поставило вопрос о том, каково место и роль в науке философских категорий причинности, случайности, закономерности, необходимости, почему нельзя отождествлять причинность и закон и т. д.

3) Закон как форма всеобщей связи между явлениями содержит в себе общее, необходимое, существенное, повто-

ряющиеся. Единичные, случайные, несущественные, неповторяющиеся связи не являются чертами закона. Причинные же отношения могут выступить как в форме случайности, так и необходимости. Они могут быть существенными и несущественными, общими и единичными и т. д. Причинность является необходимой характеристикой всех форм связи. Закон уже причинных отношений. Различие между причинностью и законом состоит далее в том, что связь между причиной и следствием нельзя заменить связью между следствиями, тогда как в некоторых законах достаточно отражения существенной, повторяющейся, необходимой связи между следствиями.

Примером несовпадения причинности и закона может явиться любой статистический закон. Статистические законы действуют там, где физические системы состоят из множества беспорядочно движущихся тел, или там, где единичный объект сложным образом взаимодействует со своим полем. В подобных явлениях причинность не совпадает с законом, ибо она характеризует лишь единичные звенья связи, тогда как статистический закон выражает необходимые связи между вероятностями различных событий.

Несовпадение причинности и закона в случае беспорядочного, хаотического движения означает, что эти две формы связи различны и их нельзя отождествлять между собой.

Нетождественность причинности и закона характерна не только для хаотического, но даже и для упорядоченного движения. Законы, характеризующие упорядоченное движение тела в физике, называют динамическими законами. Ярким примером действия их является классическая механика. Сущность динамических законов такова, что если известно начальное состояние системы, определяемое импульсами и координатами, то на основе закона можно точно и однозначно определить как будущее, так и прошедшее состояние системы. Если известны, например, импульсы и координаты планеты в какой-то момент времени и известен закон движения, то по этим данным можно точно определить путь движения этой планеты вокруг Солнца.

Способность динамических законов давать точное предсказание пути движения планет вокруг Солнца очень часто рассматривают как пример проявления причинных связей в их непосредственной форме. Однако в действительности однозначная закономерная связь между импульсами и координатами вовсе не выступает как выражение связи между причиной и следствием, а является примером связи между следствиями, порожденными действием одной и той же причины — силы тяготения. При этом не импульсы и координаты, а сила тяготения между Солнцем и Землей является причиной необ-

ходимо повторяющейся смены одних состояний другими состояниями. Сила тяготения, будучи причиной смены состояний системы, не позволяет в то же время двигаться планете по прямолинейному пути и придает движению криволинейный характер.

Несовпадение причинности и закона может иметь место, таким образом, не только в хаотическом, но и в упорядоченном движении. Но это не означает, что законы можно оторвать от причинности и рассматривать вне причинных отношений. Существование отличительных черт между причинностью и законом не означает, что эти два вида связи можно рассматривать в отрыве друг от друга. Общность между причинностью и законом состоит в том, что то и другое носят объективный характер, являются связями объективного мира. Эта общность проявляется далее в том, что закономерная связь, как и любая другая форма связи, может возникнуть и возникает только на основе причинной зависимости. Причинность является тем фундаментом, на котором строятся все другие связи и отношения между вещами и их свойствами. Но причинность выступает в законе по-разному. Она может проявиться в нем в своей непосредственной форме, а именно в виде связи между причиной и следствием, как, например, это имеет место во втором законе ньютоновской механики, в котором закономерная связь между силой и ускорением является в то же время причинным видом связи, так как сила является в то же время и причиной ускорения, причиной, порождающей следствие.

В случае других законов причинность может выступить и очень часто выступает в скрытой, опосредованной форме. Примером тому тоже могут служить как динамические, так и статистические законы.

В связи с тем что законы характеризуют связи не только между причиной и следствием, но и между следствиями, они могут иметь как однозначный, так и неоднозначный, статистический характер. К последнему типу и относятся законы, выражающие связь между состояниями микрообъекта, которые характеризуются импульсами и координатами. При этом следует учитывать и то, что состояние системы вообще не выступает еще в качестве причины, обуславливающей другое состояние ее. Так, например, положение тела в точке A в момент времени t_1 не является причиной его положения в точке B в следующий момент времени t_2 .

Однозначность или многозначность отношений между импульсами и координатами зависит от природы материальных объектов. В макроскопических условиях она оказывается однозначной, а в микроскопических условиях она имеет ста-

статистический характер. Причем, в какой бы форме связь между импульсами и координатами ни выступала, она не угрожает принципу причинности, не отменяет его объективного характера.

Соотношение неопределенностей, будучи статистическим законом, не только не отвергает причинности, но само имеет место именно потому, что в природе существуют причинные отношения. Оно является объективным законом природы и вполне естественно, что подавляющее большинство физиков рассматривает его в соответствии с материалистическими принципами. Однако неопозитивисты истолковали соотношение неопределенностей в идеалистическом духе, в особенности выраженном через «принцип дополненности», который был сформулирован Н. Бором в 1927 г.

4) «Принцип дополненности» оказал большую услугу позитивистам. Опираясь на него, позитивисты создают видимость, что они выступают от имени науки, облачают свой идеализм в наукообразную форму, а в действительности создают утонченную форму идеализма. Через «принцип дополненности» позитивисты возвели один из конкретных законов природы, а именно соотношение неопределенностей в ранг универсального философского принципа и превратили его в основу субъективистской теории познания. Ссылаясь на этот принцип, они отрицают детерминизм применительно к микроявлениям и т. д.

В тесном контакте с неопозитивистами находятся крупнейшие физики зарубежных школ и прежде всего представители копенгагенской школы Н. Бор, а также долгое время — В. Гейзенберг.

Связь физиков копенгагенской школы с неопозитивизмом, а также с махизмом общеизвестна и никем не скрывается. Так, например, физик Н. Бор говорит о ней: «Из трудов последнего (речь идет о Махе. — Л. Ш.) возникла новая философская система — логический позитивизм, который находится в большом фаворе в наши дни. Ее влияние можно проследить в фундаментальных трудах Гейзенберга по квантовой теории».

В. Гейзенберг также не отвергал связи взглядов ряда физиков с позитивизмом, хотя и не отождествлял целиком и полностью взгляды представителей копенгагенской школы с логическим позитивизмом. В книге «Н. Бор и развитие физики», оценивая взгляды одного из основоположников квантовой механики, он писал: «Бор сформулировал новую интерпретацию квантовой теории на философском языке, к которому он привык за 15 лет, когда занимался атомной физикой и который, казалось, лучше всего подходил для затронутого

круга вопросов. Но это не был язык одной из традиционных философских систем — позитивизма, материализма или идеализма; по содержанию он был иным, хотя и включал в себе элементы всех трех систем мышления» (стр. 28).

В чем же состоит родство представителей копенгагенской школы и других зарубежных физиков, поддерживающих их взгляды, с неопозитивизмом? Их объединяет прежде всего идеалистический «принцип дополнительности». Следуя этому принципу, Н. Бор и другие физики буржуазных стран трактуют соотношение неопределенностей в том смысле, что координаты и импульсы не имеют объективного значения, что они создаются в акте измерения и притом во взаимноисключающих друг друга условиях. В одной экспериментальной установке «создается» свойство, характеризующее координатой q , а импульс при этом «теряет» смысл (значение). В другой экспериментальной установке, наоборот, «создается» свойство, характеризующее импульсом, а координата q теряет смысл.

5) В связи с таким толкованием соотношения неопределенностей, представители копенгагенской школы, а вместе с ними и представители позитивизма, стали утверждать, что в микропроцессах принцип причинности нарушается. В. Гейзенберг, ссылаясь на соотношение неопределенностей, утверждал, что «в современной физике для атома все качества являются производными, непосредственно они не обладают никакими материальными свойствами» (В. Гейзенберг, Философские проблемы атомной физики, М., 1953, стр. 32, курсив наш. — Л. Ш.). Он считает далее, что «пространственно-временное описание процессов, с одной стороны, и классический закон причинности — с другой, представляют дополнительные, исключают друг друга черты физических процессов» (В. Гейзенберг, Физические принципы квантовой механики, 1932, стр. 51).

Согласно воззрениям В. Гейзенберга, получается, что энергия, масса, заряд, количество движения, момент количества движения и все прочие свойства микрочастиц не имеют объективного значения. А это в свою очередь означает, что закономерная связь между этими важнейшими свойствами, а также законы сохранения энергии, массы, заряда, количества движения, момента количества движения теряют свое объективное значение.

Нетрудно убедиться в том, что идеалистическое толкование соотношения неопределенностей приводит к отрицанию объективно-реального содержания не только принципа причинности, но и закона сохранения и превращения энергии, а вместе с ним и закона сохранения импульса. Выше было от-

мечено, что соотношение неопределенностей может быть выражено не только через координаты и импульсы, но и через энергию и время. Если соотношение (1) говорит о том, как это утверждает Н. Бор, что координаты и импульсы являются характеристиками, создаваемыми в актах измерения, то соотношение (2) также может быть истолковано и истолковывается в том смысле, что энергия и время суть характеристики, которые «создаются» в актах измерения в тех же взаимноисключающих друг друга условиях. Это и означает по существу отрицание объективного характера законов сохранения энергии и импульса. Поэтому не случайно то, что Н. Бор вместе с Крамерсом и Слетером в свое время выдвигали оказавшуюся несостоятельной теорию излучения и поглощения света, которая подвергала сомнению выполнимость закона сохранения и превращения энергии в индивидуальных актах взаимодействия микрочастиц.

Особенностями взаимодействия микрообъекта с макроприборами объясняют позитивисты также и статистический характер законов квантовой механики. В микроявлениях, говорят они, прибор коренным образом меняет состояние микрообъекта, в силу чего возникает неоднозначность перехода к новой ситуации. Эта неоднозначность трактуется ими как невозможность контроля за поведением микрообъекта вообще. Они утверждают, что взаимодействие макроприбора и микрообъекта носит «неконтролируемый» характер. «Неконтролируемость» будто бы и обуславливает статистический характер квантовой механики. Статистические свойства микрочастиц и статистические закономерности оказываются таким образом не объективными свойствами, а свойствами, зависящими от приборов, от измерения, от процесса познания, от того, может ли наблюдатель контролировать их движение или нет.

6) Из сказанного делается вывод об исчезновении причинности в квантовой механике. «Именно в связи с вопросом о возможности предсказания хода будущих природных процессов, — пишет немецкий физик Геннеман, — возникает конфликт между каузальными представлениями классической физики и данными квантовой механики. В то время как первая... принимает за самоочевидность, что всякое явление природы исчерпывающе детерминировано и может быть детерминировано, квантовая механика отказывается от признания возможности до конца предсказать дальнейший ход событий в природе и тем самым разрушает убеждение о всеобщей причинной обусловленности явлений природы».

Лидер британской разновидности неопозитивизма («философии логического анализа») Бертран Рассел считает, что за-

кон причинности является пережитком прошлого, приносящим вред науке. «Философы всех школ воображают, — пишет он, — будто причинность есть одна из основных аксиом науки, причем довольно странно, что в такой развитой науке, как небесная механика, слово «причина» никогда не встречается... Мне представляется, что закон причинности, как и многое другое, что имеет хождение среди философов, является пережитком прошлого, живущим, подобно монархии, только потому, что по ошибочному мнению он якобы не приносит вреда».

Позитивизм отрицает всеобщий характер причинности и ограничивает область применимости этого понятия только динамическими законами. При этом причинность без всяких на то оснований отождествляется с закономерностью как формой связи между явлениями, что в свою очередь приводит при метафизической и феноменалистской трактовке связей к отрицанию всеобщего характера принципа причинности и применимости его к так называемым «случайным» явлениям. Ф. Франк предлагает называть «причинным всякий закон, который позволит нам из информации об одной области пространства и времени вывести информацию о другой области пространства и времени. Ньютоновская механика, посредством которой вычисляются будущие положения небесных тел, безусловно, содержит причинные законы» (Ф. Франк, «Философия науки», М., 1960, стр. 399).

Проповедь индетерминизма в сфере микроявлений, отрицание всеобщей значимости принципа причинности, допущение нарушимости его в какой-то пусть даже самой малой области явлений на деле означает признание возникновения следствий как результата акта творения. Это означало бы допущение того, что материальное изменение в данной области явлений возникло не путем действия материальных причин, а каким-то необъяснимым сверхъестественным путем. Но такое допущение пришло бы в вопиющее противоречие с естествознанием и прежде всего с законами сохранения материи и движения.

Отрицание причинности в квантовой механике противоречит всему ходу развития естествознания. Оно влечет за собой не только отрицание объективного характера законов квантовой механики, но также и законов классической физики, ибо это отрицание ставит под сомнение объективную значимость закона сохранения и превращения энергии, являющегося основополагающим во всех областях физики.

Итак, особый характер причинных связей в квантовой механике обусловлен специфической материальной природой микроявлений; эти связи не укладываются в рамки механи-

7

ческого детерминизма. Известный в классической физике тип причинности был связан с природой таких объектов, которые характеризовались либо прерывностью, либо непрерывностью движения. Двойственная корпускулярно-волновая природа частиц приводит к тому, что движение микрообъектов качественно отличается от движения макротел.

Совершенно очевидно таким образом, что без последовательного диалектико-материалистического понимания причинности, то есть без признания ее объективного характера, диалектики взаимосвязи причины и следствия, сложности и многообразности причинных связей невозможно никакое подлинно научное решение проблемы причинности. А для того чтобы быть последовательным в проведении этого диалектико-материалистического понимания причинности, не сбиваться с правильного пути при изучении новых видов причинных связей, открываемых наукой, необходимо исходить из сложной сущности объекта, а не из измерений, трактуемых в субъективистском, в том числе в позитивистском смысле.

Канд. философских наук В. Д. СОЛОВЬЕВ

(Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской)

К ВОПРОСУ О ПОЗИТИВИЗМЕ В КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ

1. Оценка В. И. Ленина, данная позитивизму в его книге «Материализм и эмпириокритицизм», полностью оправдалась всем ходом эволюции всех современных разновидностей позитивизма, в том числе современных разновидностей позитивистского «физического идеализма». Опираясь на теоретические и методологические положения книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», раскроем некоторые конкретные формы проявления современного позитивизма в квантовой механике.

2. Известно, что исходными объектами исследования квантовой механики были материальные свойства световых потоков. Изучая фотоэлектрический эффект, а также процессы излучения и поглощения, происходящие в абсолютно черном теле, физик М. Планк в 1900 году и А. Эйнштейн в 1905 году пришли к заключению, что световые потоки обладают и волновыми и корпускулярными свойствами. Поглощение и излучение света происходит определенными порциями, которые были названы фотонами, или квантами, света. Позднее, датский физик Н. Бор, изучавший законы движения электронов, установил дискретность, квантовость движения электронов. В 1924 году физик Луи де Бройль высказал предположение, что все без исключения микрочастицы должны обладать и волновыми и корпускулярными свойствами. В период с 1900 по 1924 год Планк, Эйнштейн, Бор, де Бройль в своих теоретических рассуждениях не прибегали к каким-либо явным идеалистическим или позитивистским гипотезам.

В 1926 году физик Шредингер сумел найти математическую формулу, с помощью которой удачно отражались некоторые связи между движением микрочастицы, обладающей

определенным запасом энергии, и окружающим ее полем, имеющим иной запас энергии. Уравнение Шредингера, имеющее также волновой функцией, было положено в основу квантовой механики. С этого момента начался процесс математизации изученных и предполагаемых связей между микроявлениями. Одновременно с этим начался процесс гносеологического истолкования связей между математическими уравнениями, между их смысловым содержанием и микропроцессами, которые этими уравнениями отражаются. Способы истолкования указанных связей у ряда теоретиков все более уклонялись в сторону позитивизма. Так, например, как будет нами показано в докладе, немецкий физик Гейзенберг, установивший так называемое «соотношение неопределенностей», попытался истолковать это соотношение как доказательство неприменимости материалистического принципа причинности в квантовой механике. Вслед за Гейзенбергом Дирак в «Основах квантовой механики» писал, что «мы должны пересмотреть наши представления о причинности. Закон причинности может применяться только к системе, которая не подвергается возмущениям... В квантовой механике имеет место принципиальный индетерминизм». Паули в «Общих принципах волновой механики» также выступил с отрицанием детерминизма в микромире.

Критикуя агностицизм Гейзенберга и других ученых, Пьер Жан Вижье пишет, что «детерминизм с неистовством отвергается копенгагенской школой... Это позволило Эддингтону утверждать, что начиная с 1927 года, благодаря квантовой механике, для ученого вновь стало возможным верить в бога».

3. Кроме ошибочного истолкования «соотношения неопределенностей» как такового, Гейзенберг выдвинул общегносеологический позитивистский тезис о «принципиальной наблюдаемости» (и ненаблюдаемости), а именно: наука может пользоваться только такими фактами и понятиями, которые поддаются наблюдению и инструментальному измерению. Более подробное развитие эти мысли получили в рассуждениях Н. Бора о так называемом «принципе дополнительности», который, по мнению Бора, в то же время должен лечь в основу всей современной физики. «Всякое наблюдение атомных явлений, — писал Бор в статье «Квантовый постулат и новое развитие атомистики», — связано с таким взаимодействием последних со средствами наблюдения, которым нельзя пренебречь... При описании атомных феноменов квантовый постулат ставит перед нами задачу развития некоторой «теории дополнительности». «Один класс приборов, — поясняет Бор, — допускает однозначное применение пространственной локализации, другие — законное применение теоремы о

сохранении количества движения». Воспринимаемые органами чувств человека результаты измерений, по мнению Бора, формируют ту «реальность», которая складывается в сознании человека; ни с какой же иной реальностью наука, по мнению Бора, не может иметь дела.

В данном вопросе Бор не имеет никаких прав на приоритет, так как задолго до него Д. Юм говорил то же самое, но в более четкой философской форме. «Нашему уму, — писал Юм, — не может быть доступно что-либо, кроме образов или восприятия, и... чувства являются лишь каналами, через которые эти образы пересылаются...». Почти что дословно: повторение этой же самой идеи имеется в письме Эйнштейна к автору книги «Очерки по физике» Г. Самуэлю. «То, что дано нам, — писал Эйнштейн, заняв в данном случае позитивистскую позицию, — это лишь данные нашего сознания, а среди этих данных только те образуют материал науки, которые допускают недвусмысленное языковое выражение... «Реальность», как мы ее знаем, составлена исключительно из «фантазии» (имеются в виду так называемые логические конструкции. — В. С.). Подобную мысль, заметим, приводит Джинс в книге «Физика и философия». «Доказано, — пишет Джинс, — что объективная материальная вселенная состоит всего лишь из построений наших собственных умов». В другом произведении Джинс категорически утверждает, что «космогонист никогда не может быть уверен в результатах своих исследований; единственное положительное утверждение, которое он может сделать, есть то, что в космогонии нет ничего достоверного». Таким образом, по мнению агностиков-феноменалистов, человеческие чувства и создаваемая ими «реальность» в виде ощущений есть непреодолимая стена между объективной реальностью и сознанием и реальность для сознания ученых — это не более как теоретическая конструкция из их восприятий и на основе последних.

Снова и снова подтверждаются слова В. И. Ленина о том, что софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира, — не за образ соответствующего ощущению внешнего явления, а за «единственно сущее».

4. Микропроцессы и макропроцессы материально едины, как это доказано диалектическим материализмом, и нет принципиальных препятствий к тому, чтобы любой микропроцесс можно было бы изучать, хотя бы и опосредованно, с помощью макропроцессов. С другой стороны, многие макропроцессы можно изучать опосредованно с помощью изучения связанных с ними микропроцессов.

Мы считаем, что принцип действия физических измерительных приборов основан на использовании свойства предметов как бы «отражать» друг друга и на преобразовании энергии отражения в такие ее формы, которые доступны органам чувств человека. Принципиально непознаваемых явлений в природе нет и быть не может.

5. Гносеологические ошибки Гейзенберга и Бора в толковании проблем причинности в микромире (эти ошибки будут нами рассмотрены в докладе более конкретно) закономерно подвели их к позитивистскому выводу о том, что микрочастицы являются «не материальными образованиями во времени и пространстве, а только символами, введение которых придает законам природы особенно простую форму» (Гейзенберг). Отождествление Гейзенбергом микрочастиц с символами вело к полному отрицанию материальности мира и к возрождению подвергнутого В. И. Лениным критике идеалистического лозунга об «исчезновении материи» и «замене» ее уравнениями. В данном случае в методологических вопросах позитивисты в области квантовой механики тесно сомкнулись с логическими позитивистами.

6. Одним из источников современного позитивизма является своего рода перепроизводство научных гипотез в некоторых отраслях естествознания, особенно в квантовой механике. Смена вытесняющих друг друга гипотез при отсутствии у естествоиспытателей логической и диалектической подготовки, отмечал Ф. Энгельс, легко вызывает у них представление о том, будто мы неспособны познать сущность вещей.

Борьба с современным позитивизмом в естествознании представляет собой одну из форм идеологической борьбы против реакции за сознательное использование современных достижений естествознания в интересах трудящихся.

Пророческие слова В. И. Ленина о том, что материалистический в своей основе дух физики, как и всего современного естествознания, преодолеет кризисные ситуации в науке путем замены метафизического материализма материализмом диалектическим, сохраняют свое программное значение и в наши дни. В современных условиях развития естествознания все большее число ученых становится сознательными сторонниками диалектического материализма. «Я признаюсь, — писал Поль Ланжевен в статье «Материализм механический и материализм диалектический», — не понимал как следует физической науки, пока не познакомился с основными идеями диалектического материализма».

В последние годы большая группа физиков, среди которых Луи де Бройль, Пьер Жан Вижье, Эжени Коттон, Жерар Вассай, Жан Шарль, Давид Бом и другие перешли на

позиции материализма и с этих позиций успешно вскрывают гносеологические ошибки в позитивизме сторонников «копенгагенской» школы физиков. С другой стороны следует учесть, что В. Гейзенберг и некоторые другие прежние позитивисты в физике допускают обобщения по некоторым вопросам, смыкающиеся с идеями объективного идеализма. Это обстоятельство выдвигает перед марксистской критической мыслью новые задачи.

Канд. философских наук А. Н. КНИГИН

(Томский политехнический институт)

ОБ ОДНОМ ПРОЯВЛЕНИИ ПОЗИТИВИЗМА В ВОПРОСЕ ОБ ИСТИНЕ В ФИЗИКЕ

1. Истина — понятие гносеологическое. Как таковое, оно не имеет внутри себя различий, степеней и т. п.; не существует каких-то различных «видов» истины. Существуют различные степени приближения знания к объекту на пути движения от относительной к абсолютной истине, но они не являются степенями истины (в смысле различных «видов» истины как содержательного понятия).

2. В то же время несомненно, что в различных сферах познания могут быть и есть специфические особенности способов образования истинного знания, те или иные способы проверки истины, особенности в способах выражения истинного знания и т. п. Эти различия, ни в коей мере не затрагивая гносеологической сущности понятия истины вообще, позволяют говорить об особенностях использования категорий истины в различных сферах познания, т. е. в различных науках: в математике, физике, биологии, технике, общественных науках и т. д.

3. Позитивистская тенденция в вопросе об истине проявляется в частности в стремлении противопоставить «различные» понятия истины в разных науках философскому, гносеологическому пониманию истины, что, с точки зрения диалектического материализма, неизбежно ведет к агностицизму (хотя бы это не понималось или отрицалось самими авторами такого противопоставления). Ярким примером выражения этой тенденции являются идеи, высказанные в статье Пауля Шмидта «Истина в физике», опубликованной в «Американском физическом журнале» (Paul F. Schmidt, Truth in Physics, American Journal of Physics, v. 28, No. 1, 1960, p. 25—34).

Они не новы по существу, но интересны тем, что выражены в концентрированной и четкой форме.

4. П. Шмидт ставит в статье в качестве основных два следующих вопроса:

1) что мы подразумеваем, называя физические теории истинными?

2) как употребление понятия истины в физике связано с употреблением его в философии?

Эти и другие, связанные с проблемой истины, вопросы, указывает Шмидт, широко обсуждаются не только философами, но и физиками. Он ссылается на имена Бриджмена, Бора, Борна, Эйнштейна, Маргенау.

5. Философская позиция, сознательно выбираемая П. Шмидтом, заключается в его будто бы «равно безразличном» отношении к «традиционным» концепциям истины в философии: по его мнению, все они чужды физическому понятию истины, не имеют с ним ничего общего.

Под традиционными философскими концепциями истины Шмидт имеет в виду теории: соответствия фактам, непротиворечивости, самоочевидности или интуиции, истинности авторитета, откровения и мистического озарения.

6. Приравнивание в смысле научной значимости теории соответствия и теории откровения, так же как и другие идеи статьи, достаточно ясно характеризуют взгляды Шмидта в целом как позитивистские. Однако это скорее стихийный, чем теоретически осознанный позитивизм. В некоторых же отношениях Шмидт «идет дальше», чем «ортодоксальный» логический позитивизм (так, А. Тарский в своей известной работе «Понятие истины в формализованных языках» исходил даже, по его собственным словам, из «идей, которые содержатся в так называемом классическом понятии истины как «соответствия с действительностью» в противоположность, например, утилитаристскому понятию»; см. A. Tarski, *The concept of truth in formalized languages* в книге: A. Tarski, *Logic, semantics, metamathematics*, Oxf., 1956, p. 152—238).

Идеализм Шмидта гораздо более откровенен и очевиден, чем идеализм крупнейших представителей логического позитивизма, но связан генетически с последним.

7. Основные идеи, высказанные П. Шмидтом в статье, следующие. Утверждения, принадлежащие физической науке, не являются однородными. Они различаются по функциям, которые выполняют в процессе физического исследования, по роли, которую играют в физической науке, по тем начальным данным, на которые они опираются. В силу всего этого различные утверждения физического характера разли-

чаются по условиям их истинности и по тому смыслу, в котором понятие истины употребляется применительно к ним. Из этого делается вывод, что понятие истины употребляется в физике не однозначно, а имеет ряд отличных друг от друга смыслов: к каждому типу утверждения относится особый смысл понятия истины.

Шмидт различает следующие типы утверждения: а) утверждения визуального наблюдения, б) утверждения инструментального измерения, в) утверждения эксперимента, г) математические утверждения, д) утверждения возможной ошибки измерений, е) утверждения закона, ж) утверждения теорий и ряд других.

По мнению Шмидта, смысл понятия истины «должен быть найден в употреблении слова «истинный». Применительно к различным типам утверждений слово истина мы применяем по-разному, так как различны условия употребления и высказывания самих этих утверждений.

Например, утверждения инструментального измерения могут употребляться в двух различных контекстах. Во-первых, когда мы их оцениваем сами по себе как таковые. В этом случае мы вообще не говорим об истинности или ложности, а только о правильности или неправильности показаний инструментов. Но если мы прекращаем думать о них как таковых, то обнаруживается наше отношение к ним как к истинным, так как мы употребляем их для проверки других типов утверждений. Из этого, по мнению Шмидта, следует, что мы называем и считаем утверждения инструментального измерения истинными потому и в том смысле, что прибегаем к ним для обоснования других утверждений, а это делаем не потому, что они истинны, а потому, что в них, по нашему мнению, зафиксированы правильные показания инструментов. Это понимание истины, говорит Шмидт, не имеет ничего общего ни с одним «из традиционных представлений об истине в философии». Другой важный вывод из такого понимания истинности заключается в том, что истинные утверждения инструментального измерения не информируют нас относительно природы или реальности. Утверждения инструментального измерения относятся к некоторым инструментам, зависят от ученого-исследователя и условий той ситуации, в которой они употреблены, и информируют нас относительно черт и особенностей нашего опыта, а не относительно внешнего мира или реальности.

Аналогичному анализу подвергается в статье и ряд других выделенных автором типов утверждений; во всех случаях П. Шмидт приходит к одним и тем же выводам: истинные физические утверждения (даже если это утверждения

законов и теорий) ничего не говорят нам о мире, о природе, о реальности; хотя смыслы слова «истинный» применительно к различным типам утверждений различны, общо им то, что они не совпадают ни с одним из смыслов, в каких это слово употреблялось и употребляется в философии. Из всего этого автор делает вывод, что само понятие истины есть по существу фикция, и дает «практический» совет физикам: «физики должны отбросить идею, что они охотятся за истиной» (Указ. соч., стр. 30).

На базе анализа вопроса об истине П. Шмидт делает и более широкие выводы, прежде всего касающиеся отношения между философией и конкретными науками. Он говорит, что философский «импорт» в науку долгое время оставался без проверки в самой науке. Когда же такую проверку осуществляют, то оказывается, что исследования философов в теории познания недостаточны для подлинного контакта их с содержанием большинства высокоразвитых наук.

8. Хотя прямо автор никаких своих философских симпатий не высказывает, общая позитивистская тенденция его взглядов, влияние на них позитивизма несомненны. Несомненно родство его агностического идеализма той особой форме агностического идеализма, которая свойственна вообще позитивизму. Легко видеть связь между защищаемым Шмидтом так называемым «принципом Дюгема» и различием Карнапом так называемых внутренних и внешних вопросов построения теории. Нетрудно заметить идейную близость между доказательством П. Шмидтом невозможности достоверно знать, истинно ли наше физическое утверждение, и афоризмом Ф. Франка, что «наука похожа на детективный рассказ. Все факты подтверждают определенную гипотезу, но правильной оказывается в конце концов совершенно другая гипотеза» (Ф. Франк, Философия науки, ИЛ., М., 1960, стр. 76). Но родство это показательно в том отношении, что оно демонстрирует, на каком опасном пути стоят те позитивисты, которые субъективно не желают быть ни идеалистами, ни агностиками; воззрения П. Шмидта лучшее тому свидетельство.

9. В статье Шмидта, однако, интересно и поучительно и иное. Во-первых, в ней ясно высказано недовольство распространенными буржуазными философскими системами, которые не дают (и, мы можем добавить, не могут дать) возможности «подлинного контакта» философа с высокоразвитыми науками. Во-вторых, Шмидт высказывает ряд идей, по существу правильных и причем в такой их форме, в какой они давно привлекают внимание философов-позитивистов, но недостаточно исследуются в марксистской теории познания.

Таких идей две: а) идея различия условий истинности для научных утверждений разного типа и б) идея необходимости логического исследования структуры процесса подтверждения теории практикой (в немарксистской философии эта проблема понимается обычно узко как проблема связи эксперимента и теории, связи эмпирического и теоретического знания).

Марксистский анализ первой идеи необходим хотя бы потому, что, как это видно на примере статьи Шмидта, позитивисты используют ее для отрицания объективности истины, причем это делается под лозунгом противопоставления «конкретно-научного» понимания истины философскому.

Кроме того, этот анализ необходим в целях чисто научных: для того, чтобы разрабатываемая философами (диалектическими и материалистами) теория познания имела более тесный контакт с развивающимися науками, что принесло бы пользу и философии и специальным наукам.

10. Заслуживает внимательного анализа предлагаемая П. Шмидтом классификация физических утверждений. Но «доказательство» Шмидтом невозможности определенного знания значения истинности на основе эксперимента логически несостоятельно в силу того, что он умозаключает на основе использования идей материальной импликации (), которая не является и не может являться тождественной ни строго логической выводимости, ни импликации каузальной. Проблема выражения объективных связей импликационного вида в рамках формальной логики только ее собственными средствами не может быть решена. Необходимо ее решение средствами диалектической логики, однако уже не только в общеметодологическом смысле (что марксистской философией уже сделано), но в конкретно-логическом.

Мл. научн. сотрудник В. С. Ш В Ы Р Е В

(Институт философии АН СССР)

О НЕОПОЗИТИВИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАУКИ

1. Концепция логического анализа науки, выдвинутая неопозитивистами, являлась господствующей в зарубежной логической литературе в течение 30—40-х годов. В настоящее время тематика зарубежных исследований по «логике науки» также определяется в основном исходными установками этой концепции, хотя ныне очень сильно дает себя знать и критическая по отношению к этим установкам тенденция.

2. Чтобы объяснить широкое влияние неопозитивистской концепции логического анализа науки, необходимо проанализировать ту обстановку и те условия, в которых возникла эта концепция.

Усложнение структуры научного знания, увеличение удельного веса математики, потеря в значительной степени наглядности естественнонаучных представлений, решительная ломка старых понятий — все это со всей силой ставило перед наукой вопросы логического и методологического характера. Если раньше вопросы логики и методологии науки привлекали в основном внимание незначительного числа наиболее глубоких, дальновидных и проницательных представителей науки, то в условиях науки XX века методологическая и логическая «вооруженность» стала практической потребностью для любого серьезного и самостоятельно мыслящего исследователя.

3. Положение в логике и методологии науки 20-х годов XX в. не соответствовало, однако, указанным потребностям науки. Различные гносеологические школы, идеалистические по своему характеру, претендовавшие на выработку целостных концепций природы знания были весьма далеки от конкретного анализа науки, дискутировали по общим гносеологическим вопросам о том, что представляет

собой знание вообще и не занимались конкретными исследованиями в теории знания с применением точного метода. Появившиеся в это время многочисленные исследования по анализу методологии и логического строения науки были описательны и носили фрагментарный характер.

4. Шумный успех логических позитивистов объяснялся в частности тем, что в этой обстановке они сумели предложить некоторую целостную по своим задачам и по характеру лежащей в ее основе теоретико-познавательной концепции программу конкретного логического анализа знания, осуществляемую точными логико-математическими методами, примененными в исследованиях по основаниям математики («логицизм» и «формализм»). Это и привлекло симпатии многих ученых к неопозитивистской концепции логического анализа науки.

Задача нашей критики этой концепции заключается в том, чтобы, отнюдь не игнорируя связи концепций неопозитивистов с действительной логико-методологической проблематикой науки, показать, что сама их программа логического анализа, о которой было сказано выше, основывалась на неверной, извращающей действительный характер научного знания, теоретико-познавательной платформе, а столь разрекламированные точные методы математической логики не соответствовали поставленной теоретико-познавательной задаче и в силу этого оказались непригодными для ее решения.

Следует при этом заметить, что точность понятий и методов математической логики, применявшихся неопозитивистами для всеохватывающего логического анализа научного знания, сама по себе объективно способствовала обнаружению своей же собственной непригодности для решения подобной задачи.

5. Важнейшим теоретическим источником неопозитивистской концепции логического анализа науки явилось учение Б. Рассела о логическом анализе. Исходя из своей логицистской программы обоснования математики путем сведения ее исходных понятий и положений к понятиям и положениям математической логики, Рассел выдвинул тезис, что все, что вообще может быть точно высказано, должно быть выражаемо на языке, грамматикой которого служила бы математическая логика типа системы «Principia Mathematica».

Центральная идея Рассела, лежащая в основе его концепции логического анализа, к которой он пришел в результате исследования парадоксов теории множеств и родственных им логических парадоксов типа парадокса Эпименида-критянина — это идея о несоответствии грамматической формы предложения его подлинной логической форме. Грамматика

естественных языков искажает подлинную логическую структуру науки, приводя, по Расселу, к неточности значений и к бессмыслице как крайнему случаю. Отсюда задача логического анализа, по Расселу, — вскрыть реальную логическую структуру выражений, переводя их в «логически совершенный» или «идеальный язык» (т. е. язык, синтаксис которого определяется математической логикой), соответствующий логической форме нашей мысли.

Таким образом, основная цель логического анализа, по Расселу, — реконструкция научного знания в «логически совершенном языке», структура которого задается понятиями математической логики. При этом выразимость утверждений в «логически совершенном языке» с логико-математическим синтаксисом рассматривается как необходимое условие значимости, осмысленности утверждений. Заметим, что расселовская концепция логического анализа сочеталась им с определенным плюралистическим учением о строении мира, с так называемым «логическим атомизмом», которое было целиком обусловлено его логической концепцией и представляло в сущности незаконную онтологизацию последней. В последующем изложении доктрин логического атомизма, в особенности в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, действительное отношение между миром и логикой переворачивается и атомистическая картина мира изображена как онтологическое обоснование логического анализа.

6. Как известно, математическая логика «Principia Mathematica» предполагает сводимость каждого предложения к некоторой совокупности элементарных предложений, однозначно определяющих его значение истинности. Элементарные предложения являются пределом такого сведения и значение их истинности должно быть каким-то образом задано. В «чистой» математической логике, разрабатывающей лишь голые схемы зависимостей между предложениями, не возникает вопроса о характере способа определения истинности элементарных предложений. Однако коль скоро выдвигается задача анализа научного значения в схемах математической логики, исходные понятия последней, определяемые правилами образования, преобразования и интерпретации соответствующих логических исчислений, выступают в качестве понятий, претендующих на описание реальных знаний. В том числе таким понятием оказывается и понятие элементарного утверждения.

7. Неопозитивисты «Венского кружка», восприняв в основном через «Логико-философский трактат» Витгенштейна идею логического анализа науки в схемах математической логики, решили вопрос о характере элементарных предложений в духе эмпиризма махистского толка. Содержание элемен-

тарных предложений они стали толковать как «непосредственно данное» (das Gegebene), а установление их истинности свели к «верификации» путем непосредственного личного восприятия. При этом концепция логического анализа приобретает субъективно-идеалистическую интерпретацию. Задачей логического анализа становится «прояснение» непосредственно данного эмпирического содержания понятий и высказываний науки. Таким образом, расселовская задача реконструкции знания путем выявления подлинной логической структуры предложений становится у неопозитивистов одновременно задачей всеохватывающей реконструкции научного знания с целью выявления его подлинно «непосредственно данного содержания».

8. Неопозитивисты различают позитивную и негативную функцию своей программы логического анализа. Позитивная функция, по их утверждению, состоит в исследовании логического строения научного знания, в точном анализе познавательного значения понятий и утверждений науки с целью выявления их «непосредственно данного содержания». В качестве же негативной функции логического анализа неопозитивисты рассматривают устранение «метафизики», т. е. философии, поскольку положения последней, претендуя на роль знаний о действительности, не сводимы к «непосредственно данному». Последний аспект неопозитивистской концепции логического анализа достаточно основательно раскритикован в нашей философской литературе. Задача состоит теперь в том, чтобы показать бессосновательность претензий неопозитивизма на заслуги в области конкретного логического исследования науки. Иными словами, следует подвергнуть критике неопозитивистскую концепцию анализа в ее мнимопозитивной функции.

9. Реализация программы логического анализа науки, предложенная неопозитивистами, предполагала решение двух задач: 1) выделения в системе знания исходных базисных элементов (понятий и терминов), обладающих непосредственно воспринимаемым содержанием; 2) сведения остальных понятий и утверждений к этой эмпирической основе. Рассмотрение итогов тридцатилетних исследований логиков-неопозитивистов в этом направлении свидетельствует о том, что неопозитивисты оказались неспособны разрешить эти задачи.

10. Как показала продолжительная дискуссия по проблеме так называемых «предложений наблюдения», в системе знания невозможно выделить утверждения, содержание которых целиком сводилось бы к чувственному восприятию. Получение единичных высказываний о чувственно воспринимаемых ситуациях, которые служили для неопозитивистов

прообразом непосредственного опытного знания, не сводится к акту восприятия, хотя последний и является его необходимым условием. Неопозитивистская «логика науки» вынуждена была принять, что в системе науки нет «абсолютно базисных предложений», что допущение определенных предложений, установление истинности которых непосредственно предполагает акт восприятия, в качестве базисных всегда содержит момент условности, конвенции.

11. Что касается проблемы сведения знаний вообще к эмпирической основе, то здесь неопозитивистская «логика науки» претерпела значительную эволюцию, обусловливаемую стремлением как-то примирить свои исходные установки в решении этой проблемы с действительным характером научного знания. Первоначально предполагалось, что каждое понятие должно определяться на основе терминов «непосредственно данного», а каждое высказывание эквивалентно конечной совокупности высказываний непосредственно данного (тезис так называемого радикального редукционизма).

Эта точка зрения оказалась несостоятельной уже потому, что научные положения имеют характер неограниченной общности и, следовательно, не могут быть эквивалентны конечному классу высказываний. Как средство разрешения этой трудности в неопозитивистской «логике науки» выступила замена понятия строгой верифицируемости понятием частичной верифицируемости (подтверждаемости).

Принципиальная несостоятельность тезиса радикального редукционизма состоит, однако, в том, что такие научные понятия, как «электрон», «стоимость», «масса» и пр. лишены чувственно воспринимаемого содержания и не могут, таким образом, быть определены на основе «терминов наблюдения». Это обстоятельство автоматически подрывает тезис радикального редукционизма в отношении высказываний, поскольку сводимость последних предполагает сводимость включенных в эти высказывания понятий.

12. Отказавшись от тезиса радикального редукционизма о том, что каждый элемент научного знания может быть сведен к совокупности элементов эмпирического знания, неопозитивистская «логика науки» вынуждена была принять, что научное знание организовано в целостные системы, некоторые элементы которых связаны с эмпирическим уровнем непосредственно, а остальные — опосредованно. В качестве логической формы такой системы рассматривается гипотетико-дедуктивная теория.

Установление связи понятий и положений гипотетико-дедуктивной теории с эмпирическим знанием наталкивается, как это показывает опыт современных логических исследова-

ний, опять-таки на ряд принципиальных трудностей, обусловливаемых качественной разнородностью, несопоставимостью содержаний знания «эмпирического» и «теоретического» уровней. Эти трудности выявляются при попытках установления связи научно-теоретического знания с эмпирическим знанием именно при помощи гипотетико-дедуктивного подхода, рассматривающего знание «теоретического уровня» как нечто данное и отвлекающегося от процессов его получения. Нетрудно убедиться, однако, что аналогичные трудности возникнут и при попытках применения для установления связи «теоретического» и «эмпирического» уровней индукции, традиционно рассматриваемой в логике как метод получения нового знания. Индукция сводится к комбинированию единичных эмпирических высказываний и экстраполяции заключенного в них содержания на ненаблюдаемые нами впоследствии случаи, тогда как действительный процесс формирования научного знания предполагает вычленение нового мысленного содержания, образование новых абстракций, не сводимых к механической комбинации чувственного содержания. Видя неспособность индукции объяснить действительные процессы формирования теоретического знания и не зная иного логического подхода к этим процессам, кроме индуктивного, неопозитивисты отказываются от исследования в логике этих процессов, третируя подобное исследование как якобы проявление в логике нежелательного психологизма.

13. Неспособность неопозитивистов решить поставленные ими же задачи логического анализа науки определяется неправомерностью самой постановки этих задач. Все эти неудачи неопозитивистов показывают несостоятельность попытки представить знание как совокупность «готовых» высказываний с заданным содержанием, связанных между собой по условиям истинности. Но такая попытка обусловлена уже фактом применения понятий математической логики к логическому анализу знания. Не касаясь проблемы отличия математической логики от иных разновидностей формальной логики (поскольку в этом аспекте специфика математической логики здесь не проявляется), можно сказать, что неудачи неопозитивистской концепции логики науки обусловлены попытками применения понятий формальной логики для описания и анализа целостной системы знания.

14. Смутно чувствуя несоответствие исходных принципов своей концепции логического анализа науки действительному характеру научного знания и не мирясь в то же время с ее провалом, некоторые логические позитивисты в последнее время стремятся занять следующую позицию: они признают, что действительное научное знание не может быть представ-

лено в целом в предлагаемых ими схемах. Однако, по их мнению, результатом исследований по логике науки должна явиться не реконструкция действительных фрагментов научного знания во всем их объеме, а построение рафинированных «искусственных языков», выступающих как модели отдельных фрагментов, заведомо упрощенные, выражающие лишь некоторые отдельные стороны знания объекта. Какова же, однако, практическая целесообразность таких конструкций, где за строгость формализмов приходится платить столь дорогой ценой «переупрощения объекта», когда заранее известно, что выражение в этих моделях существенных сторон и связей объекта принципиально невозможно?

15. Поскольку сущность формально-логического подхода к проблемам гносеологии заключается в рассмотрении «готового знания» при отвлечении от процессов выработки содержания этого знания, его понятийного состава, то несостоятельность неопозитивистской концепции логического анализа науки, основанного на формальной логике, заставляет искать альтернативный логический подход, предполагающий исследование процессов выработки нового мысленного содержания, действительно имеющих место в истории мышления и обнаруживаемых, в частности, в истории науки. Такое исследование может быть осуществлено только в русле идей диалектико-материалистической логики.

Мл. научн. сотрудник Г. П. ЩЕДРОВИЦКИЙ

1 (Академия педагогических наук РСФСР)

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ И НЕОПОЗИТИВИСТСКОЙ «ЛОГИКИ НАУКИ»

1. «Неопозитивизм», или «логический эмпиризм», представляет собой идеалистическое направление в философии. В нашем выступлении мы рассматриваем его только с одной стороны — гносеологической, или, иначе говоря, — как направление в так называемой «логике науки». Внутри очерченной таким образом области исследования мы производим следующее ограничение и выделяем вопросы, касающиеся взаимоотношения неопозитивистской логики науки и формальной логики (в ее современном виде как логики «математической»).

2. Необходимость анализа этих вопросов диктуется следующими обстоятельствами.

Логический эмпиризм сложился и вырос в 20-е годы XX в. в условиях, с одной стороны, продолжающегося кризиса методологии естественных и социальных наук, а с другой — интенсивной разработки основ и методологии математики. Поэтому, естественно, исследования по «обоснованию» математики, проводившиеся в первое десятилетие школами «логицизма» и «формализма» методами и средствами математической логики, стали основным источником идей логического эмпиризма. Вместе с тем логический эмпиризм с самого начала не ограничивал свой предмет одной лишь математикой, а выступил как общелогическое движение, направленное на анализ науки в целом. Эта линия отличала его от всех «методологических» учений, ограничивавших свой предмет отдельными частными науками. По существу неопозитивистская программа логика науки представляла собой попытку раз-

работать «математически точную» методологию науки на основе аппарата формальной (математической) логики.

Выдвигая программу создания общей логической теории знания, логический эмпиризм опирался также на эмпирическую позитивистскую традицию, идущую от Д. С. Милля и Э. Маха. Пересечение двух линий — логико-математической и эмпирической — и дало, с одной стороны, требование «научной строгости» в философском исследовании, а с другой — критику так называемой «метафизики».

Однако попытки реализации этой программы в конкретном исследовании научных знаний натолкнулись на принципиальные трудности, что заставило логических эмпиристов непрерывно уточнять и изменять свои понятия, принципы и методы. В итоге более чем 30-летней эволюции логический эмпиризм мало продвинулся в понимании строения и функций реальных знаний, но зато ему пришлось отказаться от многих своих исходных принципов. Это обстоятельство позволяет говорить ныне о кризисе неопозитивистской логики науки.

В настоящее время в зарубежной философии делаются попытки преодолеть ограниченность неопозитивизма (сюда относятся прежде всего направление так называемой «генетической эпистемологии», возглавляемое Ж. Пиаже, «теория аргументации» Х. Перельмана, английская разновидность «логического анализа», опирающаяся на критику идей Витгенштейна, содержащихся в его «Логико-философского трактате» и др.). Однако все эти попытки носят половинчатый, компромиссный характер: они слишком связаны с традицией самого неопозитивизма и поэтому ни одна из них не может выдвинуть действительно конструктивный план построения логики науки.

В этих условиях перед философией диалектического материализма с особой остротой встает задача — и она имеет как научное, так и идеологическое значение — вскрыть действительные причины неудач логического эмпиризма и, «отталкиваясь» от последних, выработать на основе диалектико-материалистического метода более эффективную программу построения логики науки.

Мы утверждаем, что одной из причин неудачи неопозитивизма — наряду с другими, но очень важной — является то, что логический эмпиризм избрал в качестве аппарата «точного» анализа науки математическую логику. Именно она, на наш взгляд, повинна во многих и многих из его «прорех».

Этот тезис ни в коем случае нельзя понимать как отрицание значения и роли математической логики как таковой.

Математическая логика достигла (особенно в последнее время) значительных успехов. Это очень важная и полезная наука, но только ее нельзя использовать в качестве аппарата для объяснения строения научного знания. Иначе говоря, математическая логика — весьма полезная и нужная «математика», но она не является логикой (т. е. теорией знания, гносеологией) и не может служить формальным аппаратом для нее.

Это утверждение может показаться парадоксальным: ведь формальная логика складывалась как теория выводного (дедуктивного) знания и традиционно всегда рассматривалась и использовалась именно в этой функции, а математическая логика в значительной мере представляет собой особый (наиболее развитый) вид формальной логики. Таким образом, мы должны объяснить и оправдать свой тезис.

3. Чтобы понять действительный предмет формальной логики, нужно, во-первых, наметить (в общих чертах) строение и характер того объекта, в связи с изучением которого она появилась, а во-вторых, проанализировать ту исходную абстракцию, на базе которой она сложилась как особая наука. Объект в свою очередь определяется той задачей, которую должна была решать логика. По признанию многих исследователей (в том числе и самих неопозитивистов), эта задача состоит в том, чтобы установить те «правила, которые надо соблюдать при обсуждении проблем для достижения достоверных результатов» (И. Йоргенсен, О целях и проблемах логики). Но это означает, что объектом изучения логики являются знания и процессы мышления — необходимые элементы этого «обсуждения проблем» и нужно прежде всего представить себе их структуру и характер.

Основное наше утверждение в этом пункте таково: знания представляют собой как бы двуплоскостные образования; они включают «обозначаемое», или «содержание», «обозначающее», или «знаковая форма», и «связь значения», объединяющая содержание и форму в одно целое; в соответствии с этим и процесс мышления является как бы двуплоскостным движением, т. е. одновременным движением в плоскостях формы и содержания. Отсюда следует, что исследователь познающего мышления (все равно кто — логик, психолог или лингвист) должен представлять его в двуплоскостных схемах вида:

объективное содержание ————— знаковая форма
связь значения

Второе утверждение: в логике, начиная с Аристотеля и кончая последними «математическими» направлениями, эта реконструкция осуществляется на основе принципа «парал-

лелизма формы и содержания», т. е. на основе предположения, что 1) каждому элементу знаковой формы языковых выражений соответствует строго определенный элемент содержания и 2) способ связи элементов содержания в точности соответствует способу связи элементов знаковой формы. Но если между «плоскостями» формы и содержания мышления существует параллелизм, то отсюда вытекало, что нет необходимости исследовать обе эти «плоскости» и связь между ними, а достаточно рассмотреть лишь одну «плоскость». В соответствии с этой идеей традиционная логика исследовала всегда не мышление в его целостности, но только одну его «плоскость», а именно «плоскость» знаковой формы. Этот подход предопределил метод и предмет традиционной логики, превратив ее в логику формальную (ср. наши статьи в «Докладах АПН РСФСР», 1960, № 2 и 4).

В заданной таким образом области знаковой формы — и это наше третье утверждение — формальная логика выделяет узкую группу так называемых «необходимых» (или «формальных», или «дедуктивных») умозаключений. За границами исследования при этом остаются все рассуждения, содержащие описания различных действий с предметами, взаимодействий и изменений самих предметов и т. п.

При этом внутри области «необходимых» или «формальных» умозаключений аристотелева логика выделила лишь один вид — так называемые «атрибутивные» виды познания. Вне поля ее внимания остался целый ряд «необходимых» умозаключений, которые строятся на основе предложений об отношениях, связях, на арифметических соотношениях и т. п.

Атрибутивные знания были изображены в обобщенных формулах, а умозаключения на основе этих знаний — в схемах силлогизмов; эти схемы дополнялись описаниями строго регулярных способов действия с ними (описаниями своего рода алгоритмов), независимых — так считалось — от особенностей того или иного содержания. Таким образом, была создана новая «действительность» — формулы и действия с ними, которая могла стать и вскоре стала предметом самостоятельного изучения.

Уже здесь, таким образом, явственно разделились два возможных аспекта рассмотрения и использования формул логики. Если они рассматриваются в отнесении к реальным процессам формального умозаключения, как их изображения или схемы, то выступают в качестве «формы» логической теории; если же они рассматриваются сами по себе, безотносительно к реальным процессам умозаключения, то выступают в качестве «математических исчислений» и являют-

ся «объектами» специфически математических исследований, объектами науки математики. В этом смысле можно считать, что уже в логике Аристотеля наметились оба аспекта, в которых могут рассматриваться формулы атрибутивных умозаключений — логический и математический, и дальнейшее развитие логики включало развитие обоих этих аспектов.

4. Однако, хотя различие указанных двух аспектов и существовало фактически, но осознание его шло крайне медленно и трудно. При этом переплетались две, хотя и тесно связанные между собой, но существенно различные линии.

Во-первых, осознание различия между истолкованием формул логики как «образов», «схем» реальных процессов рассуждения или мышления, с одной стороны (при этом они получали эмпирическую трактовку), и истолкованием этих формул как элементов чисто формального математического исчисления и объектов математического рассмотрения — с другой.

Во-вторых, осознание того, что формулы и алгоритмы формальной логики не отражают действительного строения знаний и процессов рассуждения, что фактически они отражают лишь: а) строение формы знаний, б) строение лишь узкой группы этих форм, и следовательно являются не такой формой, какая нужна для логики как эмпирической науки, и, соответственно, не той «математикой», которая может служить аппаратом логики как науки о знаниях и процессах мышления.

Для того чтобы стала ясной разница между логикой как эмпирической наукой и логикой как математикой, т. е. как формализмом и наукой о формализме, должно произойти обособление логических формул и способов их преобразования от связи с тем содержанием, на базе которого они первоначально сложились. Здесь, как показывает опыт истории науки, решающим фактором оказывается случай, когда логические формулы используются для решения каких-то совершенно иных задач и получают таким образом связь с новым эмпирическим содержанием. Исключительно важный, можно сказать, решающий шаг в подготовке такого случая сделал Д. Буль: он облек формулы логики в новую для них математическую символику и тем самым открыл широкие перспективы для собственно математического исследования этих формул и интерпретации их в отношении к новым областям эмпирического содержания.

Но, вместе с тем, и сам Д. Буль и другие исследователи — Г. Фреге, Ч. Пирс, Д. Пеано, Э. Шрёдер — по-прежнему пытались использовать эти формулы, хотя и в новой символике, как изображения знаний и процессов рассуждения.

Новая символика облегчила понимание того, что традиционные формулы не могут зафиксировать каких-то существенных сторон знаний. Поэтому их дополнили характеристиками «истинности» и таким образом создали новый, дробный, «многоступенчатый» способ изображения знаний и их отношений друг к другу в процессе рассуждения. Тем самым было крайне затруднено осознание различия между разными аспектами рассмотрения логических формул и их несоответствия подлинным структурам знания. Начался новый круг в развитии идей и методов логики, который представители современной логики называют качественно и принципиально иным, однако с точки зрения изложенных нами выше принципов он оставался полностью в русле традиций формальной логики.

Вещественным выражением новых идей и методов формальной логики явилась система «Principia Mathematica», построенная Расселом и Уайтхедом (далее обозначаем ее сокращенно как «РМ»). Это была формальная система: все входящие в нее предложения (или формулы) были связаны логическими отношениями, приспособленными к схемам функций истинности. Система (и язык) «РМ» рассматривались как рациональная реконструкция и объединение систем логики и математики на базе логики.

5. Логический эмпиризм, как уже отмечалось, вырос и развивался на основе этого круга исследований по математической логике и обоснованию математики (как их непосредственное продолжение в области «собственно логики» и как их теоретическое осознание в области философии). Система «РМ» рассматривалась как образец рациональной реконструкции всякой науки, в том числе и эмпирической. Иначе говоря, ставилась задача перестроить языковую форму всех наук в соответствии со структурой «РМ». Это требование породило две линии исследований: во-первых, направленных на анализ и осознание принципов построения самой системы «РМ» (в ее отношении к классической математике) и такое обобщение этих принципов, которое позволило бы применять их при реконструкции эмпирических наук (здесь логический эмпиризм непосредственно продолжал линию деятельности молодого Л. Витгенштейна), во-вторых, направленных на анализ структуры и особенностей построения самих эмпирических наук, проводимый с точки зрения и в плане выяснения возможности приложения к ним хотя бы наиболее общих схем и методов «РМ».

В ходе этих исследований логический эмпиризм (невольнo для себя) пришел к необходимости различения и осознания тех моментов, о которых мы говорили выше, т. е., во-пер-

вых, различия логических формул как «математики» и как «логики», а во-вторых, несоответствия между логическими схемами и реальными структурами знаний и рассуждений. Логические эмпиристы подходили к этим вопросам с очень ограниченной точки зрения и крайне непоследовательно; поэтому объективно указанное осознание выступало прежде всего в виде выявления антиномий разного рода, в виде обнаружившихся неудач анализа и признания этих неудач. Их можно проследить в аспектах всех основных понятий логического эмпиризма, связанных как с анализом аксиоматически-дедуктивных систем, так и с анализом эмпирических наук. Перечислим некоторые из них:

1) Различение «чистой» логики и логики «прикладной», вылившееся затем в различение собственно «логики» и «логики науки», а еще позднее — в противопоставление задач построения искусственного языка анализу «естественного» языка науки.

2) Различение логики как языка и логики как науки о языке, которое потом привело к различению в логике предметного языка и мета-языка, а затем к различению «логики» и «металогики».

3) Введение понятия о логическом синтаксисе языка и отождествление логики с синтаксисом и затем восстановление в правах семантики и переход к анализу проблемы значения и обозначаемого.

4) Различение аналитических и синтетических высказываний, и противопоставление их друг другу, но затем оказавшееся относительным и зависимым от содержательной интерпретации языковых форм — результат совершенно неприемлемый с точки зрения исходных принципов.

5) Различение теоретического и эмпирического уровней в науке, сделанное в соответствии со схемой отношений «атомарных» и «молекулярных» высказываний в «РМ», которое оказалось затем несостоятельным.

Резюмируя, можно сказать, что историческое значение логического эмпиризма (в рассматриваемом нами аспекте) состоит в том, что своими неудачами в области логики науки он сделал явной недостаточность аппарата формальной логики при исследовании структуры знания и процессов мышления и тем самым приблизил осознание того, что необходимо строить новую логику с иным аппаратом.

6. Понятия и принципы этой новой логики должны, очевидно, более точно отражать строение знания и познавательных процессов мышления, нежели понятия и принципы формальной логики. Понимание характера абстракции, произведенной при выделении предмета формальной логики, позво-

ляет сказать, чем примерно должны отличаться понятия и формулы новой логики от понятий и формул традиционной формальной логики и наметить в общих чертах путь выработки этих новых понятий. Если знания (как объект рассмотрения) имеют, как мы утверждали выше, «двуплоскостную» структуру и включают «содержание», «форму» и «связь значения», то схемы, или формулы логики должны отображать эту двуплоскостную структуру и фиксировать все входящие в нее элементы и компоненты.

По своему смыслу это требование полностью совпадает с утвердившимся в философии диалектического материализма положением о том, что мышление имеет содержательный характер и наука о мышлении, соответственно, должна учитывать это в своих понятиях. Но реализация этого принципа в конкретных логических исследованиях затруднялась тем, что не была выработана специальная символика для изображения различных содержаний знаний и связи их со знаковой формой. Более того, задача выработать такую символику не ставилась вообще. Между тем, по нашему глубокому убеждению, без введения такой символики построение содержательной логики невозможно.

Исследование области содержания предполагает разработку необходимых для этого специальных методов, которым до сих пор не уделялось почти никакого внимания. Оказывается также, что эти методы могут быть разработаны только в том случае, если от исследования тех или иных знаний как готовых, сложившихся образований мы перейдем к исследованию процессов мышления, посредством которых эти знания сначала вырабатываются, а затем используются. Анализ мышления как деятельности (иначе, как процесса рассуждения) порождает логическую проблематику, которая до сих пор почти выпадала из сферы логики (эта проблематика и методы ее решения рассматриваются в ряде наших статей в «Докладах АПН» за 1957—1960 гг., а также в докладе на Томском совещании 1960 г. по логике и методологии науки). Включение в сферу логического анализа области содержания преодолевает традиционно сложившееся (разделяемое неопозитивизмом и отвергаемое диалектическим материализмом) противопоставление логики и онтологии.

Мл. научн. сотрудник В. Н. САДОВСКИЙ

(Институт философии АН СССР, Москва)

КРИЗИС НЕОПОЗИТИВИСТСКОЙ «ЛОГИКИ НАУКИ» И СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ЛОГИКА

1. Неопозитивистская концепция логического анализа научного знания («логика науки»), возникшая в конце 20-х и начале 30-х гг. под влиянием «логического атомизма» Б. Рассела и Л. Витгенштейна и логицистского и формалистического направлений в обосновании математики, представляет собой своеобразное соединение идей эмпиризма Милля и Маха с попыткой применения аппарата математической логики для выражения связей знания. С точки зрения логических эмпиристов, научное знание может рассматриваться как система связанных между собой по значениям истинности высказываний, причем значение исходных высказываний («протокольных предложений», «базисных высказываний») устанавливается внелогическим путем на основе показаний чувственного опыта (так называемая «чистая эмпирическая констатация»). В соответствии с этим основное внимание логических эмпиристов в 30—50 годы было направлено, во-первых, на анализ чувственного опыта, придающего внелогическое значение исходным понятиям и предложениям научной системы, и, во-вторых, на попытки изображения научного знания в виде системы предложений, связанных по условиям истинности.

2. Анализ развития неопозитивистской концепции «логики науки» обнаруживает следующие весьма характерные факты. Во-первых, отсутствуют строгие определения ряда основных понятий (достаточно указать на идущую уже десять лет среди логических эмпиристов дискуссию по проблеме аналитических и синтетических высказываний). Во-вторых, вся история концепции «логики науки» есть история последовательного отказа от ряда выдвинутых первоначально исход-

ных принципов (например, переход в построении системы науки от «редукционистского этапа» к «гипотетико-дедуктивному», отказ от рассмотрения «языка математики» как неинтерпретированного исчисления и переход к его анализу как частично интерпретируемого исчисления и т. д.). В-третьих, несмотря на то что в разработке «логики науки» приняло участие значительное число логиков и философов Западной Европы и Америки, тридцатилетнее ее развитие не привело ни к каким существенным результатам (не был реконструирован в более или менее полном виде язык ни одной науки; принципиальные трудности, с которыми столкнулись неопозитивисты при сведении «теоретического знания» к «эмпирическому», вообще ставят под сомнение возможность такого построения на основе принципов логического эмпиризма).

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о несостоятельности методологических принципов, выдвинутых неопозитивистами в их концепции «логики науки».

3. Анализ факта несостоятельности концепции «логики науки» показывает, что основными причинами неудач логических эмпиристов в их попытке исследования строения научного знания являются, с одной стороны, плоско-сенсуалистический подход к исходным элементам знания и, с другой стороны, неадекватность средств математической логики задаче выражения строения «языка науки».

Стремление логических эмпиристов построить свою гносеологию на основе «чувственно данного», которое предшествовало бы всякому логическому рассуждению, опровергнуто развитием психологии и логики, доказавшим невозможность существования «чистой эмпирической констатации».

С другой стороны, из той философской интерпретации, которую давали математической логике неопозитивисты (логика отождествляется с анализом семантического и синтаксического аспектов формализованных языков; ее задача состоит в установлении схем преобразований между языковыми выражениями; логические отношения являются отношениями по условиям истинности; утверждения логики аналитичны, они суть тавтологии, т. е. всегда истинные [выполнимые] высказывания), вытекало, во-первых, что математическая логика не занимается анализом человеческого мышления, а является теорией логических отношений между высказываниями и, во-вторых, что математическая логика принципиально не отличается от математики. Неопозитивисты отвергают понимание логики как науки об определенных сторонах реального человеческого мышления. Используемая

же ими для анализа научного знания математическая логика, представляющая собой прежде всего совокупность построенных определенным образом формальных исчислений, является в этом отношении одним из разделов современной математики и в силу этого не может служить средством адекватного анализа научного знания, т. е. определенных продуктов человеческого мышления.

Отмеченный факт несостоятельности неопозитивистской концепции «логики науки» и анализ его причин дают возможность утверждать, что в настоящее время выдвинутая логическими эмпиристами концепция анализа языка науки переживает глубокий кризис, из которого для логического эмпиризма выхода нет.

4. Кризис неопозитивистской концепции «логики науки» нашел свое отражение в характере современной зарубежной логической литературы. Анализ влияния кризиса логического эмпиризма на современную логику должен стать предметом специальных исследований. В настоящем докладе мы можем остановиться только на некоторых моментах проблемы. Говоря о современной зарубежной логике, мы будем иметь в виду только те исследования, которые ставят перед собой задачи выявления собственно логических закономерностей, анализ строения научного знания, логическую характеристику способов научного исследования и т. д.

В современной зарубежной логике в интересующем нас плане можно выделить следующие аспекты исследования:

I. Анализ ограниченности формальной (математической) логики.

II. Построение логических теорий, выходящих за рамки исследования синтаксических и семантических свойств искусственных языков.

III. Критика неопозитивистской концепции «логики науки».

IV. Построение методологии науки, базирующейся на более широких основаниях, чем у неопозитивистов.

5. Анализ ограниченности формальной (математической) логики получил широкое распространение в современной зарубежной логической литературе. В этом отношении характерен доклад известного бельгийского логика Х. Перельмана на XII Международном философском конгрессе (Венеция, 1958), озаглавленный «Логика, язык и коммуникация». Отождествляя логику с построением искусственных языков, Перельман показывает недостаточность в логике строго формалистической точки зрения — человеческий разум превосходит возможности формализма; форма-

лизм не есть еще логика; чтобы стать таковой, он должен быть интерпретирован специфическим образом; с точки зрения только одного формализма невозможно решить вопросы о роли закона непротиворечия в формальной системе, о характере определения понятия «истинно» и т. д. Подобный анализ ограниченности формальной логики можно найти в работах Б. Фрейтаг-Лорингофа «Логика» (Цюрих — Вена, 1955), М.-Л. Рур «Логика и металогика» (Париж, 1957) и многих других. При общей весьма ценной направленности этих исследований им, на наш взгляд, недостает четкого разграничения математического и логического аспектов математической логики. Часто критика, являясь по своему характеру логической, направляется против математической логики как математики и в силу этого оказывается бездейственной.

6. Вполне естественно, что зарубежные логики, вскрывая ограниченность математической логики, пытаются вместе с тем построить логические теории, выходящие за рамки понимания логики как учения об определенных аспектах формализованных языков. Существующие в настоящее время попытки исследования в этом направлении можно, на наш взгляд, разделить на две группы. К первой из них относятся попытки изображения современной формальной логики как теории мышления (во всяком случае — его определенных аспектов). Сюда относятся прежде всего работы одного из крупнейших современных психологов и логиков Ж. Пиаже и его сотрудников. На основе большого эмпирического материала Пиаже построил теорию формирования интеллекта, в основе которой лежит операциональный (не в смысле философских идей П. Бриджмена) подход, т. е. исследование развития и усложнения операций мышления, представляющих собой внутренние (интериоризованные) действия субъекта. Для обоснования этой психологической теории Пиаже использовал существующую математическую логику, интерпретировав ее как «формальную теорию операций мысли» (J. Piaget, *Traité de logique*. Paris, 1949, p. 9). Последовательно проводя свою точку зрения, Пиаже усматривает за каждым предложением логики определенные операции мышления, которые связываются в некоторые системы. В связи с этим оказывается, что исчисление классов и исчисление отношений предшествуют исчислению высказываний, так как лежащие в основе их реальные операции мышления являются более элементарными.

Вторую группу исследований, направленных на построение логических теорий, выходящих за рамки синтаксиса и семантики искусственных языков, составляют работы, авто-

ры которых пытаются дополнить формальную логику анализом тех или иных реальных аспектов человеческого мышления. Часто это выражается в дополнении логики анализом средств аргументации (см., например, Ch. Perelman et L'Olbrechts-Tyteca. *Traité de l'argumentation*, vol. I—II. Paris, 1958, St. Toulmin. *The Uses of Argument*. Cambridge, 1958 и др.). По мнению Перельмана, логика как теория формального вывода должна рассматриваться в более широких и «более плодотворных рамках теории аргументации», анализирующей формы и способы убеждения людей в истинности определенных высказываний или в том или ином положении дел. Анализ «теории аргументации» Перельмана, однако, показывает, что она по существу представляет собой своеобразное сращивание проблем логики, педагогики и психологии без четкого выделения специфики логического анализа. В силу этого «теория аргументации» совершенно обходит насущные проблемы, которые ставит перед логикой современная наука (соотношение теоретического и эмпирического в научной теории, логическая структура теорий и т. д.). Вместе с тем предпринимаемые Пиаже и другими исследователями попытки реформы логики, не выходящие фактически за рамки здания математической логики, по необходимости имеют весьма ограниченное значение.

7. Критический анализ неопозитивистской концепции «логики науки» широко распространен в современной зарубежной логике. Мы оставляем в стороне дискуссии, происходящие на этот счет в среде самих логических позитивистов, и остановимся лишь на критике, идущей извне неопозитивистского движения. Последовательно антинеопозитивистскую точку зрения по проблемам методологии науки занимают участники «Международного центра по генетической эпистемологии», созданного в 1955 году под руководством Пиаже. Члены «Центра», базируясь на большом экспериментальном материале, показывают, что не существует эмпирического знания, получаемого совершенно независимо от логики, и что все уровни приобретения знаний предполагают активность субъекта, которая постепенно подготавливает формирование логических структур разного типа (см. «*Dialectica*», № 49, vol. 13, 1959, № 1, p. 6). Это означает, что Пиаже и его сотрудники отрицают мнение логических эмпиристов о сведении логики к исследованию только языка и выступают против постулируемого Карнапом и другими логиками-позитивистами «уровня чистого наблюдения», свободного от вторжения каких-либо внеэмпирических, логических элементов.

Отправляясь от факта существования значительных разногласий в среде логических эмпиристов по проблеме анали-

тических и синтетических высказываний, члены «Центра» провели в конце 50-х гг. ряд экспериментальных и теоретических исследований, в результате которых они пришли к отрицанию существования резкой дихотомии между аналитическими и синтетическими действиями субъекта и к утверждению такой дихотомии только между логико-математическими и физическими действиями (см. L. Apostel, W. Mays, A. Morf et J. Piaget. *Les liaisons analytiques et synthétiques dans les comportements du sujet*. Paris, 1957).

Концепция «логики науки» подвергается критическому анализу также в гносеологической теории, развитой Ф. Гонсетом, в работах английской «аналитической школы» Урмсона и Райла, во многих исследованиях, посвященных частным проблемам методологии науки, и т. д. В настоящее время с основанием можно утверждать факт отрицательного отношения к неопозитивистской концепции «логики науки» со стороны большинства современных зарубежных логиков и специалистов по методологии науки.

8. Критическое отношение большинства современных зарубежных логиков к неопозитивистской концепции «логики науки» побуждает их искать новые пути для построения научной методологии. Здесь мы сталкиваемся с большим разнообразием точек зрения и направлений исследования. Зародившаяся первоначально на базе логического позитивизма английская школа «логического анализа» пытается — в противовес идущим от Витгенштейна и Карнапа попыткам преимущественно анализа искусственных языков — провести строгий логический анализ естественных языков (см., например, J. O. Urmson, *Philosophical Analysis*, Oxford, 1958). Большой интерес к построению научной методологии проявляют французские ученые. В последние годы они выпустили несколько сборников, содержащих интересный фактический материал по построению методологии отдельных научных дисциплин (см., например, «*Les grands courants de la pensée mathématique*», 1948; «*La Méthode dans les sciences moderne*», Paris, 1958). Ж. Пиаже пытается построить методологию науки в рамках «генетической эпистемологии», т. е. на основе изучения генезиса мыслительных операций (см. J. Piaget, *Introduction à l'épistémologie génétique*, vol. I—III. Paris, 1950). Большой интерес представляют проводимые Л. Берталанфи исследования по «общей теории систем» (по этому поводу см. В. А. Лекторский, В. Н. Садовский, *О принципах исследования систем*, «Вопросы философии», 1960, № 8).

Для всех перечисленных направлений исследования характерны антипозитивистская тенденция и стремление вскрыть

такие методологические принципы, которые могли бы оказать реальную помощь в конкретных исследованиях.

9. Проведенный нами краткий анализ современной зарубежной логической и методологической литературы показывает, что кризис логической теории неопозитивизма вызвал к жизни за рубежом достаточно большое число весьма разнообразных направлений логического исследования. Всех их объединяет отрицательное отношение к неопозитивистскому истолкованию логики и методологии науки. При всем разнообразии путей дальнейшего развития логики, предлагаемых перечисленными направлениями, школами и отдельными философами и логиками, все они страдают, на наш взгляд, рядом принципиальных недостатков. Главными из них являются следующие. Во-первых, зачастую отсутствует последовательное отрицание философских неопозитивистских догм (это проявляется, в частности, в отсутствии четкого понимания математического и логического аспектов в математической логике, в ограничении логической проблематики только проблемами математической логики, в существующей в ряде случаев общности идейных источников логического эмпиризма и, например, английской «школы анализа», и т. д.). Во-вторых, для всех перечисленных направлений исследования характерно отсутствие достаточно широкой и адекватной современному уровню развития науки логической концепции (в частности, содержание знания во всех случаях выпадает из сферы логического анализа). В силу этого на путях, по которым идут ныне современные зарубежные логики, возможно получение весьма ограниченных и частных результатов.

Реальное же решение проблем логики и методологии науки возможно только на основе сознательного применения принципов философии диалектического материализма. Проведенные в нашей стране за последние годы многочисленные исследования по анализу структуры акта мышления, рассмотрению мышления как специфической формы деятельности субъекта со знаками, включению в логический анализ содержания знаний и т. д. дают, на наш взгляд, важный материал для решения стоящих перед современной логикой проблем.

Преподаватель И. С. ЛАДЕНКО

(Томский государственный политехнический институт им. С. М. Кирова)

ПРОБЛЕМЫ ОБОСНОВАНИЯ МАТЕМАТИКИ И ЛОГИЧЕСКИЙ ЭМПИРИЗМ

1. В соответствии с темой доклада из множества вопросов, связанных с анализом и критикой неопозитивизма («логического эмпиризма») как философского течения, мы выделяем только те, которые касаются отношения неопозитивистской «логики науки» к математике и в особенности к исследованиям по так называемому обоснованию математики.

2. Важнейшим моментом в выделенном нами круге вопросов является то, что математика для логического эмпиризма выступала в двух существенно различных аспектах: во-первых, как источник метода, во-вторых, как предмет изучения и объяснения.

Чтобы понять происхождение и действительное значение этой двойственности, необходимо принять во внимание условия появления логического эмпиризма. Это был период, с одной стороны, продолжающегося кризиса методологии естественных и социальных наук, а с другой, — интенсивной разработки основ и методологии математики. Поэтому, естественно, исследования по обоснованию математики, проводимые «логицистами» (Б. Рассел, Л. Кутюра, Ф. Рамсей) и «формалистами» (Д. Гильберт, Н. Бернайс, В. Аккерман) методами и средствами математической логики (а также их осознание в философии «логического атомизма») стали основным источником идей логического эмпиризма. Рассмотрим вкратце важнейшие черты этих направлений в обосновании математики.

3. 1. «Логицизм» исходил из разделения математики на «чистую» и «прикладную». Чистая математика рассматривалась как «гипотетико-дедуктивная» система, т. е. как со-

вокупность предложений, истинность которых подчинена известным гипотезам, из которых эти предложения выводятся чисто логически (дедуктивно). Связи между гипотезами и теоремами, взятые безотносительно к вопросу об истинности самих гипотез, характеризовались как «гипотетически-необходимые» (иначе, как неопределенные) и вместе с тем как формальные, независимые от какого бы то ни было содержания. Эта же совокупность выводов становилась прикладной математикой, когда ее предложения применяют к материальным данным; тезисы теорем в этом случае истинны тогда, когда лежащие в их основе гипотезы оправдываются этими данными. Но сами теоремы вместе с тем истинны всегда, поскольку они суть формальные выводы. Таким образом, принцип разделения математики на чистую и прикладную в раннем «логицизме» был чисто функциональным и сами эти две математики не рассматривались еще как две различные рядоположные системы. Чистая математика была как бы «внутренним каркасом» «просто математики» (т. е. математики прикладной).

3. 2. «Логицизм» принимал как факт аксиоматическое построение математики, но считал вместе с тем, что математика не может иметь своих собственных специфических аксиом, помимо общих аксиом логики. Все так называемые аксиомы или постулаты математики рассматривались при этом как скрытые определения математических терминов через логические. Здесь явственно выступала основная идея логицизма — идея сведения математики к логике.

3. 3. Сама логика к моменту появления «логицизма» была символизирована и построена как дедуктивная система (ее стали называть «логистикой»). Работы Д. Пеано и его учеников, направленные на то, чтобы изложить всю математику символически, продвинули далеко вперед понимание того, что логика, представленная символически, фактически ничем не отличается от математического исчисления (поэтому исторически первым возник тезис, что логика есть математика, а не наоборот).

3. 4. По отношению к математике логистика выступала в громкой роли. Во-первых, как математическая система по функциям и строению совершенно подобная всем другим математическим теориям; именно в этой своей роли она лежала в основании всей математики. Во-вторых, логистика выступала как свод правил умозаключения или, иначе, схем допустимых в математике способов рассуждения. Эти две стороны М. Бохер резюмировал в замечании: «от логических принципов по логическим принципам». Различаясь функционально, второе и первое не различались еще вещественно.

Наконец, в-третьих, в связи с общей философской традицией логистика выступала как знание о математическом рассуждении, как собственно логика и в этом плане как наука, отличающаяся от всякой математики и противостоящая ей. Второй и третий аспекты относились к кругу проблем, называемых проблемами обоснования математики.

3. 5. В раннем «логицизме» логистика, несмотря на ее, казалось бы, дедуктивный характер, по существу не аксиоматизировалась. Поэтому и в единой системе «логика-математика» не было дедуктивного выведения в точном смысле этого слова; задачу доказать непротиворечивость и полноту системы ранний «логицизм» не ставил (и не мог ставить).

3. 6. Исходные принципы и понятия логистики в системе раннего логицизма никак не обосновывались. Они оставались, с одной стороны, содержательными (интуитивно очевидными), а с другой — рассматривались как «естественные» для всех форм рассуждения, всеобщие и вечные — и в этом смысле как бессодержательные. В этом проявилась прежде всего традиция старой формальной логики, от которой «логицизм» не мог и не хотел уйти. Такая позиция неизбежно вела к априоризму в той или иной его форме.

3. 7. Вместе с тем и чистая математика оказывалась всеобщей, вечной, бессодержательной и точно так же никак не обоснованной, «априористской».

4. 1. «Формализм» внес существенные изменения в понятия содержательности и формальности. Он рассматривал обычную математику как содержательную, если объекты, обозначаемые ее выражениями, были обозримыми. Выражения математики, лишенные связи с объектами, т. е. значений, выступали как формальные или как формализм и вместе с тем как объекты математической теории более высокого уровня, — метаматематики. Поскольку эти выражения были обозримыми, метаматематика выступала как содержательная дисциплина. По определенным правилам формализм математики мог быть дополнен «идеальными элементами», т. е. новыми объектами.

4. 2. «Формализм» отрицал возможность и необходимость сведения математики к логике. «Обоснование» математики, с точки зрения «зрелого» формализма, должно было осуществляться сначала путем сведения всех математических теорий к арифметике, а затем аксиоматического построения арифметики в виде формализма и доказательства непротиворечивости и полноты системы ее аксиом, проведенного в сфере метаматематики (т. е. содержательно).

4. 3. «Формализм» еще более стимулировал понимание

того, что логистика является по сути дела математической дисциплиной. Для Гильберта и его учеников логическое исчисление было совершенно подобным математическому: оно также формализовалось и аксиоматизировалось, также могло быть дополнено идеальными элементами и точно так же надо было доказывать непротиворечивость и полноту системы его аксиом в сфере науки более высокого уровня — металогики.

4. 4. «Формализм» полностью отверг философский, гносеологический аспект логики; его заменили метатеоретические исследования, в частности метаматематика, которая рассматривалась как специфически математическая дисциплина.

4. 5. Вместе с тем «формализм» не сумел еще полностью преодолеть того раздвоения логики, которое было характерно для «логицизма». Математическая теория содержала две группы аксиом: логическую и собственно математическую (предметную). В определенном аспекте логические аксиомы находились в одном ряду с математическими и составляли вместе с последними как бы «основание» математической теории; но одновременно они выступали как правила или схемы умозаключения в математике и с этой точки зрения лежали как бы уже совсем в другой плоскости.

4. 6. Логические отношения и схемы выступали для «формализма» фактически как преднайденные, принимаемые по традиции, причем в той форме и в том виде, как их дала классическая формальная логика и представила математическая логика, в частности логицистская. Таким образом, в сфере собственно математики эти отношения и схемы рассматривались как «естественные», вечные, независимые от содержания. В сфере собственно логического исчисления это были формализмы, определяемые только с точки зрения одного качества — истинности или ложности, в сфере металогики — это было ограниченное число знаков-объектов, связанных между собой определенными преобразованиями. Предложения металогики носили содержательный (и в этом смысле отнюдь не всеобщий) характер; этот тезис специфически присущ «формализму».

4. 7. Математика, в силу всего вышесказанного, выступала для «формализма», так же как своего рода преднайденная дисциплина. Какой-либо логический анализ ее был по существу при таком подходе к делу не нужен, а все обоснование ее целиком сводилось к доказательству непротиворечивости.

5. Как для «логицизма», так и для «формализма», таким образом, было характерно, что проблемы обоснования мате-

матики решались не философскими (или, иначе, общелогическими) методами, а специфически математическими. В «логицизме» математика, хотя и сводилась к логике, но сама эта логика была математической, т. е. была одним из разделов самой математики. В формализме общая логико-философская теория совершенно откровенно была подменена математикой, которая по средствам и методу своему рассматривалась как чисто математическая теория.

6. Опираясь на идеи и методы, развитые в охарактеризованных выше исследованиях по обоснованию математики, логический эмпиризм не ограничил свой предмет одной лишь математикой, а выступил как общелогическое движение, направленное на анализ науки в целом. При этом он опирался на эмпирическую позитивистскую традицию, идущую от Д. С. Милля и Э. Маха.

При анализе эволюции идей логического эмпиризма важно разделить две ее стороны, два как бы различных движения. Первая — это распространение понятий и методов, выработанных при обосновании математики, на всю науку в целом. Здесь необходимо будет выяснить, в частности, как сложилось понятие «синтаксис языка», каким образом к нему была сведена логика науки, нужно будет проанализировать причины и условия появления понятий «предметный язык», «метаязык», «металогика» и др., способы их введения и т. д. Нужно далее показать, как и почему была оставлена точка зрения синтаксиса языка и произошел переход на точку зрения «семантики». В связи с этим важно выяснить отношение семантики к логистике и изменения в характере перечисленных выше понятий. Все эти вопросы входят в проблему отношения логического эмпиризма к математике и к исследованиям по обоснованию математики и должны быть подробно исследованы. Здесь важно подчеркнуть, что фактически развивавшиеся методы логического синтаксиса и семантики представляли собой эклектическое смешение идей «логицизма» и «формализма». У первого был заимствован тезис о том, что формальный аспект науки может быть представлен логико-математическими средствами, принцип сведения математики (и всех других наук) к логике и идея «уровней» языка и анализ по функциям истинности. У второго — идеи формализации языка и построения метатеорий, различение логических и предметных аксиом, идея доказательства непротиворечивости системы. Соединение всех этих моментов вызвало крайнюю неоднородность в концепции логического эмпиризма и противоречивость ее понятий. (Следует вообще заметить, что в истории философии не было другого направления столь же небрежного в вопросе образо-

ниция понятий, как это будто бы «математически строгое» течение.)

Второе направление в эволюции идей логического эмпиризма — это оценка роли и значения математики в системе понятий логики науки. По отношению к первой отмеченной нами стороне эволюции оно образует как бы «обратное движение» и его результаты во многих пунктах противостоят результатам первого. Скажем о нем несколько подробнее.

7. Как общая логика или общая теория науки неопозитивизм должен был подвергнуть математику «высшему», философскому анализу, выяснить ее функции и строение, определить границы применимости ее методов и возможности их развития. Для того чтобы осуществить такое исследование, он должен был поставить математику в более широкий контекст «науки вообще», а науку — в более широкий контекст «производства» и выработать какие-то новые методы анализа этих более широких структур и математики внутри них (ибо методы самой математики были здесь уже непригодны). Анализируя математику, логический эмпиризм должен был вместе с тем проанализировать и математическую логику, как в ее общих функциях, так и в отношении к традиционной математике. Но эта задача вступала в противоречие с историей самой «логики науки»: ее методы, заимствованные из исследований по обоснованию математики, носили отнюдь не общелогический (или философский), а сугубо математический и формально-логический характер. И это предопределило характер ее результатов.

А. Представители логического эмпиризма правильно схватывали, что в каждом научном рассуждении участвуют, с одной стороны, «предложения наблюдения», а с другой — вспомогательные предложения (схемы действия), необходимые для вывода (или дедукции). Они правильно угадывали также, что это различие каким-то образом связано с различием математики и эмпирических наук. Но когда эти интуитивно схватываемые различия надо было ввести в систему логики науки, во-первых, задав четкие критерии самого различения, а во-вторых, объяснив функции и происхождение «вспомогательных предложений», то логический эмпиризм не смог этого сделать ни в плане отдельных предложений, ни в плане науки в целом. Объяснение природы и функций математики представляло для логического эмпиризма особую задачу (и особую трудность) уже хотя бы потому, что он исходил из двух антагонистических традиций — крайнего априоризма исследований по обоснованию математики и радикального (можно сказать, плоскосенсуалистического) эм-

призма позитивистской линии — и должен был примирить и объединить их. Сами логические эмпиристы объявляют, что решение этой проблемы найдено. Оно заключается в том, что логико-математическую часть и сторону науки они противопоставляют остальному знанию как «формальную науку», которая не имеет независимого значения, но является конвенциональным вспомогательным компонентом, вводимым по техническим причинам, чтобы облегчить языковые преобразования в фактуальных науках. Формальные науки, с их точки зрения, не имеют своих объектов и своего особого содержания.

Чтобы обосновать этот тезис в духе «логики науки», нужно было указать строго синтаксический (в дальнейшем — семантический) критерий различения утверждений фактуальной и формальной наук. Его пытались найти в различии синтетических и аналитических утверждений. Но при этом само различие синтетического и аналитического не было эффективно определено, и в ходе продолжительной дискуссии и специальных исследований выяснилось, что, по-видимому, оно и не может быть определено, так как имеет, в лучшем случае, относительное значение. Таким образом, различение формальных и фактуальных наук повисло в воздухе.

Б. Дело осложнялось еще тем, что не только собственно математические и математико-логические, но и все другие предложения общего вида в определенных условиях могут служить вспомогательным средством дедукции, даже такое предложение, как, например, «Все, находящиеся в этой комнате, — мужчины», а тем более предложения химии, биологии, истории. Таким образом, приходится говорить о «формальном аспекте» всех наук. Логический анализ этого аспекта, с точки зрения неопозитивистов, должен был заключаться в сведении его к языковым формам, выражаемым в положениях логики и математики. Таким образом, и здесь стиралась всякая грань между формальными и фактуальными науками и можно было говорить в лучшем случае только о формальном и фактуальном аспектах науки вообще.

В. Логические эмпиристы не смогли выяснить различия между собственно логикой и математикой. С одной стороны, они утверждали, что такого различия вообще нет, имея в виду, очевидно, возможности дедукции (Р. Карнап), с другой — указывали на частный характер математики в сравнении с логикой (Г. Рейхенбах).

8. Создавшееся положение усугублялось еще тем, что в оценках строения и функций математики логические эмпиристы эклектически соединяли идеи «логицизма» и «формализма».

От «логицизма» они заимствовали тот взгляд, что все знание формальной науки может быть реконструировано как единая система, в основе которой лежит логика, и математика таким образом представляет собой лишь усложненную и разветвленную логическую систему. Несмотря на всю критику логицистской программы, логические эмпиристы продолжали придерживаться ее, так как не видели другого способа объяснить тот очевидный для них факт, что и математические и логические положения являются по существу схемами вывода.

От «формализма» логические эмпиристы заимствовали взгляд, что все знание, в том числе и логико-математическая схема языковых преобразований, вкраплено в язык, может рассматриваться как некоторая языковая формальная система, выступающая как объект логического анализа, результат которого выражается в метаязыке. Получалось таким образом, что должны существовать две логики и, соответственно, две математики: одна — как предмет логико-математического анализа (предметный язык математики и математической логики), другая — как его результат (метаязык, логический синтаксис). Это странное положение еще больше усугублялось при переходе на этап логической семантики (возникшей, кстати сказать, в рамках «формализма», а не в собственно позитивистских изысканиях, в связи с проблемой отношения исчисления к его содержательным моделям). Логическая семантика есть, с одной стороны, теория логики и математики, а с другой стороны, она **есть сама логика**.

9. К этому надо добавить, что конкретно логический эмпиризм обоснованием математики не занимался. Логический синтаксис, как он был построен Карнапом, представляет собой весьма упрощенную систему, очень далекую от возможности выражения в ней сколько-нибудь развитых математических исчислений. Можно сказать поэтому, что в изысканиях по логическому синтаксису Карнап так и не дошел до логической реконструкции реальной математики, так же как в своих других работах по логике эмпирического знания он не дошел до реконструкции сколько-нибудь развитого научного знания, а в логической семантике — до реконструкции сложных логических исчислений. Поэтому для него даже и не вставали по существу те трудности, которые встали перед «логицистами» и «формалистами» в осуществлении их программ, обоснования математики.

10. Истинное решение проблем «обоснования» математики может быть найдено лишь на пути построения общей теории

мышления, опирающейся на диалектический материализм и учитывающей не только знаковую форму рассуждений, но и их содержание. Изображение мышления в двуплоскостных схемах дает, например, простое решение вопроса об отношении математики и эмпирических наук. Оно позволяет объяснить характер и функции математической логики, разделив в ней собственно логический и математический аспекты. Оно ставит также новые задачи построения «математик», истории, химии, биологии, самой логики и других наук.

Ст. преп. В. Н. САГАТОВСКИЙ

(Томский медицинский институт)

КРИТИКА НЕКОТОРЫХ ПОЗИТИВИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ЗНАЧЕНИЯ

1. «Чистый» эмпиризм неопозитивистов, изучающий человеческое познание вне процесса развития и вне связи с практической деятельностью, неизбежно приходит в тупик априоризма. Обсудим специфическую вариацию этого общего положения в применении к проблеме значения.

Все согласятся с тем, что под значением в самом широком смысле этого слова можно понимать свойство знака передавать информацию. На чем же основано это свойство знаков, принадлежащих к языку? Чтобы знак языка был значим, передавал информацию, он должен быть таковым по крайней мере для двух индивидов: сообщающего и воспринимающего, ибо значимое в языке общества не может не быть общезначимым. Иными словами, проблема значения неразрывно связана с проблемой так называемой интерсубъективности, которую можно определить как проблему об основании взаимоотношения двух сознаний, имеющих отношение к одному и тому же объекту. Говоря образно, если уподобить коду, то, спрашивается, чем выполняется функция расшифровки этого кода и чем программируются условия шифровки и дешифровки? Проблема значения неотделима от вопроса, почему люди понимают и не понимают друг друга.

Отнюдь не претендуя на полноту охвата вопроса (о проблеме значения и о разных философских подходах к ней см., напр., «Вестник МГУ», 1960, № 1, стр. 95), мы попытаемся показать на некоторых примерах, что представители современного позитивизма не могут дать на эти вопросы удовлетворительного ответа. Основной упор будет сделан на характеристику тенденций в решении этих вопросов и выяснение причин, мешающих их успешному решению.

2. Некоторые современные позитивисты по существу отмахиваются от выяснения природы интерсубъективности значения, просто принимая ее как факт наряду с тем фактом, что значение субъективно. К их числу относится А. Айер. В своем докладе «Meaning and Intentionality» («Значение и интенциональность»; последний термин можно было бы перевести примерно как «преднамеренное понимание»), сделанном на философском конгрессе в Венеции в 1958 г., Айер выступил с критикой ряда существующих теорий значения и предложил свою собственную. Айер не соглашается с тем, что значением слова является объект, так как при этом остается неясным, какие объекты выступают в качестве значений слов вроде «здесь», «теперь» или «я». Заметим, что объект здесь отождествляется с вещью, на чем и строится критика.

Айер критикует далее точку зрения, согласно которой значением слова является идея, ибо люди часто употребляют слова со смыслом, не обладая при этом соответствующими образами (идея здесь, следовательно, в духе берклианского эмпиризма отождествляется с образом). Таким образом, устарелые метафизические и эмпирические понятия, вместо того чтобы самим быть подвергнутыми критике, используются для критики теорий все же более перспективных, чем та, которую предлагает Айер. С его точки зрения высказывание P имеет смысл лишь в том случае, когда некий индивид A верит в то, что есть P , если и только если A предрасположен вести себя таким образом, который является подходящим, если и только если есть P . Эта смесь бихевиоризма с апелляцией к юмистскому понятию «веры», разумеется, не может вывести проблему значения из сферы субъективного, и, следовательно, не может объяснить природу значений человеческого языка, которые интерсубъективны, а по своей конечной основе объективны. Что же касается «веры», то это только неточное выражение для понятия *argiōi*: что не из опыта, то до опыта.

3. Другие представители современного позитивизма пытаются найти какие-то более определенные основания интерсубъективности. Так, американский философ У. Берри в статье «Символ, сознание и интерсубъективность» («The Journal of Philosophy», vol. LV, No. 15, July, 1958) критикует тех, кто относится к понятию интерсубъективности, как к нечто само собой разумеющемуся, и сам считает ее неразрывно связанной с природой специфически человеческого сознания. Берри замечает, что рассматривать разум с точки зрения индивидуального организма, не учитывая его социальной природы, — абсурдно. Однако социальное общение

людей он понимает идеалистически, — только как общение сознаний через посредство языка.

Поскольку идеальный момент выделяется в трактовке природы социального на первый план, то и intersубъективность ставится в зависимость от условного соглашения относительно определенного употребления знаков языка, обозначающих данный объект. Такую конвенциональную операцию У. Берри называет соозначением (co-celebration). Но конвенция, не выводимая из опыта, также требует своего основания, которое в данном случае опять-таки оказывается по сути дела априорным.

4. Из личного опыта индивида, который рассматривается вне общественно-производственной практики, как только субъективный опыт, нельзя вывести intersубъективности, т. е. общезначимости субъективно значимых состояний сознания. Основание intersубъективности и тем самым специфику значения, как акта человеческой информации, начинают при этом искать вне опыта. Но для неопозитивистов характерна и другая ошибочная установка, также имеющая корни в вековых традициях эмпиризма: основанием опыта считаются только единичные факты, общего же в опыте для них не дано. (См., напр., Б. Рассел, «Человеческое познание», М., 1957; V. Kraft «The Vienn Circle. The Origin of Neo-Positivism», New York, 1952; Mc. Kinney, «Experience and Reality», Mind, vol. LXVII, No. 267, July, 1958). Так представители «общей семантики» к тезису об уникальности личного опыта (понятого в юмистско-берклианском духе) добавляют тезис об уникальности единичных предметов (например, А. Кожибский в «Science and Sanity»). Отсюда делается вывод, что в идеальном языке каждый предмет должен иметь свое особое имя. Те же термины, которые невозможно поставить в однозначное соответствие с единичным предметом, объявляются лишенными смысла. Абстракции либо изгоняются из языка, либо (если это «выгодно» в чисто прагматическом смысле) принимаются условно. Разумеется, такой отход к взглядам Беркли не способствует решению вопроса. Но даже если согласиться с «изгнанием» абстракций, то ведь и единичные факты не будут общезначимыми значениями до тех пор, пока не укажут объективного основания intersубъективности одного и того же единичного факта для двух сознаний.

Надо отметить, что указанные в конечном счете субъективно-идеалистические взгляды характерны для всех оттенков неопозитивизма. Именно эти ошибки не дают возможности выяснить природу значения. Отдельные положительные тенденции и дости-

жения деформируются при этом порочностью исходных методов логических установок. Такое противоречие можно хорошо проследить, например, на работе Е. Дейтца «Образная теория значения» («Picture theory of Meaning, Essays in conceptual analysis», London, 1953).

5. Подведем итоги:

а) Не умея вывести признак общезначимости значения языка из опыта, современные позитивисты либо пытаются представить значение как результат конвенции, либо мечтают о таких значениях, которые не были бы общими абстракциями, что противоречит природе мышления и языка; невозможность же изгнать все абстракции опять-таки приводит к идее условного соглашения относительно того, какие абстракции нужны, а какие — нет. Поскольку объективное основание конвенции не указывается, конвенционализм ведет к априоризму и позитивисты напрасно открещиваются от Канта. Отрицание абстракций уходит своими корнями к Беркли, но субъективный идеализм Беркли помимо личного опыта допускает существование внеопытного и между тем intersубъективного бога и духов и тем самым закономерно приводит затем к Канту.

б) Общей причиной неудач современных позитивистов в решении проблемы значения и intersубъективности является их неумение проследить генезис intersубъективности. Это в свою очередь обусловлено: 1) отрицанием наличия общего в самом объективном мире, а уже на этой основе в опыте и в восприятиях людей; 2) игнорированием роли практической деятельности в образовании таких абстрактных значений, которые нельзя представить себе непосредственно.

Общезначимость значений можно вывести в теории познания только из самой действительности, в которой общесубъективно существует в отдельном. Считая опыт исключительно только индивидуальным и предметы мира — только единичными, общезначимость приходится выводить не из опыта, а из понятия а priori, третьего не дано.

Студент Б. В. САЗОНОВ

(Московский государственный университет)

К КРИТИКЕ НЕОПОЗИТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА «ЕСТЕСТВЕННОГО» ЯЗЫКА НАУКИ

1. Неопозитивизм выступил на арену в период затяжного кризиса методологии естествознания с претензией стать общей методологией наук (как математических, естественных, так и социальных). В качестве принципов он сочетал: радикальный эмпиризм, с помощью которого обещал избавить науку от всех «метафизических» привнесений (тезис, заимствованный у старого позитивизма), и требование логико-математической строгости языка (которое шло от исследований по обоснованию математики). Образцом строго логического построения системы знания была признана первоначально система «Principia Mathematica» («РМ»). Вся наука, включая и ее эмпирические области, должна была быть перестроена по ее образу и подобию. Принятие этого тезиса предreshало наличие следующих, в частности, направлений в разработке логики науки:

а) Анализ структуры языка «РМ», развитие используемого там формального аппарата и его логико-гносеологическое осмысление.

б) Анализ языка эмпирических наук, или так называемых «естественных» языков науки, с точки зрения их соответствия принципам построения «РМ».

2. Построение языка «РМ» основывается на отношениях, приспособленных к функциям истинности: каждое выражение рассматривается только с точки зрения его истинности или ложности; каждое сложное (его назвали «молекулярным») выражение строится как функция истинности элементарных («атомарных») выражений с заданными значениями истинности (тезис экстенциональности). Этот принцип оказался затем непосредственно связанным с основным требованием «логи-

цизма», ибо он, как думали, позволял представить выражения математики как функции истинности некоторых логических выражений, которые принимались в качестве основных.

И в дальнейшем все развитие формального аппарата логики пошло по пути анализа и уточнения логических связей, определяющих истинность одних выражений через истинность других.

Сюда относятся прежде всего исследования в русле собственно математической логики, оказавшие значительное влияние на неопозитивизм. В работах Шеффера, Льюиса, Вайса, Мура и др. были выделены и анализировались отдельные элементы аппарата «РМ». Выяснилось, что наряду с «материальной импликацией» Рассела символически фиксируются другие модели логического следования, дающие существенно иные схемы вывода. Результатом критического анализа явилось построение целого ряда логико-математических исчислений, сначала двух-, а потом многозначных (Льюис, Вайс, Пост, Лукасевич и др.).

Другим направлением в разработке формального аппарата явились сначала «синтаксические» исследования Карнапа, а потом «семантические» исследования Львовско-Варшавской школы и Карнапа. Они также исходили из тезиса, что основная задача логического исследования состоит в определении связей элементов системы по их истинностям.

3. Однако, чтобы иметь право рассматривать построенные таким образом языковые системы в качестве моделей естественного языка различных наук, нужно было показать, по крайней мере, что в этих языках существуют подобные логические отношения истинностей. Исходя из этого принципа, неопозитивизм выдвинул гипотезу о наличии двух уровней в структуре языка эмпирических наук: уровня «базисного» знания, содержащего в себе предложения наблюдения непосредственно данного в опыте, и «теоретического» уровня, все выражения которого могут быть представлены как эквивалентные некоторым выражениям «базисного» уровня (т. е. как сводимые к ним по функциям истинности). Анализ и доказательство возможности такого сведения в естественных языках науки были объявлены важнейшей задачей неопозитивистской логики науки.

С самого начала, однако, практика сведения столкнулась с такими затруднениями, которые заставили изменять принцип сведения и в конце концов отказаться от него. Мы коснемся некоторых из этих затруднений.

Тезис сведения теоретического знания к базисному (наиболее резкую форму он принял в физикализме, утверждавшем, что все теоретические знания в частных эмпирических науках

могут быть сведены к базисному знанию физики) не был реализован для каких-то целых областей эмпирического научного знания; мало того, как оказалось, даже отдельные теоретические понятия, такие, как «энергия», «масса», «сила», нельзя выразить в терминах предложений наблюдения.

Кроме того, к предложениям базисного уровня, описывающим единичные факты опыта («протокольные предложения» и им равнозначные), не удавалось свести даже те универсальные предложения, которые не содержали «теоретических» понятий, ибо никакая конъюнкция протокольных предложений не в силах исчерпать универсального класса с неопределенным числом членов.

Нерешенной оказалась и проблема, какие предложения можно считать протокольными, ибо выяснилось, что любые предложения несут в себе некоторое общее значение, выходящее за рамки описания единичного факта.

Неудачи практики сведения заставили в конце концов отказаться от такого анализа естественных языков науки. Следовательно, уже по одному этому можно сделать вывод, что формальные языковые системы, построенные на логических отношениях, приспособленных к функциям истинности, не могут служить образцом для естественных языков. Этот результат в настоящее время уже достаточно осознан как в самом неопозитивизме, так и представителями конкретных наук (см., например, полемику Бар-Хиллела и Хомского; журнал «Language», 1954—55, vol. 30, 31) и привел к появлению логических течений, ставящих своей специальной задачей разработку методов анализа естественного языка. Все указанные обстоятельства позволяют говорить о неудаче построения «логики науки» в неопозитивизме и заставляют поставить вопросы, во-первых, о причинах этой неудачи и, во-вторых, о путях и методах более точного анализа строения научных знаний.

4. С нашей точки зрения, одна из причин состоит в том, что анализ строения научных знаний, и в частности характера и строения их содержания, был подменен анализом совершенно внешних для самих знаний отношений «истинности». Поэтому для того чтобы продвинуться вперед в исследования строения науки, необходимо отказаться от такого способа анализа и найти новые методы исследования.

Чтобы разъяснить эту постановку вопроса, обратимся к следующему примеру. Возьмем некоторый языковой текст, выражающий процесс рассуждения и вместе с тем знание, — например, химический. Допустим, в тексте описывается реакция двух органических веществ, даны некоторые физические и химические их свойства (типа: это вещество такого-то

цвета и запаха, с такими-то веществами оно дает такие-то соединения и т. п.), далее эта реакция записывается в «эмпирической» (т. е. в формуле химического состава) и структурной формулах. Разнородность текста сразу бросается в глаза, и мы зафиксировали ее самим описанием: у нас имеется некоторый словесный текст и две различные формулы. В качестве особых видов текста мы можем еще выделить и описание наших формул, если такое есть в данном конкретном случае, но для простоты анализа мы опустим этот момент.

Что скрыто за этим различием? Если мы рассмотрим химический текст эпохи Берцелиуса, описывающий реакцию, подобную нашей, то мы не найдем там структурных формул, а в текстах флогистиков мы не найдем и «эмпирических» формул. О чем говорит это различие? По-видимому, на этот вопрос может ответить анализ истории науки, направленный на выяснение, во-первых, того, какую задачу решают вновь появляющиеся химические языки, и, во-вторых, каким образом они ее решают. Что прогресс науки наразрывно связан с появлением новых языков, давно осознано в истории науки. Но в чем суть этого прогресса? Почему новый язык дает возможность решать определенные задачи, в то время как прежний не давал такой возможности? По-видимому потому, что он связан, во-первых, с особым содержанием, которое раньше без него не вычленялось, так как не было познано, и, во-вторых, с новыми способами мыслительной деятельности. Обратимся к примерам из химии.

а) Эмпирические формулы рассматривают объекты — химические вещества — с точки зрения их состава. Структурные формулы, кроме этого, выделяют в объекте некоторый новый момент, который не может быть понят исходя только из качества и количества элементов — а именно химическое строение веществ, определяемое главным образом последовательностью и взаиморасположением межатомных связей. И если с точки зрения «эмпирической» формулы (а следовательно, и с точки зрения задачи, для решения которой она предназначена) безразлично, какой элемент является последующим, а какой предыдущим, то для структурной формулы именно это, напротив, является главным моментом, который она фиксирует.

б) Нельзя говорить, что мы выделили в объектах и зафиксировали какое-либо содержание, пока не построен соответствующий язык. История исследования строения вещества в химии показывает, что объективное содержание, фиксируемое в структурных формулах, могло быть вычленено в объектах лишь в результате построения этих формул. И не слу-

чайно эта задача занимала выдающиеся умы на протяжении десятилетий.

Всякий язык науки (язык эмпирических формул, язык структурных формул и т. п.) должен обладать тем свойством, что деятельность в аспекте этого языка (формальная деятельность, способы преобразования) должна некоторым образом соответствовать познавательной или практической, производственной деятельности в аспекте самих объектов; всякая новая система знаков должна быть такой, чтобы она могла устранить парадоксы, возникающие из несоответствия деятельности в рамках старого языка деятельности в сфере самих объектов. Чтобы выполнить эту задачу, новый язык должен обладать принципиально иным, с точки зрения возможностей деятельности в нем, свойством, нежели старый язык (так, язык структурных формул в силу такого нового свойства смог снять явление изомерии, парадоксальное с точки зрения эмпирического языка).

Деятельность в аспекте языка может быть представлена через указание на набор некоторых правил деятельности. Например, для эмпирических формул: «Результат реакции присоединения x к y может быть записан как $x + y$ или как xy ». В структурной химии формальная деятельность носит иной характер — например, характер приписывания к C такой же группы и так многократно. Оно может быть записано словесно подобно правилу для действия с эмпирическими формулами, приведенному выше, или в свою очередь может быть формализовано и записано в выражении, подобном алгебраическому: $C_n H_{n+2}$. Формулировки этих правил и их сокращенные выражения образуют особую плоскость (аспект) языка в текстах химии, подчиняющуюся своим особым правилам.

Указанные выше моменты строения научного знания говорят о бессмысленности самой задачи построения единообразного логического аппарата, пригодного для анализа любых языков, ибо сущность исторического прогресса мышления и знания состоит именно в создании разных языков с разными типами формальной деятельности, и, соответственно, каждый из них требует своего специфического анализа (такая постановка вопроса ясно характеризует логику как своего рода эмпирическую науку). Бессмысленна также и идея сведения языка одного уровня к языку другого (нижнего) уровня; и если мы можем говорить о сведении, то только в том смысле, что низший язык некоторым образом используется при построении высшего и может быть понят как некоторый момент высшего языка.

Эти же примеры показывают, что научный текст содержит языки, находящиеся как бы на разных этажах (уровнях) по отношению друг к другу. При этом языки более высоких уровней нередко имеют по несколько различных значений, т. е. они «относятся» как к языку, лежащему непосредственно «под ними», так и к другим языкам, лежащим еще ниже. Эти отношения языков по многим характеристикам не совпадают с теми отношениями, которые фиксируются неопозитивизмом в понятиях предметного языка и метаязыка, в частности, языки более высоких уровней (т. е. языки о языках) не являются чисто «логическими», как это утверждают неопозитивисты.

5. Указанное разнообразие языков и иерархия отношений между ними, на наш взгляд, имеют место во всех без исключения науках (оно имеет место также и в математической логике, и перечислив ее основные «языки», можно объяснить, в частности, появление в математической логике самой идеи анализа языка по функциям истинности выражений). Одна из важнейших задач логического исследования состоит в том, чтобы выработать методы анализа всех этих разнообразных языков (операций, выделяющих соответствующее им содержание, формальных операций, преобразующих одни выражения в другие и т. д.) и их взаимоотношений с тем, чтобы в дальнейшем можно было бы анализировать любой эмпирический научный текст. Решение названной задачи возможно только с позиций диалектико-материалистической теории познания.

Аспирантка Е. Д. С М И Р Н О В А

(Московский государственный университет)

К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИТИЧЕСКОГО И СИНТЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ЛОГИЧЕСКОМ ЭМПИРИЗМЕ

Проблема аналитического и синтетического знания является одной из центральных проблем семантики и одной из наиболее дискуссионных в последние годы. Интерес к этой проблеме не случаен, поскольку решение ее стоит в тесной связи с решением таких проблем, как анализ значения языковых выражений, синонимия, построение системы научного знания, природа логического и математического знания, эмпирическое обоснование науки и т. п.

1) Проблема аналитического и синтетического знания, на наш взгляд, встает в связи с более общей и фундаментальной проблемой — проблемой соотношения эмпирического и теоретического знания.

В логическом позитивизме проблема различения аналитических и синтетических высказываний связана с одной из центральных проблем «логики науки» — проблемой обоснования правомерности резкого разграничения так называемых «формальных» и «фактуальных наук».

2) Все дело в том, что логические эмпиристы не выходят за пределы старой метафизической трактовки опыта, присоединяя к этому еще и субъективно-идеалистическое истолкование опыта.

Именно узкое понимание опыта как «непосредственно данного в восприятии» обуславливает исключение из числа суждений, несущих информацию о действительности предложений логики, «чистой» математики и аналогичных ей дисциплин, как не имеющих опытного обоснования.

3) Разграничение знания на опытное и на не проверяемое в опыте обуславливает не деление суждений на синтетические

и аналитические, а лишь априористическое истолкование аналитических суждений.

Однако это вовсе не означает, как полагают некоторые авторы, что тем самым теряет всякое основание деление суждений на аналитические и синтетические.

4) Анализ Куайном различных попыток определения понятия «аналитический», вскрывает трудности такого определения, но отнюдь не доказывает неправомерности различения аналитических и синтетических суждений.

5) Деление суждений на аналитические и синтетические правомерно. Это деление, с точки зрения теории познания диалектического материализма, носит относительный характер, т. е. определенное суждение будет аналитическим или синтетическим лишь относительно данной языковой системы. О суждении, взятом вне той или иной семантической системы, бессмысленно спрашивать, аналитическое оно или синтетическое. Абсолютизация указанного выше деления суждений, обусловленная теорией описания состояния Карнапа, является неправомерной.

6) Неверно, что понятие аналитичности, поскольку оно правомерно, не выходит за пределы понятия «Л — истинности». Класс аналитических суждений не совпадает с классом логических истин.

7) Деление суждений на аналитические и синтетические отличается от деления суждений на теоретические (необходимые) и фиксирующие факты. Суждения, утверждающие необходимые связи, могут быть синтетическими.

8) Наиболее адекватное определение аналитичности может быть получено на основе понятия интерпретации. Таким путем может быть уточнено понятие «быть истинным на основании только семантических правил системы».

9) Использование постулатов значений расширяет класс аналитических суждений. Подразделение аналитических суждений на два класса вполне оправдано, если его не абсолютизировать. Оно обусловлено различными уровнями абстракции.

10) Совершенно неправомерно противопоставление аналитических суждений эмпирическому знанию. Аналитические суждения, особенно второго рода, предполагают соответствующую экзистенциальную предпосылку. Аналитические предложения никогда не могут быть обоснованы только терминологической конвенцией, и неопозитивисты не правы, принимая такую точку зрения.

11) Мы полагаем, что проблема аналитических и синтетических суждений определенной семантической системы — это прежде всего проблема «упорядочения», классификации со-

става нашего знания. Этим в конечном счете и обусловлено деление на аналитические и синтетические суждения; вне определенной, упорядоченной системы знания такое подразделение неправомерно.

Теоретически ложно противопоставление синтетического знания как говорящего нечто о действительности, аналитическому, как якобы не имеющему отношения к действительности. Неверно, что разграничение суждений на аналитические и синтетические означает отрыв лингвистического компонента нашего знания от «вещного» компонента. Аналитические суждения не являются знанием, относящимся только к языку. Но представители «аналитической философии» (т. е. в большинстве своем неопозитивизма 50-х годов XX в.) ложно утверждая последнее, неизбежно оказываются в тупике, они не в состоянии преодолеть вышеуказанный разрыв, несостоятельность которого нередко сами же чувствуют.

Канд. философских наук В. А. С МИРНОВ

(Томский политехнический институт)

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ АБСТРАКТНЫЕ ОБЪЕКТЫ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВЫХ КАРКАСОВ Р. КАРНАПА

1. Относительно каких объектов делаются высказывания в теоретических построениях? Каждый знает, что доказывая теорему о сумме углов треугольника, имеют в виду не только треугольник, нарисованный в целях доказательства, но треугольник вообще. Утверждая, что молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода, делают это утверждение не относительно фиксированной молекулы, а относительно молекулы воды вообще. Что это за треугольник вообще, молекула воды вообще и т. д.? Эта проблема — проблема идеальных или абстрактных объектов. Она возникла перед взором древних, волновала умы в средние века. В наши дни в связи с ростом удельного веса теоретического мышления в науке, особенно в связи с математизацией все новых и новых областей знания, эта проблема встает вновь, но на сей раз во всей своей конкретности и практической значимости.

Даже позитивисты, презрительно отворачивавшиеся от этой проблематики, объявлявшие ее дикой метафизикой, платоновским бредом и т. п., вынуждены с ней считаться. В настоящее время позитивисты — по крайней мере наиболее дальновидные из них — пытаются уже не просто отбросить эту проблематику как якобы метафизическую, а дать ей свое, позитивистское истолкование. Такие позитивисты, как, например, Р. Карнап, для обоснования своей неверной, позитивистской трактовки природы абстрактных объектов пытаются использовать достижения логики и семантики. Дело осложняется тем, что некоторые из приверженцев логического юзитивизма, в том числе и Р. Карнап, вносят немалый вклад в положительную разработку специальных вопросов

логики и семантики. Поэтому критический анализ взглядов логического позитивизма по рассматриваемому вопросу необходимо сочетать с попыткой его положительного решения.

Взгляды современных логических позитивистов на абстрактные объекты не являются чем-то единым. Мы разберем лишь концепцию Р. Карнапа, изложенную им в работе «Эмпиризм, семантика и онтология». Но прежде мы дадим свое понимание некоторых аспектов рассматриваемой проблематики.

2. Мы считаем, что необходимо различать абстрактный объект и понятие. Это обычно не делается явно, хотя вытекает из предпосылок, принятых большинством советских логиков. В нашей литературе общепринято различение предмета суждения и субъекта суждения (см., например, Попов П. С., Суждение, Изд. МГУ, 1957). Предмет суждения — это то, о чем мы нечто высказываем, субъект суждения — это умственный образ предмета, понятие о предмете. В этом случае, когда делаются какие-либо теоретические заявления, необходимо различать понятие и предмет суждения; в этом случае предметом, относительно которого ведется рассуждение, будет не некоторый эмпирический данный предмет, а именно абстрактный объект. Признавая различие между предметом и субъектом суждения, мы не можем не принять тезиса о том, что существуют абстрактные объекты.

То, что понятие и абстрактный объект не одно и то же, обнаруживается и из того факта, что операции, приложимые к абстрактным объектам, не приложимы к понятиям, и наоборот. Так, прибавив к единице число три, мы имеем новое число четыре. Здесь складываются абстрактные объекты, а не понятия. Складывать понятия чисел, в том же смысле, что и сами числа (как абстрактные объекты), нельзя. Если и идет речь о сложении (объединении) понятий, то результат иной. $1 + 3$ есть понятие, относящееся к единице или тройке, но не понятие четверки. Итак, содержательный анализ показывает, что понятие и абстрактный объект не одно и то же.

3. Различение понятия и абстрактного объекта приводит к необходимости различать и те мыслительные процессы, результатом которых они являются. Косвенно эту проблему затронул Карнап в учении о квазисинтаксических предложениях. Говоря о способах образования понятий и абстрактных объектов, мы различаем способы образования первоначальных, неопределенных понятий и способы образования из одних понятий других; соответственно и для абстрактных объ-

ектов. Образование из одних понятий других будем называть о п р е д е л е н и е м, образование из одних абстрактных объектов других — п о с т р о е н и е м; процесс, приводящий к образованию неопределяемых понятий, назовем а б с т р а к ц и е й, абстрактных объектов — и д е а л и з а ц и е й. Данная терминология несколько условна и иногда не соответствует обычному словоупотреблению; так, например, абстракция отождествления приводит к образованию абстрактного объекта, поэтому в нашей терминологии она должна быть зачислена в рубрику идеализации.

Различие между абстракцией и идеализацией обычно не проводится ни терминологически, ни по существу. Исключение составляет работа Шольца «О так называемых определениях через абстракцию». В этой работе Шольц убедительно показывает, что классическая абстракция (ведущая свое начало еще от Фомы Аквинского) доставляет понятия, в то время как абстракция (в нашей терминологии идеализация), как она имеет место у Аристотеля, доставляет «не понятия, а идеальные предметы».

4. Не уточняя основные термины «понятие» и «абстрактный объект», поставим вопрос о природе абстрактного объекта и о его отношении к действительности.

Абстрактный объект (идеальный предмет, идеализированный предмет) есть схематическая, упрощенная модель реальных предметов. Абстрактный объект есть фрагмент действительности, рассматриваемый под определенным углом зрения. В этом смысле абстрактный объект не существует как абстрактный объект вне познающего субъекта. Сторона или фрагмент действительности, взятый вне связей, не существуют, но их делают объектом изучения именно как таковые и в этом смысле они являются абстрактными объектами. Абстрактные объекты суть результаты процессов схематизации и идеализации объективно существующей действительности. Идеализация есть вычленение какой-либо стороны действительности и превращение ее в объект познания.

Всякое общее, теоретическое знание относится непосредственно не к реальным предметам, а к абстрактным объектам. Так геометрия (как часть физики) изучает точки, прямые, поверхности и фигуры, из них образованные; механика свои утверждения относит к точечным массам, абсолютно твердым телам и т. д. Все эти точки, прямые, абсолютно твердые тела, точечные массы суть абстрактные объекты, а не реально существующие предметы.

Но не превращаются ли в таком случае научные теории в построения о некоторых фикциях? Каково отношение их к действительности? Поскольку абстрактные объекты суть

результаты схематизации и идеализации, «огрубления действительности», суть упрощенные ее модели, постольку — в определенных границах, определяемых способом идеализации — утверждения относительно моделей (абстрактных объектов) суть утверждения и относительно самой действительности.

5. Но вернемся к Р. Карнапу. Согласно Карнапу, вопрос о принятии той или иной системы абстрактных объектов коррелятивен вопросу о принятии того или иного языка. Точнее принимаются те системы абстрактных объектов, для которых имеются переменные в языке. С такой трактовкой можно согласиться. Допустимо само по себе и разделение Карнапом вопроса о существовании на вопрос о существовании объектов внутри системы и на вопрос о ее существовании в целом («внешний вопрос»).

6. Нельзя, однако, согласиться с Карнапом при трактовке проблемы абстрактных объектов в одном — и это главное, определяющее основную философскую установку — нельзя согласиться с тем, что внешний вопрос не есть теоретический, познавательный. «Мы полагаем, — пишет Р. Карнап, — что введение новых способов речи не нуждается в каком-либо теоретическом оправдании, потому что оно не предполагает какого-либо утверждения реальности». (Р. Карнап, Значение и необходимость, ИЛ, М., 1959, стр. 310).

Карнап заявляет: только тогда может быть речь о решении «внешнего вопроса», когда он предложен как вопрос познавательный. Сам Карнап считает, что вопрос о принятии той или иной системы абстрактных объектов (или что эквивалентно, того или иного языкового каркаса) не является и не может являться познавательным вопросом.

На наш взгляд это не так. Поскольку принятие системы абстрактных объектов эквивалентно не только принятию языкового каркаса, но и принятию определенных способов идеализации, постольку вопрос о «реальности» абстрактных объектов есть вопрос о том, являются ли абстрактные объекты моделями реального мира. Если да, то рассуждение относительно модели (абстрактных объектов) есть рассуждение (с определенной степенью точности) и о реальном мире. В каких пределах и при каких условиях абстрактные объекты остаются моделями действительности, определяется принятыми способами идеализации. В такой формулировке вопрос о принятии системы абстрактных объектов (соответственно языкового каркаса) есть познавательный вопрос.

7. Р. Карнап справедливо замечает, что вопрос о принятии той или иной системы абстрактных объектов «это не вопрос просто о «да или нет», а вопрос о степени»

(Р. Карнап, Значение и необходимость, М., ИЛ, 1959, стр. 319—320). В этом он видит подтверждение своего тезиса о том, что вопрос о принятии той или иной системы абстрактных объектов не является познавательным вопросом. На наш взгляд вопрос о том, является ли та или иная система абстрактных объектов моделью действительности, есть познавательный вопрос; вопрос же о степени точности модели включает в себя элемент выбора, определяемого практической установкой. Достаточно ли данная степень точности — этот вопрос решается для различных ситуаций различно. Допустим, данная степень точности достаточно, но для чего, для каких целей? Например, механика Ньютона (и соответственно ее «язык», принимаемая в ней система абстрактных объектов) достаточно для расчетов при строительстве моста, но недостаточна для объяснения субатомных процессов.

В. И. Ленин показал, что вопрос о степени точности не подменяет и не ликвидирует вопроса о соответствии познания и объекта познания.

Какой принять язык, или — что то же — в рамках какой схемы, какого аспекта действительности осуществлять ее познание, как «расчленить» ее, — вопрос этот не безразличен самой действительности.

Именно то «расчленение», та идеализация будут оправданы, которые — хотя бы приблизительно — воспроизводят действительное «членение», действительную структуру объективной реальности.

8. Конечно, абстрактный объект и система абстрактных объектов, так же как сама идеализация, не являются утверждениями; поэтому мы их не квалифицируем как истинные или ложные. Но это не означает, что выбор идеализации (выбор языка) не является познавательной проблемой, как это ошибочно полагает Р. Карнап.

Тот или иной способ идеализации оправдан, если имеют место (т. е. являются истинными) те предпосылки, на которых он основан.

Поясним это на примере. Простейший вид идеализации — идеализация, носящая название абстракции отождествления. (А. А. Марков, Теория алгорифмов, Труды математического института АН СССР, т. 42, М., 1954, стр. 8). При каких предпосылках возможна абстракция отождествления, т. е. когда мы можем говорить о различных объектах как проявлениях одного и того же абстрактного? Абстракция отождествления будет оправдана, если между предметами рассматриваемого класса имеет место отношение типа эквивалентности, т. е. это отношение рефлексивно, симметрично и транзитивно. Там, где выполняются эти предпосылки, т. е. там, где они

и с т и н н ы, допустима идеализация типа абстракции отождествления.

9. Научная теория, как мы уже отмечали, имеет дело непосредственно не с реальными предметами, а с их моделями — абстрактными объектами. Чтобы сформировать теорию относительно того или иного фрагмента или стороны действительности, необходимо перейти к абстрактным объектам. Чтобы применить теорию к анализу действительности, необходимо перейти от идеальных, абстрактных объектов к реальным. Сама идеализация, т. е. способ перехода от реальных предметов к абстрактным, не является чем-то однородным. Можно указать два известных способа идеализации: это, во-первых, традиционный способ, который мы условно назовем динамическим, и, во-вторых, статистический.

Динамический способ идеализации основывается на тождестве друг другу рассматриваемых объектов по их внутренним свойствам. Каждый из рассматриваемых объектов не отличим по своим внутренним качествам от другого, различие между объектами определяется лишь их местом в системе. Это дает возможность конкретные объекты рассматривать как проявления, и при этом однородные проявления, абстрактного объекта.

Говоря о динамической идеализации, нужно подчеркнуть прежде всего тот момент, что различные проявления абстрактного объекта равноправны. В самой теории мы имеем дело не только с абстрактным объектом, но и с его проявлениями. Как формулировка теории, так и ее применение к действительности предполагают отождествление проявлений абстрактного объекта с реальными предметами. Такое отождествление есть определенное о г р у б л е н и е, так как на самом деле, безусловно, есть некоторое внутреннее различие, скажем, между одной молекулой воды и другой, но мы это различие игнорируем, как не имеющее принципиального значения. Динамическая идеализация игнорирует, отбрасывает внутренне-индивидуальное, беря рассматриваемые объекты лишь с их общих, необходимых сторон, не принимая во внимание случайное, индивидуальное.

Статистическая идеализация является более глубоким способом «огрубления» действительности. При статистической идеализации учитывается специфика рассматриваемых объектов относительно друг друга. Проявления абстрактного объекта, полученного в результате статистической идеализации, уже не равноправны. Они мыслятся отличными друг от друга. Но отдельные проявления при статистической идеализации также не фиксируются, как и при динамической.

Предметом изучения являются лишь закономерности «разброса» проявлений.

Сложность возникает при применении статистической модели к действительности. При динамической идеализации реальные предметы просто отождествлялись с проявлениями абстрактного объекта. Именно благодаря равноправности проявлений такое отождествление не представляет труда. При статистической идеализации — которая является более глубокой, так как она учитывает специфику объектов, рассматривая необходимое в его взаимоотношении со случайным — такого простого отождествления сделать нельзя. Если при динамической идеализации все закономерности, сформулированные для абстрактных объектов просто переносились на реальные объекты, то при статистической идеализации перенос закономерностей, сформулированных для среднестатистического объекта на конкретные предметы, требует учета специфики этих предметов.

Теории, построенные на статистической идеализации, по своей структуре являются более глубокими, чем теории, построенные на динамической идеализации. Можно утверждать, что замена динамической идеализации статистической является одной из ведущих тенденций науки нашего века. Это выразил Н. Винер, заметив в книге «Кибернетика и общество», что Гиббс является, пожалуй, более знаменательной фигурой для науки XX века, нежели Эйнштейн и Планк.

10. Прямое отождествление абстрактных объектов с реальными предметами, наделение их статусом реального, независимого от субъекта, существования есть объективный идеализм (платонизм) или метафизический материализм (в случае принятия «языка вещей»).

Рассмотрение абстрактных объектов как свободных конструкций ума, как всего навсего коррелятов более или менее удобного (но произвольно принятого) способа речи есть субъективный идеализм или позитивизм, ведущий к субъективному идеализму.

Квалификация абстрактных объектов как реальных предметов, включенных в сферу практики и познания, как более или менее точных моделей действительности соответствует единственно правильной концепции диалектического материализма.

Канд. физико-математических наук Т. Н. ГОРНШТЕЙН
(Ленинградский филиал Академии наук СССР)

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЗИТИВИЗМ И ПРОБЛЕМА ВОЗМОЖНОСТИ

1. В последнее время проблема возможности приобретает все большее значение в естествознании, особенно в физике и биологии. Категория возможности привлекается в последние годы советскими (Фок и др.) и зарубежными физиками (Гайзенберг и др.) при обсуждении проблемы детерминизма в микрофизике, противоречий корпускулярно-волновой природы материи и света.

Привлечение категории возможности для анализа ключевых проблем естествознания совершается за рубежом в духе различных философских течений, занимающихся «философией науки» (неокантианство, прагматизм, неопозитивизм, критический реализм, неотомизм). Среди зарубежных физиков наибольшее распространение до сих пор имеет позитивистская концепция возможности, носящая операционалистско-прагматический характер, критике которой посвящено данное сообщение.

2. Понятие возможности уже в XIX веке использовалось позитивистами для обоснования и маскировки субъективно-идеалистической теории познания: материя как «перманентная возможность ощущения» (Д. С. Милль); вещи как «данный и возможный опыт» (Мах); объективная реальность как «потенциальный член принципиальной координации» (Авенариус). Эту линию идеалистического эмпиризма продолжают современные позитивисты, особенно склонные к операционализму позитивисты-физики (Франк, Ленцен и др.). Так, американский физик Виктор Ленцен в своей работе «Позитивистская концепция возможности» резко противопоставляет свою концепцию материалистической (последнюю он обычно называет «реалистической»): «Реалистическая философия дает

онтологическое основание для возможности. В позитивистской теории сама реальность определяется посредством возможности».

3. Определяя реальность только как возможность восприятий, позитивисты рассматривают предметы, вещи как «совокупность данных и возможных аспектов опыта». При этом «возможными аспектами» объявляются те аспекты, которые могут появиться в опыте при определенных действиях, операциях, но сами по себе, независимо от действия человека, не имеют никакой реальности.

4. Действительность («актуальность») определяется неопозитивистами как «данное в непосредственном опыте», как то, что непосредственно наличествует в настоящих восприятиях. Действительность объявляется «частным случаем возможности», а именно «проверенной» возможностью. Таким образом, возможное шире действительного по объему, но так же, как действительное, оно находится только в сознании объекта, в его мышлении, как будущий «возможный опыт». Действия субъекта превращают возможный опыт в актуальный. «Что актуально и что возможно, зависит от нас, от положения, которое мы занимаем, от направления нашего внимания, от наших способностей наблюдения» (Эдемс).

5. Так идеалистический эмпиризм, не разрешающий «метафизического выхода за пределы опыта», помещает действительность (актуальность) в сферу ощущений, а возможность — в сферу мышления как функцию последнего. Субъективно-идеалистический взгляд позитивистов смыкается таким образом с неокантианским пониманием возможности, как якобы присущей только мышлению.

6. Понятие возможности привлекается также при определении понятий истины и лжи: истинное — то, что возможно проверить, ложное — это то, что невозможно проверить. «Истина и ложь в конечном счете модальны» (Сейври, Рейхенбах). Поскольку критерий смысла предложений науки усматривается в возможности проверки (верификации), возможность считается «научно осмысленной», а невозможность — «лишенной научного смысла».

7. У позитивистов нередко можно найти правильное на первый взгляд утверждение о том, что «актуализация» возможности происходит только в случае ее совместимости с данной системой законов природы. Но идеалистическое понимание закона обесценивает это утверждение. С точки зрения позитивистов законы не утверждают что-либо реальное или актуальное: так, например, закон падения тел не утверждает существования падающих тел, а говорит только о том, что воспринимаемые нами последовательные положения падаю-

ного тела определяются формулой $S = \frac{gt^2}{2}$. Здесь одни переменные определяются как функции других переменных. Законы природы определяют «гипотетически возможный мир», определяют, то, что может случиться, «возможные случаи». Так получается порочный круг: законы осуществления возможности определяются через возможность. Признание объективности закономерностей природы связывает понятие возможности с понятием необходимости ее осуществления, в то время как в позитивистской концепции возможности почти совершенно игнорируется связь категорий возможности и необходимости. Этот результат является одним из частных следствий отклонения неопозитивистами понятия объективной причинности.

8. Позитивисты подчеркивают относительный характер понятия возможности. Но при отсутствии объективной основы, последовательное проведение относительности возможности приводит к идеалистическому релятивизму, стирающему грань между возможностью и невозможностью: возможным объявляется все, что люди могут вообразить — любая фантазия в литературе и искусстве; бог и загробная жизнь — в религии. Особенно ярко это выражается в так называемом «контекстуалистском» понимании возможности, которого придерживаются позитивисты и прагматисты, выступившие совместно в сборнике «Возможность», изданном Калифорнийским университетом.

9. Позитивистское понятие возможности в последнее время привлекается для защиты «физического» идеализма в трактовке современных физических теорий. Так основной смысл теории относительности усматривается в том, что она дает новый взгляд на пространство как «совокупность возможностей наблюдений относительных положений практически твердых тел» (Ленцен). Понятие длины трактуется Ф. Франком, Ленценом и другими только как возможность измерений, которые в свою очередь основаны на возможностях совпадений. В духе операционализма Бриджмена считается излишним признание объективной реальности измеряемых свойств и отношений между ними, выраженных в уравнениях физики. Такое идеалистическое понимание теории относительности огульно приписывается ее творцу — Эйнштейну, несмотря на резкую критику им позитивизма и операционализма, особенно в последний период жизни.

10. Понятие возможности используется также для интерпретации квантовой механики на основе идеалистического признания неразрывной связи субъекта и объекта: до наблюдения существует только возможность положения

элементарной частицы. Различие между классической квантовой физикой рассматривается как различие в типе реализации возможностей: детерминистического в классической физике и индетерминистического в квантовой физике.

11. Стремясь избавиться от объективной реальности в физике, в качестве «бритвы Оккама» позитивизм применяет также категорию возможности. Невозможно бесконечное число элементарных частиц в природе; понятие энергии не содержит в себе ничего другого, кроме возможности (это относится также и к кинетической энергии); в законе сохранения и превращения энергии подчеркивается невозможность осуществления вечного двигателя. Количество таких примеров может быть значительно умножено.

12. Бурное развитие естествознания в наше время требует творческого развития марксистского учения о возможности и действительности на основе нового материала естествознания. Разработка диалектико-материалистического учения о возможности должна проводиться, с одной стороны, в связи с критическим анализом наследия в этой области философских систем прошлого (пока это не осуществлено в достаточной мере), а с другой стороны, в связи с критикой современных зарубежных концепций различных философских направлений. В этом отношении наибольший интерес представляет критика концепций неопозитивизма, а также неотомизма и неореализма.

В. Г. В И Н О Г Р А Д О В

(Издательство иностранной литературы, Москва)

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЗИТИВИЗМ О ПРИЧИННОСТИ

1. Субъективно-идеалистический характер позитивизма находит свое выражение и в толковании проблемы причинности.

Для всех форм позитивизма абсолютно неприемлемо такое понимание причинности, в котором прежде всего подчеркивается объективный характер причинности. Позитивисты считают подобное понимание причинности достоянием обычного сознания, наивного реализма.

Феноменалистское, узко-эмпирическое, фактически перерастающее в субъективистское понимание опыта, характерное для позитивизма, несовместимо с представлением о существовании вне человека материальных объектов, каждый из которых в своем развитии с необходимостью порождает другие объекты. Отрицание материальности явлений и объективного характера причинности неразрывно взаимосвязаны. Субстанциональный характер причинности вытекает из признания материальности явлений, которые и являются носителями причинности. Процесс порождения одного явления другим всегда связан с «переносом» материи и движения от одного объекта к другому. Причем во всех случаях независимо от того, происходит ли при этом превращение одной формы движущейся материи в другую или нет, количество материи и движения, которое переносится в процессе осуществления причинной связи между объектами, в соответствии с законами сохранения и превращения материи и движения, остается постоянным. Законы сохранения и превращения материи и движения составляют естественнонаучное обоснование тезиса об объективном характере причинности.

2. Современный позитивизм, в особенности логический позитивизм, пытается в своих выводах опереться на дости-

жения современной логики и математики. Абсолютизация логических операций привносит во взгляды современных позитивистов определенный элемент априоризма. Как для позитивизма в целом, так и для его современных разновидностей, характерен эклектизм, сочетание в себе логически несовместимых понятий и положений. Для оправдания своей претензии на единственно научную философию, которая явно превосходит его собственные возможности, он вынужден заимствовать ряд положений из философских систем, которые представители позитивизма сами критикуют как «метафизические».

Для позитивистов, воззрения которых близки к взглядам Витгенштейна в его «Логико-философском трактате», характерно отрицание причинности вообще. «События будущего не могут выводиться из событий настоящего. Вера в причинную связь есть предрассудок» (Л. Витгенштейн, Логико-философский трактат, 1958, Издательство иностранной литературы, стр. 64).

Сведение материальных явлений к атомарным фактам, а в конечном счете — к предложениям о фактах, эта своеобразная попытка логизации и математизации мира делало для Витгенштейна понятие реальной физической причинности по существу ненужным; для его целей вполне достаточно было понятия логической необходимости. Последнее же было вполне приемлемо для него в конвенционалистской его трактовке.

Под влиянием развития науки и общественной практики взгляды некоторых современных позитивистов претерпели определенную эволюцию. Поэтому можно говорить о теории причинности у Б. Рассела, о теории причинности у Ф. Франка, Г. Рейхенбаха и др.

3. Современные позитивисты привносят в рассмотрение проблемы причинности представления, которые отнюдь не являются выводом из данных современной науки, а являются результатом истолкования этих проблем с их собственной философской точки зрения. Иными словами именно позитивисты занимаются «метафизическим» истолкованием проблем науки, в котором они так рьяно обвиняют других.

Взгляды современного позитивизма на причинность глубоко коренятся в предшествовавшей позитивистской традиции. Это утверждение очень хорошо можно проиллюстрировать на примере истолкования причинности Б. Расселом.

Взгляды Б. Рассела на причинность претерпели некоторую эволюцию от отрицания причинности вообще, что находит свое выражение в такой его работе, как «Мистицизм и логика», изданной в 1918 г., до провозглашения общего понятия причинности в качестве необходимой предпосылки науч-

ного исследования (не будем касаться здесь самого раннего периода философского творчества Рассела, относящегося к концу XIX в.).

Б. Рассел в своих последних работах не отрицает полностью научного значения понятия причинности и считает его важным для истолкования понятий «значение» как таковое и «истина» в случае, когда мы рассматриваем основанные на фактах предпосылки эмпирического знания» (см. Б. Рассел, Человеческое познание, М., 1957, стр. 162), но полагает, однако, что понятие причинности основано на «вере» и проблематично.

Это понятие более или менее оправдывает себя, по Расселу, в сфере действия обыденного здравого смысла. Однако в науке дело обстоит, по его мнению, сложнее: понятие «причинности вообще», хотя оно и необходимо как посылка для объяснения возникновения «приблизительных обобщений и донаучных «индукций» (там же, стр. 486), по существу не приносит пользы в научных теориях и должно быть заменено понятием отдельных «причинных законов», т. е. плюрализировано.

«Причинный закон, — пишет Рассел, — есть любой закон, который будучи истинным, при некотором числе событий дает возможность сделать какой-то вывод о каком-то другом событии или других событиях» (там же, стр. 362). С существованием «причинных законов» Рассел связывает существование так называемых внеопытных постулатов научного вывода. Научный вывод, о котором говорит Рассел, носит всегда лишь вероятный характер, поскольку речь идет об эмпирическом знании. «Причинные законы» — это, по Расселу, собственно не что иное, как различные законы тех или иных областей знания, которым (почему именно — остается непонятым) оказалось присущим свойство «годиться для предвидения некоторых будущих ощущений субъекта». Заметим, что отрицание «причинности вообще» (т. е. философского принципа детерминизма как такового) в отличие от эмпирически наблюдаемых связей между явлениями присуще также Ф. Франку и другим неопозитивистам.

Поскольку все выводы, которые можно сделать из факта существования причинных законов, носят, по Расселу, вероятностный характер, то, согласно его взглядам, вполне возможно обнаружение индивидуальных событий, не подчиняющихся закону причинности. К явлениям, не подчиняющимся закону причинности, Б. Рассел относит индивидуальные события микромира.

4. Современные позитивисты утверждают, что принцип детерминизма как таковой в истолковании его материализ-

мом крайне неопределенен, и в силу этого он мало что дает для современной науки. Доводы в пользу такого утверждения приводятся позитивистами крайне слабые; они сводятся к идеям, которые были у Конта и Маха и которые раскрытикованы в свое время В. И. Лениным. Наука, пишет, например, Ф. Франк, «не отвечает на вопрос «почему», она только отвечает на вопросы, касающиеся того, что происходит, а не почему происходит» (Ф. Франк, *Философия науки*, Издательство иностранной литературы, 1960, стр. 84). Аналогичные мысли мы встретим и в книге Ф. Франка «*Законы причинности и его границы*» (1932 г.).

Наиболее характерные аргументы, которые современный позитивизм выдвигает в пользу вывода о неопределенности значения принципа причинности, можно найти в книге Ф. Франка «*Философия науки*».

а) Во-первых, Ф. Франк видит источник неопределенности философского понятия «принцип причинности» в существовании «многочинности».

Возникновение какого-либо явления, рассуждает Ф. Франк, можно рассматривать как результат действия множества причин, каждая из которых представляет «частную причину». Но если число «частных причин», — пишет он, — становится все больше и больше, то они в конце концов включают в себя все явления вселенной, и тогда утверждать можно только то, что причиной является нечто во вселенной. Утверждение становится тавтологией и не содержит никакой информации» (Указ. соч., стр. 96).

Подобный аргумент против понятия причинности, как не трудно видеть, связан с расселовским отрицанием «причинности вообще» и довольно стар; он основывается на элементарном смешении причины явления с условиями, при которых эта причина действует. В общей цепи причинности возникшее явление и явление, породившее его, находятся в отношении непосредственной смежности и создают с первого взгляда, картину весьма пеструю, ибо переплетены по видимости в совершенно нерасчленимую сеть хаотичных взаимозависимостей.

Каждая цепь причинности бесконечна, но она представляет собой единство непрерывности и прерывности. Любое звено этой цепи качественно отлично от другого и в принципе может быть выделено для изучения; существенные причины могут быть выделены из сети привходящих условий. Поэтому при объяснении причины явления нам нет необходимости исходить из знания о всех причинных связях во всем мире в целом.

б) Второе затруднение, возникающее при формулирова-

нии принципа причинности, Ф. Франк связывает с тем фактом, что величины, «получающиеся в результате физических экспериментов и наблюдений всегда являются средними величинами очень многих действительных наблюдений...» (Ф. Франк, «Философия науки», стр. 449).

Как все позитивисты, Ф. Франк, связывает здесь понятие принципа причинности с возможностью абсолютно точного предсказания состояния какой-либо системы в будущем на основе знания ее состояния в настоящем. Если такого абсолютно точного предсказания нет, то понятие причинности этим якобы в принципе уже дискредитировано.

Рассуждая подобным, крайне метафизическим образом, Ф. Франк из существования неустойчивых движений в определенных механических системах делает вывод, «что имеются глубокие и широкие «брешы» в применении причинных законов к механическим системам. Даже если мы допустим непреложную справедливость ньютоновской механики для всех физических явлений, то и тогда мы все-таки не сможем заключить, что будущее состояние может быть однозначно определено, исходя из произвольного начального состояния, которое мы наблюдаем» (Ф. Франк, «Философия науки», стр. 27).

В физике поля принцип причинности имеет «меньшее фактическое содержание», чем в ньютоновской физике. Предсказание того, как будут вести себя наблюдаемые явления в будущем, исходя из их поведения в настоящем, в теории поля оказывается еще труднее, чем в классической физике, поэтому по Ф. Франку, в физике поля причинность имеет еще «меньшее фактическое содержание», чем в ньютоновской механике. Эти рассуждения Ф. Франка основаны, как мы покажем, на ложном отрицании действий причинности в статистических закономерностях, на непонимании диалектики связи случайного и необходимого.

в) Следующее затруднение, которое следует из предыдущего, заключается, по Франку, в неопределенности понятия возвращения состояния.

Как мы можем установить, спрашивает Франк, что после возвращения состояния «А» возвратилось состояние «Б», если число динамических переменных бесконечно? Для того чтобы утверждать, что состояние «Б» возвратилось, нужно установить, действительно ли возвратилось состояние «А». Но мы не можем это установить с достаточной точностью. Если число динамических переменных бесконечно, отмечает он, то где шансы на то, что все динамические переменные приняли первоначальные значения? Только признавая существование неполных циклов во вселенной и отвлекаясь от многих ди-

намических переменных при определении состояния как несущественных, мы можем, говорит Франк, утверждать, что следствия повторяются.

Таким образом, «действие причинности» можно, по Франку, признавать, но лишь как приблизительное, условное и даже неопределенное понятие.

5) Неопозитивисты усиленно ищут подтверждения своей в сущности индетерминистской позиции в данных современной науки и в их интерпретации, созданной «физическими идеалистами». Так, Ф. Франк сослался на утверждение Н. Бора, что «точка зрения дополнительности может рассматриваться как рациональное обобщение самой идеи причинности» (Ф. Франк, «Философия науки», стр. 509). Г. Рейхенбах в книге «Направление времени» (1956) усиленно искал дополнительные аргументы в обосновании индетерминизма в квантовой механике. Рассуждения Ф. Франка, действительно вскрывают некоторые трудности в оперировании понятием причинности в науке. Но эти трудности отнюдь не противоречат положению об объективном существовании причинности.

6) Аргументация Франка в пользу вывода о неопределенности закона причинности в значительной мере основывается на смешении вопроса об объективном существовании причинности с вопросом о возможности ее познания и далее с вопросом о возможности точного математического формулирования открываемых причинных законов науки.

На необоснованность такого смешения указывал еще В. И. Ленин, критикуя взгляды махистов на причинность.

Несомненно, далее, что в определенных условиях формулирование причинного закона в математической форме придает этому закону большую конкретность и действенность чем чисто качественная его формулировка. Достигнуть же точной математической формулировки мешает ряд различных моментов. С другой стороны, хотя процесс проникновения математических методов, особенно в связи с созданием машинной математики, в самые разнообразные науки имеет колоссальное значение для прогресса науки, однако, как бы ни возростала роль строго количественных методов исследований, они всегда будут опираться на качественные представления, на качественную формулировку законов, и последняя имеет свое — в этом смысле — самостоятельное значение. Поэтому концепция причинности у Франка подлежит критике и за свойственную ей неопозитивистскую черту, — желание изгнать «качественное» знание из науки вообще, подменив его изучением логико-математических структур.

Ст. препод. Э. А. МАРИНИЧЕВ

(Ленинградский Институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта)

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ О ПОНЯТИИ КОЛИЧЕСТВА И НЕОПОЗИТИВИЗМ

1. Содержание понятия количества складывалось в истории философии на основе определенного отражения особенностей математики того или иного периода. При этом идеалистическое понимание природы математики, возникавшее из метафизического смешения специально-математического и философского аспектов ее проблем, приводило во взглядах на содержание понятия количества к философскому идеализму.

Современный «математический» идеализм возник на основе метафизического подхода к некоторым особенностям математики. Если в XVII—XVIII веках понятия «количество» и «величина» отождествлялись с одним свойством количественных отношений — быть «больше или меньше», то теперь открытие такого качественно нового момента количественных отношений как «порядок», «структура» привело к метафизическому отрицанию понятий «количество» и «величина», а вместе с этим и к отрицанию объективной природы математики. При рассмотрении познания со стороны его развития, подобное появление «математического» идеализма выглядит как признание лишь момента относительности в развивающемся познании, т. е. как релятивизм.

2. Внутренние расхождения представителей «математического» идеализма по вопросу о том, в чем заключается достоверность математики, объясняют возникновение, с одной стороны, «интуиционизма», а с другой — «формализма» и «логицизма». Те, которые считали, что достоверность опирается на «наглядность» или «очевидность» положений математики, стали представителями «интуиционизма». Наоборот, отрицавшие «наглядность» математических построений обра-

зовали течение «формализма» и «логицизма». В зависимости от решения вопроса о «наглядности» математических построений соответственно истолковывались и ряд других как общетеоретических, так и специальных проблем математики. В докладе данная проблематика будет разобрана подробно на отдельных примерах.

«Логичизм» как направление «математического» идеализма, отражая выявленную развитием науки некоторую общность математики и логики, сводит математику к логике. Идея этого сведения, в свое время развитая Б. Расселом, в целом ошибочна.

Вопрос о достоверности суждений математики — это вопрос о содержании познания в процессе математического творчества.

3. Мотивы «математического» идеализма в целом и «логицизма» в особенности явились, как будет показано, исходными посылками в построении некоторых элементов доктрины неопозитивизма. «Эта философия («логического» позитивизма. — Э. М.), — пишет Рассел, — обязана своим происхождением достижениям (читай: позитивистским интерпретациям) математики...» (Б. Рассел, История Западной философии. М., 1959, стр. 836). Однако даже буржуазные ученые, не стоящие на диалектико-материалистических позициях, имея в виду Рассела, указывают: «Позитивизм основывает свои положения на своем собственном (т. е. идеалистическом. — Э. М.) толковании природы математики». (Kattsoff L. O. A philosophy of mathematics, 1949, p. 245).

Релятивизм, возникший из метафизического понимания особенностей развития современной математики, переносится неопозитивистами в область философии. Поиски же критерия достоверности развивающегося человеческого познания, опирающиеся на идеалистические исходные положения, заставляют неопозитивистов видеть этот критерий либо в конвенциях, непротиворечивости, либо в «вере».

Отрицание абсолютной истины (логические истины чисто формальны, по мнению неопозитивистов, и не содержательны, хотя в рамках принятой системы они и «абсолютны») приводит неопозитивистов к отрицанию объективного содержания познания, а последнее ведет в некоторых случаях к воскрешению взглядов Платона на математику (Пап, Брумбах и др.).

4. В противоположность «математическому» идеализму и опирающемуся на него неопозитивизму, метафизически отрицающим объективное содержание и значимость категории количества, диалектический материализм вскрывает действительное содержание категории количества.

Количество есть атрибут материи, специфика которого определяется тем положением, которое он занимает среди других ее атрибутов. Количеству как атрибуту материи присуще противоречие абсолютного и относительного, прерывного и непрерывного и т. п. Каждая отдельная конкретная величина выступает не сама по себе, а лишь в отношении к другим величинам.

5. Категория количества есть философская категория, которая отражает атрибут «количество» через «число», т. е. через абстрактные объекты математики. Понятия «величины» и «числа» в философском смысле выражают внутреннюю противоречивость категории количества. Эти понятия нельзя отождествлять ни друг с другом, ни тем более с понятием количества. Понятия величины и числа, взятые в специально математическом аспекте, могут однако совпадать. Поэтому числа в математике часто рассматриваются как объекты счета, т. е. величины. Смешением различных аспектов указанных понятий объясняется не только возникновение «математического» идеализма, но и тот факт, что по признанию некоторых советских и зарубежных математиков, нередко «... термин количество употребляется без объяснения и понимания его значения» (Bell E. T. *The development of mathematics*, N. Y. — London, 1945, p. 291).

Важным моментом, раскрывающим содержание категории количества, является «количественное отношение». Все качественно различные виды количественных отношений, фигурирующих в математике, с философской стороны можно рассматривать как отражение определенного уровня «глубины» количественных отношений действительности. При этом условия «порядок» или «структура», раскрываемые современной математикой, выступают как качественно новый вид количественных отношений.

Другим важным моментом содержания категорий количества является «количественное изменение». Оно характеризуется определенными границами, интенсивностью изменения и т. п. Именно в этих последних моментах и проявляется та связь количества с качеством, которую столь нелегко уловить.

6. С точки зрения диалектико-материалистического понимания объективного содержания категории количества получает свое правильное освещение вопрос о некоторой общности математических и логических аксиом.

Общность между «структурой» явлений, вскрываемой математикой, и структурой аксиом логики, отражающей эти явления, соответствует одному из важнейших положений диалектического материализма — о том, что порядок и связь

идей в конечном счете отражает собой порядок и связь вещей. Однако в противоположность неопозитивизму диалектический материализм рассматривает эту общность математики и логики как продукт определенного совпадения их содержания, а на этой основе и частичного совпадения их формы. Математика есть наука об объективно существующей количественной стороне явлений, а логика — наука о формах познающего мышления. Этот тезис будет подробно аргументирован в докладе.

Возрастающее значение формальной (в этой связи и математической) логики еще более подчеркивает главенствующую роль диалектической логики в познании. Последняя в отличие от формальной (и математической) логики рассматривает все связи в развивающемся познании, а не только один их фрагмент, и поэтому выступает как самое надежное оружие научного познания и практической деятельности людей. Вопрос о соотношении математической логики, логики формальной и математики требует специального рассмотрения, без которого не может быть достаточно полно проанализирована и проблема соотношения формальной и диалектической логик.

Доктор философских наук И. С. КО Н
(Ленинградский государственный университет)

НЕОПОЗИТИВИЗМ В СОЦИОЛОГИИ

1. По вопросу о связи позитивизма с социологией в буржуазной литературе существуют две ошибочные тенденции. С одной стороны, эта связь недооценивается, и позитивизм иногда рассматривается прежде всего и даже исключительно как философия точного естествознания. Однако это противоречит общеизвестным фактам, показывающим, что социологические интересы всегда занимали важное место в деятельности философов-позитивистов. Социология в системе классификации наук, созданной О. Контом, является не случайно ее завершающим звеном. Биолого-эволюционный позитивизм второй половины XIX века также уделял большое внимание проблемам общественного развития, породив так называемый вульгарный социологизм. Наконец, современный логический позитивизм тесно связан с буржуазной эмпирической социологией. С другой стороны, некоторые авторы преувеличивают эту связь, утверждая, что социологическое мышление по самой сути своей является позитивистским и что эмпирическая социология и неопозитивизм неотделимы друг от друга.

В действительности неопозитивизм в общественных науках, как и в естествознании, является лишь одной из разновидностей субъективно-идеалистической философии. Он оказывает значительное влияние на методологию современной буржуазной социологии, но его связь с предметной материей исследования не должна преувеличиваться.

2. Влияние неопозитивизма на буржуазную социологию идет по трем основным линиям.

Во-первых, по линии гносеологической критики теоретических предпосылок общественных наук. Эта тенденция отчетливо выступает уже в работах членов «Венского кружка»,

особенно О. Нейрата. Критикуя метафизические предпосылки старой буржуазной социологии, Нейрат ратовал за создание новой «эмпирической» социологии на базе «физикализма». Однако крайний механицизм этой концепции (социология, по Нейрату, должна изучать даже «поведение животных групп»), а также нигилистическое отношение к общим понятиям, не могли дать каких-либо положительных результатов. Критика методологии общественных наук, проводимая логическим позитивизмом и семантической философией, имеет не конструктивный, а разрушительный характер. Вскрывая (иногда довольно остроумно) логическую несостоятельность буржуазных социологических концепций, эта критика одновременно насаждает нигилизм в отношении любых обобщающих теорий и чем дальше, тем больше нацеливается против исторического материализма.

Вторая линия, вырастающая из первой и представленная работами К. Поппера, К. Гемпеля, Ф. Кауфмана и др., — это разработка вопросов логики и методологии общественных наук. Указанные авторы, отказавшись от некоторых наиболее догматических положений «Венского кружка», пытаются с неопозитивистских позиций проанализировать реальные исследовательские методы и объяснительные теории, применяемые историками, социологами, экономистами и т. д. Однако, даже оставляя в стороне вопрос об общей направленности этих работ, они по-прежнему остаются в рамках общей методологии и философии науки. Исследование логики исторического или социологического объяснения не претендует на то, чтобы решать по существу какие бы то ни было исторические или социологические проблемы.

Лишь в конце 1930-х годов главным образом в США возникла неопозитивистская социология в собственном смысле слова. Представители этого течения (Д. Ландберг, С. Додд, П. Лазарфельд, Н. Рашевский, С. Стоуффер и др.), профессиональные социологи не только логически анализируют методы социологии вообще, но и пытаются применить свои принципы на практике, в конкретно-социологических исследованиях. Именно на этом течении, как наиболее показательном, мы и остановимся подробнее.

3. Социологи-неопозитивисты решительно отвергают довольно распространенное на Западе противопоставление общественных наук естествознанию. Они утверждают, что существует только один, общий для всех наук, эмпирический метод, что социология может и должна быть такой же точной и объективной наукой, как физика, и резко критикуют интроспекционизм соперничающих социологических школ. Это создает вокруг позитивистской социологии иллюзорный оре-

ол строгой научности. Однако в действительности неопозитивизм в социологии еще менее способствует прогрессу науки, чем в естествознании.

Прежде всего в своем стремлении подражать методам точного естествознания социологи-неопозитивисты допускают грубый механицизм, игнорируя качественные различия между природой и обществом. Их рассуждения о «теории поля в общественных науках» (К. Левин) о «динамике поведения», главными понятиями которой являются «трансформация энергии», «движение», «флуктуации», «равновесие», «стимул-реакция» и т. п., ничем принципиально не отличаются от надуманных «энергетических» теорий махистов, разгромленных в свое время В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме».

Социологи-неопозитивисты запутывают вопрос об отношении общественного сознания к общественному бытию. По мнению Дж. Ландберга, само разграничение теоретиками объективного и субъективного бытия и сознания есть лишь результат их «мистического отношения к человеческой речи». Хотя это отождествление общественного бытия и общественного сознания проводится под флагом борьбы против идеализма, отрицающего возможность научного, объективного исследования человеческого духа, фактически оно ведет к идеалистическому психологизму. Понимая социологию как «социальный бихевиоризм», социологи-неопозитивисты делают предметом своего исследования не объективные процессы и закономерности общества как целого, находящегося на определенной ступени развития, а психологические реакции индивидуумов на окружающие их условия. Уже это одно предопределяет скудость и иллюзорность получаемых ими результатов.

Психологизм в понимании исторического процесса дополняется у социологов-неопозитивистов грубым гносеологическим субъективизмом. Отождествив науку с феноменалистски истолкованным эмпирическим методом, они сводят содержание социологической теории к формальной методологии, а социологические понятия рассматривают лишь как условные конструкции, лишенные объективного содержания и оправдывающие себя «исключительно своей полезностью» (Ландберг). По мнению Г. Зеттенберга, современная социология не должна стремиться к созданию широких «содержательных теорий», а должна ограничиваться аксиоматическими «микротеориями» технического порядка. По словам Лазарсфельда, главная задача социологии вообще состоит в том, чтобы вырабатывать методологию для специальных общественных наук.

В соответствии с этой установкой центральное место в работе социологов этой школы занимает проблема верификации социологических понятий, которая полностью заслоняет исследование самого содержания общественного развития. Им фактически безразлично, что изучается. Главное — каким путем верифицировать полученные результаты.

Исходя из задачи обеспечить легкость эмпирической верификации гипотез, социологи-неопозитивисты классифицируют общественные явления не по их социальному содержанию, а по их статистическому выражению. Сами социологические понятия, по их мнению, могут быть определены только операционно, то есть путем указания операций, результатом которых является определяемое явление. Однако это подражание операционным определениям, принятым в естественных науках, то и дело приводит к тавтологиям. Например, С. Додд определяет конкуренцию как процесс, измеряемый вычислением нормального отклонения процента выигрышей и потерь от дезидераты U , за которую люди P соревнуются в период D . Но, как замечает американский социолог Н. Тимашев, это сложное определение по сути дела сводится к констатации, что конкуренция — это то, что обнаруживается в конкуренции.

Сама «однозначность» операционных определений, которой столь гордятся социологи-неопозитивисты, является чисто иллюзорной, поскольку эти определения покоятся на произвольно установленных постулатах. Например, Э. Бэрджесс и Л. Коттрелл, исследуя проблему семейного благополучия, задавали супружеским парам много разных вопросов, а затем, в соответствии с разработанным ими критерием, расклассифицировали эти ответы по пятибальной шкале от «крайне несчастлив» до «совершенно счастлив», представив это как пример «операционного изучения» семейного счастья. Однако ясно, что полученный результат, во-первых, зависит от установленных исследователями принципов отбора, а во-вторых, отражает субъективные настроения опрашиваемых. Подражание естествознанию здесь чисто внешнее, ибо ни один физик или химик не станет решать стоящие перед ним проблемы путем опроса разных людей, что они думают о структуре атома, строении вещества и т. п.

Характерной чертой неопозитивистской социологии является повышенное внимание к количественным, математическим методам исследования и обобщения материала. Нередко ее даже называют «математической школой» в социологии. По мнению лидеров этой школы, коль скоро любые научные обобщения покоятся на множестве отдельных частных наблюдений, результаты исследования также должны быть выра-

жены количественно, математически. Они не понимают, что последнее предполагает уже достигнутый высокий уровень качественного анализа явлений. В результате математические символы и формулы часто становятся у «математических социологов» самоцелью и используются не для получения нового знания о явлениях, а лишь ради придания наукообразной формы давно известным (а подчас и ошибочным) положениям. Классическим примером этого может служить книга С. Додда «Измерения общества», о которой известный американский математик Э. Белл заметил, что «простая символизация какой-либо дисциплины не является даже приличной пародией на математику».

4. Социологи-неопозитивисты не только декларируют свои методологические принципы, но и применяют их в своих конкретных исследованиях. В их распоряжении находится несколько специальных исследовательских учреждений и значительные материальные средства. Некоторые из них (в частности, Лазарсфельд) выполняют специальные правительственные заказы. Каковы же результаты этих работ и подтверждают ли они претензии неопозитивистской методологии?

Нужно сказать, что некоторые работы, выполненные социологами этой школы, представляют определенный научный интерес, во-первых, собранным в них фактическим материалом и, во-вторых, тщательно разработанной исследовательской техникой. Лазарсфельд и его коллеги упорно пытаются осуществить математическое моделирование изучаемых социальных процессов, хотя по его собственному признанию «даже самый горячий оптимист не станет утверждать, что математика привела уже к важным открытиям в науках о поведении», а также широко применяют статистические методы. Эти попытки заслуживают серьезного изучения, независимо от качества достигнутых результатов.

Однако эти положительные моменты не связаны органически с неопозитивистской философией. Эмпирические исследования проводят сейчас социологи самой различной ориентации, что же касается применения математических методов, то это общая тенденция развития науки, и вопрос состоит лишь в том, где и каким образом их можно применять. Вообще как исследовательская техника, так и большая часть теоретических понятий, используемых социологами-неопозитивистами, не являются оригинальными, специфичными только для них. В освещении конкретных вопросов их работы мало чем отличаются от работ социологов других направлений.

Однако неопозитивистская методология как таковая влияет на практику социологического исследования, и влияет

отрицательно. Прежде всего это касается самой постановки вопросов. Неопозитивизм ориентирует ученых на отказ от постановки коренных социальных проблем и решения чисто технических задач. Социолог, по словам Лазарсфельда, не должен пытаться разрешить такие волнующие общество вопросы, как опасность новой войны, конфликт между двумя системами, технический прогресс и т. п. Эти вопросы, дескать, слишком обширны для эмпирического исследования и затрагивают слишком много спорных социальных ценностей. Нужно брать узкие специальные темы, допускающие всестороннюю проверку материала и его систематизацию. Но такая позиция суживает горизонты и возможности социологии. Даже в обобщающих работах социологов-неопозитивистов мы находим множество фактов и часто совершенно несущественных деталей и очень мало свежих идей и важных проблем. Даже четырехтомное исследование «Американский солдат», выполненное под руководством С. Стоуффера, Л. Гуттмана и др., не дает сколько-либо обобщенного представления об американской армии в годы второй мировой войны. Рассмотрение социально-психологических явлений в обособлении от коренных закономерностей, свойственных данному общественному строю, не может привести к действительно ценным и значительным научным результатам. Частичным признанием этого было выступление самого Лазарсфельда на IV Международном социологическом конгрессе.

Свой отказ от постановки коренных социальных проблем и сведение социологии к исследованиям частного, технического порядка, неопозитивисты изображают как проявление «высшей» научной «объективности». Однако на деле за этим стоит нечто иное, а именно совершенно определенная классовая программа. Неопозитивистская эмпирическая социология даже не ставит вопроса об изменении существующего общественного строя. Она исходит из факта его существования, как чего-то совершенно незыблемого. Погружаясь в частности и детали, она отвлекает внимание как читателя, так и самого исследователя от наиболее острых, наиболее болезненных вопросов общественной жизни. Помимо этой идеологической функции, неопозитивистская социология выполняет некоторые практические задачи, которые ставят перед ней господствующие классы. Социологические исследовательские центры, существующие на средства корпораций или ведомств, даже не определяют сами свою тематику. Они работают не на «публику», а на «заказчика», собирая техническую информацию по интересующим его вопросам. Эта, по выражению Р. Миллса, «бюрократизация науки» создает в буржуазной социологии положение, аналогичное положению в вульгарной полити-

ческой экономии, которая, как писал Маркс, «толчется лишь в области кажущихся зависимостей», «с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа»¹.

Поэтому даже независимо от индивидуальных воззрений того или иного ученого, неопозитивизм в современной буржуазной социологии играет определенно реакционную политическую роль.

5. Неопозитивизм как социологическое течение играет крупнейшую роль в американской социологии. В Европе, где сильно влияние других философских школ, его значение гораздо меньше. Однако в связи с общим кризисом, который переживает буржуазная эмпирическая социология, в последнее время все чаще подвергается критике и ее неопозитивистская методология. Критика эта в буржуазной науке идет по двум основным линиям. Во-первых, доказывается практическая бесплодность «отвлеченного эмпиризма». «Не становится ли социология крохоборческим занятием, делающим легкие вещи, потому что здесь возможна точность, и обходящим трудные, так как они неопределенны? — писал недавно американский социолог Р. Бирстед. — Нам часто приходится слышать от многочисленных враждебных критиков, что социология — мелочная и ничтожная наука, которой занимаются люди, находящие удовольствие в том, чтобы пересчитывать уборные в Питтсбурге и открывать, с помощью изощреннейшей техники, что люди с высокими доходами тратят больше денег, чем люди с низкими доходами». Во-вторых, обсуждаются философские предпосылки эмпиризма в социологии, без которых обойтись не удастся (вопросы применения математических методов, соотношения обобщающей теории и исследовательской техники, проблема операционализма и т. д.).

Среди противников социологического неопозитивизма отчетливо вырисовываются два крыла. С одной стороны, имеется критика неопозитивизма справа. П. Сорокин, католические социологи Н. Тимашев и П. Фэрфи, иррационалист Ф. Хайке и др., во многом справедливо критикуя вульгарный механицизм и другие пороки неопозитивистской социологии, делают отсюда вывод о необходимости восстановить в правах откровенно идеалистический взгляд на общество, выступают с позиций иррационализма и интуитивизма. Несостоятельность неопозитивистских претензий на строгую научность они рассматривают как доказательство невозможности научного объяснения общественной жизни вообще. Напротив,

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 87. Госполитиздат. 1951.

прогрессивные ученые правильно связывают неудачи социологов-неопозитивистов с тем, что последние неверно понимают самую природу научного познания, что их концепции являются крайне узкими и антиисторическими. Хорошим примером критики неопозитивистской социологии с прогрессивных, хотя и не марксистских, позиций является книга известного американского социолога Р. Миллса «Социологическое воображение», в которой не только показывается ошибочность исходных позиций и убожество исследовательских результатов неопозитивистской школы в социологии, но и вскрывается присущая ей реакционная политическая тенденция.

6. Неопозитивистские установки в области социологии подхвачены современными ревизионистами и активно используются ими в борьбе против марксизма. Поэтому борьба против этих установок имеет для марксистов не только академический, но и политический смысл. Основные пути и направления этой критики указаны еще В. И. Лениным в труде «Материализм и эмпириокритицизм». Критически перерабатывая и усваивая то немногое ценное, что было достигнуто эмпирическими социологами в их конкретных изысканиях, мы должны решительно отсечь реакционную философскую и политическую направленность неопозитивистской эмпирической социологии в целом. Для этого необходима, в частности, серьезная творческая разработка логики и методологии общественных наук, которые в настоящее время в марксистской литературе еще недостаточно исследованы.

Доктор философских наук Т. И. ОЙЗЕРМАН

(Московский государственный университет)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ ПОЗИТИВИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

1. Термин «социология», как известно, был изобретен О. Контом. Последний считал одной из главных своих задач создание науки об обществе, предметом которой он объявил изучение законов социальной физики. Главным законом всемирной истории и в особенности истории познания основоположник позитивизма считал закон трех стадий. Однако, истолковывая понятие закона с позиций феноменализма и агностицизма, отвергая понятие сущности и принцип причинности, Конт фактически подрывал понятие закона и был весьма далек от научного понимания развития общества как закономерного, материально-обусловленного, обладающего своей качественной спецификой процесса.

Г. Спенсер, разрабатывая социологию как социальную биологию, пошел по пути уподобления общества живому телу, биологическому организму. Эта антинаучная аналогия, образующая теоретическую основу социологии Спенсера, Вормса и других социологов XIX в. непосредственно вела к антиисторическому, натуралистическому пониманию социальных закономерностей, с одной стороны, и к откровенной апологии капиталистических отношений — с другой. Само собой разумеется, что такое понимание социальных закономерностей превращало последние в безжизненные, бессодержательные общие формулы, ничего не дающие для понимания исторически-определенных общественных формаций. Подвергая критике позитивистское представление о законах социальной дифференциации, интеграции и т. п., В. И. Ленин писал: «Самое понятие «дифференциации», «разнородности» и т. п. получает совершенно различное значение, смотря по

тому, к какой именно социальной обстановке применить его». (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 392).

Превращение понятия социального закона в общую, бессодержательную фразу достигло своего предела у представителей второй исторической формы позитивизма, у махистов, как это было показано В. И. Лениным в его гениальном «Материализме и эмпириокритицизме». Так, напр., И. Петцольд изобрел закон всеобщей устойчивости, а русский махист Суворов — универсальный закон экономии сил. В этой связи В. И. Ленин указывал: «Замечательно легко пекут «универсальные законы» наши «позитивисты» и «реалисты»! Жаль только, что законы-то эти ничуть не лучше тех, которые так же легко и быстро пек Евгений Дюринг. «Универсальный закон» Суворова — такая же бессодержательная, напыщенная фраза, как и универсальные законы Дюринга» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 317—318).

2. Таким образом, ко времени возникновения третьей исторической формы позитивизма понятие закона, в особенности же понятие социального закона, было окончательно выхолощено, опошлено позитивистскими философами и социологами. Исправили ли эту ошибку неопозитивисты, наполнили ли они понятие закона реальным содержанием, выявили ли они специфику законов развития общества? Отнюдь нет! Они просто отказались от понятия социального закона, объявив его «метафизическим», неverifiedируемым, короче говоря, лишённым научного смысла. Так, один из лидеров современной американской социологии Т. Парсонс утверждает, что «закон есть лишь резюме или краткое выражение отношений и следствий известных групп восприятий и понятий, и существует только тогда, когда формулируется человеком». Совершенно очевидно, что эта субъективистско-агностическая концепция закона означает отказ от признания объективных законов общественной жизни. Само собой разумеется, что вместе с понятием закона отбрасываются и такие категории как необходимость, причинность, сущность и т. п. Р. Арон, выступая на IV всемирном социологическом конгрессе, заявил: «Социологи, которых ныне назвали бы позитивистами, давно оставили синтетические претензии Конта — они решительно аналитичны. Скорее они склонны радикально отрицать все то, что для О. Конта было достижением социологии: основные законы социальной динамики...» (Transactions of the Fourth World Congress of Sociology, vol. 1, p. 2—3).

В этом отказе от основного для всякой науки понятия закона Р. Арон видит достижение современной буржуазной социологии. В действительности, отбрасывание понятия закона и других, связанных с ним общенаучных, философских

категорий, свидетельствует о глубоком кризисе позитивистской социологии, представители которой составляют подавляющее большинство среди современных буржуазных в особенности американских и английских социологов. Характерной особенностью социологии Конта, Спенсера, а также малистов являлась абстрактная метафизическая постановка вопроса об обществе вообще, безотносительно к определенным историческим формам развития общества. Эта метафизическая абстракция имела вполне определенные социальные корни: речь шла о неизменном, всегда остающемся одним и тем же обществе, что, несомненно, служило делу идеологии капитализма как общества вообще. Маркс, указывает В. И. Ленин, отбросил эти бесплодные, бессодержательные рассуждения об обществе вообще, поставив на их место изучение исторически-определенных общественно-экономических формаций. «Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, — писал В. И. Ленин, — что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал научный анализ одного общества и одного прогресса — капиталистическому» (В. И. Ленин, Соч., т. I. стр. 127—128).

Таким образом, ко времени возникновения неопозитивизма понятие общества было окончательно выхолощено предшествующими социологами-позитивистами. Однако неопозитивисты не только не исправили ошибок своих предшественников: они усугубили их и, поставив точку над и, отказались от понятия... общество. Известный польский социолог Ф. Знанецкий, являющийся одним из зачинателей современного социологического позитивизма, заявил, что идею общества заменяет идея социальной группы. Западно-германский социолог Р. Кёниг в статье «Группа», опубликованной в изданном Фишером словаре «Социология», утверждает, что понятие общества является ненаучным, ввиду чего от него де следует отказаться в пользу понятия «группа». Это понятие, как утверждает Кёниг, позволяет покончить с широкими, якобы не поддающимися исследованию, структурами всего общества, чтобы сделать предметом изучения «частичные структуры» и их отношение друг к другу. «Социология групп» отказывается, следовательно, от изучения различных исторических форм общества. Вместе с понятием общества отбрасывается и понятие общественного прогресса, а также понятие развития общества; последнее заменяется неопределенным понятием «изменение», которое относится лишь к «частичным структурам», а не к обществу в целом и к тому же не указывает направления изменения. Никакого научного определения понятия группы буржуазные социологи

не дают. Это понятие оказывается на деле эмпирическим представлением, смазывающим различие между существенным и несущественным, важным и неважным в общественной жизни. При таком подходе к социальным явлениям пролетариат, мелкая буржуазия, любители никотина, старые девы, мелкие жулики, пенсионеры, чахоточные, футболисты, ловеласы и т. п. образуют в сущности равноправные социальные группы, так как не существует никакого критерия для сравнительной оценки социальных фактов.

Прикрываясь необходимостью изучения «частичных структур», современная позитивистская социология отказывается далее от таких понятий как общественный строй, классовая структура общества, классы. Этот социологический нигилизм составляет одну из теоретических основ эмпирической социологии, которая, афишируя свою приверженность к кропотливому, скрупулезному изучению социальных фактов, фактически игнорирует основные, определяющие социальные факты и проблемы современности, сводя социологические исследования к описанию несущественных, второстепенных фактиков. Это вынуждены признать и сами буржуазные социологи. Так, П. Лазарсфельд заявляет, что в наше время, когда на повестку дня встают жгучие социальные проблемы, «американские социологические журналы полны небольших и незначительных исследований относительно того, каким образом студенты и студентки колледжей назначают друг другу свидания...» (*Sociologia: applicazioni e ricerche. Atti del IV Congresso mondiale di Sociologia*, p. 352). Другой буржуазный социолог Г. П. Гирш признает, что современную социологию вполне правомерно обвиняют «в методологической наивности, простом собирательстве фактов, приверженности к случайным, мелочным и некодифицированным исследованиям, а также в неспособности до сего времени выработать какие-либо подлинно социологические принципы и обобщения» (*G. P. Hirsch. The Use and Interpretation of Quantitative Data in the Study of Rural settlements, USA, 1959*, p. 1). Однако буржуазные социологи не видят причин, которые обусловили кризис социологического позитивизма. Они не понимают реакционности позитивистской методологии и весьма далеки от того, чтобы увидеть реальные социально-экономические корни кризиса, переживаемого современной буржуазной социологией.

Было бы неправильно считать, что современная буржуазная социология, отбрасывая понятия общества, прогресса, закономерности развития, отказывается вместе с тем от применения категорий вообще. Мышление без категорий невозможно и хотя эмпирическая социология всячески пытается обойтись без теоретического мышления, полностью от

казаться от него она, конечно, не может. Поэтому буржуазные социологи на место научных категорий, значение которых доказано всей историей познания, пытаются поставить субъективистские позитивистские понятия. Ярким примером такой неопозитивистской социологической «категории» может быть понятие «социальный статус»: здесь имеется в виду не объективно-фиксируемое социальное положение отдельных членов общества или социальных групп, а совокупность представлений, оценок, относящихся к тому или иному лицу или группе. Столь же субъективистский, лженаучный характер носят и такие «категории» современной буржуазной социологии, как «социальная ситуация», «отношение» и т. п.

3. Таким образом, современная позитивистская социология не только не преодолела пороков предшествующего социологического позитивизма, но еще более усугубила их. Кризис современного социологического позитивизма является отражением общего кризиса капиталистической системы, основные особенности которого с исчерпывающей убедительностью охарактеризованы в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1960 г.). Маркс, говорит В. И. Ленин, впервые поставил социологию на научную почву. Со времени возникновения марксизма лишь исторический материализм, материалистическое понимание истории является, как подчеркивает В. И. Ленин, синонимом общественной науки. Что же касается социологии позитивизма, то она представляет собой наглядное выражение идейного распада современного буржуазного сознания.

Ассистент И. М. ПОПОВА
(Одесский государственный университет)

КРИТИКА ПСИХОЛОГИЗМА КАК ОДНОЙ ИЗ ЧЕРТ ПОЗИТИВИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

1. На IV Международном социологическом конгрессе сами буржуазные социологи указывали на связь таких черт буржуазной социологии (наиболее ярко выраженных в американской социологии) как эмпиризм, стремление к узко статистическим исследованиям и психологизм.

Переход к узкой специализации и эмпиризму в исследованиях — процесс, характерный для буржуазной социологии XX века. Эмпиризм не представляет собой особой школы или самостоятельного направления в социологии. Эмпиризм — это методологический принцип, который занимает ведущее место в современной американской буржуазной социологии и получает широкое распространение в социологии и других капиталистических стран.

Эмпиризм, распространяющийся под старым контовским флагом отказа от метафизики и спекуляции, есть проявление позитивизма в социологии. Основой современного эмпиризма в социологии является гносеология неопозитивизма. Для эмпирической социологии отказ от познания «конечных причин» означает отказ от материалистического понимания общества, от объективных причин и законов общественного развития лежащих в основе поведения и сознания индивидов.

Девизом социологов-позитивистов считается распространение «принципа непосредственной наблюдаемости» (то есть в конечном счете принципа верификации) на область познания общественных явлений. Понятия «непосредственно-наблюдаемое» и «социальные факты» при этом отождествляются. «Научное исследование общественных явлений» должно заключаться, по мнению социологов-позитивистов, в наблюдении

фактов, выяснении соотношения (корреляции) между различными фактами, в изучении подобных фактов в различные периоды и т. д. Порочность этих принципов состоит в том, что, абсолютизируя акт непосредственного наблюдения, отрицая методологию научной абстракции, социологи-позитивисты оказываются не в состоянии раскрыть действительное содержание общественных процессов, их сущность.

Позитивистский принцип непосредственной наблюдаемости приводит к отрицанию понятий, выражающих природу, внутреннее качество общественных явлений, к отрицанию причинности, закономерного и существенного в общественном развитии. «...Научный закон, — пишет Ландберг, лидер социологов-неопозитивистов, — не существует до того, как он установлен, хотя поведение и отношения, которые он описывает, могут существовать в течение миллионов лет». Отрицание понятий, выражающих подлинную сущность общественных явлений, связывается с отрицанием научности «оценочных категорий». Социальная наука, по мнению социологов-позитивистов, не должна объяснять общественные явления, а должна лишь описывать их. От Конта и Спенсера к Маху и Нейрату ведет эта старая, чисто дескриптивная тенденция в социологии, связанная с агностицизмом и субъективным идеализмом в гносеологии.

Социологи-позитивисты считают, что только непосредственно наблюдаемые социальные факты являются верифицируемыми, то есть поддающимися проверке. Представители эмпирической социологии оказываются беспомощными, когда приходится давать объяснение гигантским социально-экономическим изменениям, происшедшим в мире за последние полстолетия. Они заявляют, что «эксперименты, которые проводятся... не могут ничего свидетельствовать об истинности или ложности... гигантских социально-экономических реформ, которые находятся вне контроля и эффекты которых невозможно измерить путем эксперимента» (Ландберг). Эмпиризм буржуазной социологии, таким образом, является разновидностью социологического агностицизма.

Все буржуазные работы, посвященные ныне методологии социального исследования, провозглашают количественные методы исследования общественных явлений единственно объективными и точными методами, способными принять строгую математическую форму и соответствующими непосредственно наблюдаемому и ощущаемому. Один из ведущих буржуазных социологов и социальных психологов Музафер Шериф указывает на преимущественное исследование «количественных форм» с «небольшими (??!) попытками теоретического обобщения» как «на руководящий метод социологии XX века».

Марксистская критика количественных методов исследования в буржуазной эмпирической социологии должна состоять не в отрицании количественных методов исследования общественных явлений вообще, а в ясном понимании того, что «количественное изучение» как девиз современных буржуазных социологов есть лишь выражение общей гносеологической позиции позитивизма, в основе которой лежит отрицание объективных существенных закономерностей общественной жизни.

Методология эмпиризма тесно связана с социально-психологическими представлениями об обществе, с теми концепциями, которые сводят социологию к теории поведения. Больше того, можно сказать, что эмпиризм исходит из социально-психологических, поведенческих концепций общества. Не случайно поэтому тенденция психологизма в современной американской социологии идет рука об руку с не менее ярко выраженной тенденцией эмпиризма.

Психологизация общественных явлений состоит в том, что явления сознания, психическая деятельность, психические свойства и закономерности (подлежащие изучению психологией) рассматриваются как основа, решающая причина, которая непосредственно или «в конечном счете» определяет и объясняет все общественные события.

2. Психологизм в социологии претерпел сложную эволюцию. Некоторую психологизацию общественных явлений можно встретить в самых различных общественных теориях. Форму характерной черты буржуазной социологии психологизм принимает лишь к концу XIX столетия (появление так называемой психологической школы в социологии, сводившей социологию к психологии).

Современный психологизм имеет свои специфические особенности, приобретенные в процессе изменения всей буржуазной социологии и обусловленные новой социальной обстановкой.

а) Современный психологизм в социологии является «социал-психологизмом». Представители его усиленно подчеркивают значение социальной среды, культурного окружения. Инстинктивизм в его «чистом виде» (рассматривающий формы общества в свете неизменной биологической природы индивида) уже не пользуется былой популярностью. Правильное понимание сущности современного психологизма предполагает уяснение места и роли «социальной психологии» в рамках социологии. Социальная психология не является просто отдельной школой в социологии, а играет роль методологической дисциплины, определяя основной принцип подхода к

общественным явлениям и превращая социологию в теорию поведения.

б) Основной идеей современного психологизма является идея коллективной психики. Упор на «массовую психологию» уже достаточно четко выразился в работах Тарда и Лебона. В настоящее же время концепция «социальной группы» и ее роли в обществе — это ведущая концепция «социал-психологизма», она представляет собой «теоретическое обоснование» пропаганды так называемой стандартизации в США.

История эмпиризма в социологии — это в значительной мере история методологии социальной психологии. В США, например, по мере того как социально-психологические концепции делались господствующими концепциями социологии, эмпиризм становился основной социологической методологией. Целый ряд работ (Томас и Знанецкий, «Польский крестьянин в Европе и Америке»; Г. Мерфи, «Экспериментальная социальная психология»; Сборник «Изучение социальной психологии во II мировой войне» под редакцией Стоуффера и др.) считаются не только наиболее типичными работами в области социальной психологии, но и «классическими» эмпирическими исследованиями.

3. Основные посылки социальной психологии, которые обуславливают эмпиризм в подходе к общественным явлениям и роднят социальную психологию с позитивистской трактовкой общества, состоят в следующем:

а) Отсутствие «целостного» понимания общества. Общество подменяется в его анализе суммой взаимодействующих индивидов, социология превращается в «социологию группы». Хотя само понятие социальной группы у буржуазных социологов весьма расплывчато и неопределенно, мнение Флориа на Знанецкого о том, что «идея социальной группы заменяет идею общества» является точкой зрения, господствующей в современной буржуазной социологии.

У социальных психологов понятие социальной группы подменяется понятием социальной ситуации, так как «действительно-реальными группами» называются такие собрания лиц, между которыми существует «непосредственное, ближайшее» взаимодействие. Социальной ситуацией считается «взаимо-поведение» (inter-behavior) человеческого существа с одним или несколькими человеческими существами» (Спротт). При этом реальность «социальной ситуации», по мнению социальных психологов, состоит в том, что «мы можем пойти и посмотреть на нее» (Спротт). Выражаясь языком неопозитивизма, «социальная ситуация» допустима лишь как вполне верифицируемое, поддающееся проверке понятие. Социально-психологическая концепция социальной ситуации тождественна

с позитивистским утверждением о том, что предметом социального исследования должны стать не социальные законы, а социальные факты и их соотношения (корреляции).

б) Отсутствие целостного понимания общества, сведение изучения общества к изучению социальных фактов и социальных ситуаций связано с другой основной посылкой социальной психологии: основными, определяющими в обществе процессами являются процессы поведения людей. Социальных психологов интересуют мотивы поведения, взаимодействие поведений в социальных группах, различные типы поведений и т. д. Социально-психологические концепции общества сосредоточивают внимание на поверхностных аспектах общественных явлений, на непосредственно наблюдаемых процессах обыденной жизни.

Социально-психологические концепции общества, рассматривающие поведение людей как главное, определяющее в общественной жизни, являются основой буржуазных эмпирических исследований, которые, ограничиваясь констатацией поверхностных явлений и процессов, не выясняют, что именно лежит за пределами непосредственно наблюдаемого. «Важно вспомнить, — заявляет Ландберг, — что такие слова, как традиции, обычай, мысль, чувство и т. д. означают и наблюдаемое человеческое поведение и являются поэтому предметом научного изучения посредством методов, общих с методами изучения любого поведения».

4. «Естественнонаучной основой» социал-психологизма является бихевиоризм. Современная буржуазная социология свидетельствует о тесном переплетении социологического неопозитивизма, социал-психологизма и бихевиоризма. «Программа» бихевиористов заключается в следующем: изучать только то, что реально можно наблюдать, то есть все то, что человек делает и что говорит, изучать всю деятельность людей через внешние их проявления. Именно бихевиоризм, рассматривающий психическую деятельность «как форму поведения в мире», сделал «возможным появление социальной психологии» (Наттин). Именно бихевиоризм лежит в основе так называемого «действительно научного изучения общества», то есть наблюдения и описания «верифицируемого поведения» (Ландберг).

5. Эмпирические исследования в современной буржуазной социологии направлены на изучение таких проблем, как проблемы лидерства и социального контроля, рассматриваемые в плане соотношения поведения индивидуума и поведения группы. Тщательно изучаются процессы стандартизации и индивидуальное отклонение от стандартов группы, способы поддержания групповых стандартов, возможности влияния

группы на своих членов и многое другое. Значительное место занимают исследования, связанные с проблемой сбыта товаров. Они проводятся в плане изучения поведения покупателей и его мотивов. Задачей таких исследований является выяснение возможности «предвидения и контроля поведения потребителя» (Лазарсфельд). Исследуется и влияние рекламы на поведение потребителя. Многие исследования посвящены проблемам политического поведения людей (особенно в предвыборной и выборной кампаниях).

6. Причины того или иного поведения людей социологи-позитивисты видят в субъективных отношениях (многочисленные исследования буржуазных социологов посвящены «измерению отношений»), субъективных оценках и мнениях, в субъективистски понимаемом статусе личности. Все эти категории трактуются в духе социально-психологических представлений и понятий. Задача социологического исследования, по мнению многих буржуазных социологов, состоит в том, чтобы «добыть в опыте» то, что скрыто в людях, и сделать таким образом «субъективное объективным» (Богардус). Но выяснение ближайших побудительных мотивов, субъективных отношений, свойственных «психике субъекта» — это тот предел, дальше которого буржуазные социологи в данном вопросе фактически не идут.

Эмпиризм современной буржуазной социологии, дающий внешнее описание человеческого поведения и не идущий дальше ближайших побудительных мотивов последнего, — есть эмпиризм субъективно-идеалистический и органически связан с психологизацией общественных явлений. Современную буржуазию уже не интересуют объективные процессы общественного развития, объективные социологические законы. Здесь она не узнала бы для себя ничего утешительного. Ее интересуют лишь непосредственные практические меры, осуществление которых дало бы возможность в данных условиях контролировать поведение широких народных масс, обеспечило бы эффективное управление предприятиями и получение наивысших прибылей.

Значение эмпирических исследований (исследований «социальных ситуаций») исчерпывается значением их для «специфического социального контекста» данной школы, данного предприятия, треста и т. д. Эти исследования не касаются коренных причин, заложенных в системе общественных отношений и проявляющихся в многообразной серии частных фактов. Социально-психологические концепции общества являются тем «научным аппаратом» эмпиризма, который обрекает последний на исследование и «улучшение» узкой социальной ситуации и «данного социального контекста». Эти ис-

следования проводятся под флагом «что-то нужно делать», но делать «в данных условиях», то есть в условиях капиталистического общества и конкретных его звеньев. Буржуазным дельцам, политикам, экономистам и т. д. нужно хоть «кое-как починить» то, что есть, и эта «починка должна стать делом социологов», которых называют в этой связи tinkers (Спротт). Современная эмпирическая буржуазная социология как концепция есть продукт стараний этих tinkers, заделывающих прорехи капиталистического общества.

Позитивизм и психологизм в социологии глубоко связаны с явлением активизации общественной роли буржуазной социологии в эпоху империализма, с явно выраженным стремлением современной буржуазии внести «улучшения» в слишком «несовершенный организм», которым является в наши дни капитализм. Потребность «перемен и трансформаций», уже осознанная «отцом» американской социологии Лестером Уордом, вызвала к жизни и психологизм и позитивизм в социологии, которые неразрывно связаны друг с другом. Эти два вида социологической методологии суть проявление безуспешных попыток идеологов империализма «подлечить» язвы капиталистического строя.

Канд. философских наук Г. З. КАСАВИНА

(Московский государственный университет)

НЕОПОЗИТИВИСТЫ — ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

1. Новейший позитивизм возник главным образом как идеалистически-агностическая методология науки. При этом главным объектом неопозитивистских исследований были естественнонаучные проблемы. В дальнейшем неопозитивисты занялись и социологией. После работ О. Нейрата, К. Поппера, С. Ландберга можно со всей определенностью утверждать, что гносеологическая схоластика неопозитивизма служит не только обоснованию «физического» и логико-математического идеализма, но и обоснованию идеалистического понимания общественно-исторического процесса. Если неопозитивистский «физический» и логико-математический идеализм прямо и непосредственно направлен против диалектического материализма, то неопозитивистская социология претендует на опровержение материалистического понимания истории и неразрывно связанного с ним научного коммунизма.

2. Чего только не приписывают марксизму его неопозитивистские «критики»! Марксистское признание общественного прогресса объявляется чистейшей телеологией. Научное обоснование конечной цели освободительного движения рабочего класса высмеивается неопозитивистами как религиозная вера в абсолютное завершение всемирной истории. Признание классовой структуры общества, которое, как указывал Маркс, отнюдь не является отличительным признаком марксизма, поскольку существование классов и даже борьбы между ними признавались многими экономистами и историками XVIII—XIX вв., рассматривается современными позитивистами как якобы «узкая», «примитивная» точка зрения. Научное положение об организующей активной силе передовых идей является, с точки зрения позитивистов-социологов, отрицанием

детерминизма. Что же касается учения о неизбежности перехода от капитализма к социализму, которое получило уже всемирно-историческое подтверждение, то это учение третируется позитивистами как якобы проповедь фатализма.

3. Современный социологический позитивизм отрицает социальные закономерности и сводит науку об обществе в конечном счете к эмпирическому описанию отдельных фактов. Эти теоретические установки необходимы идеологам современной буржуазии для отрицания развития общества в направлении к коммунизму, для борьбы против научного социализма и социалистической идеологии. Совершенно ясно, что с этих теоретических и политических позиций социологи-позитивисты совершенно не способны разобраться в сущности исторического материализма: их отношение к нему может быть только фальсификацией. Последнего, что еще в 30—40-х гг. показали писания О. Нейрата, Ф. Франка, А. Раппорта, К. Поппера и других.

4. Английский позитивист-социолог Г. Эктон утверждает, что исторический материализм не является материализмом, так как из признания первичности материи не вытекает будто бы материалистическое понимание истории. Эктон отождествляет материю с веществом и не понимает, что существует специфическая материальная основа общественной жизни, открытая Марксом и Энгельсом. Эктон утверждает, что марксизм не может разграничить материальную и духовную жизнь общества, поскольку в общественном производстве участвуют люди, обладающие сознанием, применяется наука и т. д. Но марксизм, как известно, никогда не преследовал цели взаимной изоляции понятий материальной и духовной жизни общества. С точки зрения исторического материализма, общественное сознание и общественное бытие находятся в единстве, но определяющее в этом единстве — общественное бытие.

Неопозитивизм отбрасывает понятие сущности как якобы противоречащее научному эмпиризму и связанному с ним принципу наблюдаемости. В этой связи Г. Эктон заявляет, будто бы «допуская, что человек обладает определенной сущностью, марксизм ставит пределы возможностям, открывающимся человеку, так что человек не может выйти за пределы того, что обусловлено этой сущностью» (Н. В. Acton, *Illusion of Epoch*, L., 1955, p. 148). По мнению Эктона, выходит, что изготовление орудий труда ограничивает развитие человека, между тем как вся история свидетельствует о том, что именно благодаря производству человечество поднялось от первобытного состояния до современного уровня цивилизации. Если, по Эктону, признание того, что у человека «имеется своя сущность», препятствует превращению человека в нечто другое,

например в животное, то можно согласиться с ним в том смысле, что производство орудий труда привело к переходу от обезьяны к человеку, которое исключает обратный переход — от человека к обезьяне.

Но посмотрим, что пишет Эктон далее. Он рассуждает следующим образом: «Заявлять, что человек обладает сущностью, равносильно утверждению, что он совершенно простая вещь, как нож или даже дуб...» (там же). Таким образом, неопозитивист Эктон прибегает к аргументам средневековых схоластов, для которых сущность была чем-то простым и неизменным. Но с точки зрения марксизма-ленинизма сущность не есть нечто неизменное, простое. Сущность, подчеркивал В. И. Ленин, многосторонняя, многообразна, не исчерпывается каким-либо одним определением. Так, сущность человека не исчерпывается производством орудий труда. Маркс указывал, что сущность человека — это совокупность общественных отношений.

5. Американский позитивист-социолог Л. Мейер подобно Эктону пытается опровергнуть положение Маркса, что человек отличается от животного прежде всего тем, что он производит орудия труда. Не понимая, что речь в данном случае идет об антропогенезе, Мейер изображает дело так, будто бы вообще, безотносительно к историческим условиям, каждый человек отличается от животного как производитель орудий труда. Извратив мысль Маркса, Мейер пишет: «Положение, согласно которому человек определяется как животное, производящее орудия труда, не поддается верификации» (L. Meyer, *Marxism, The Unity of Theory and Practice*. Harvard University Press, 1954, p. 43).

Известно, к какой невероятной путанице привел неопозитивистский принцип верификации (проверки). Никакая проверка положений науки не может быть теоретически обоснована с позиций субъективизма, отвергающего объективную реальность, с позиций эмпиризма, сводящего верификацию к получению непосредственных чувственно данных результатов. В. И. Ленин учил, что практика как критерий истины включает в себя не только эксперименты, инструментальное наблюдение и т. п., но и весь опыт общественно-исторического развития, реальный ход истории человечества. Опыт истории, который полностью игнорируют социологи-позитивисты, безусловно, подтверждает положения исторического материализма, опровергая вместе с тем неопозитивистский принцип верификации, в особенности в применении его к социальным явлениям.

6. Пытаясь всячески дискредитировать марксистско-ленинское учение о борьбе классов как движущей силе истории,

американский социолог-позитивист Д. Мачек утверждает, что Маркс «упрощал сложную структуру современного общества, разделяя его только на два класса — буржуазию и пролетариат...» (Y. Maček, An Essay on the Impact of Marxism, N. Y., 1955, p. 3). Само собой разумеется, что Маркс считал буржуазию и пролетариат лишь основными классами капиталистического общества, указывая наряду с ними на помещиков, крестьян, мелкую городскую буржуазию. Обо всем этом Мачек умалчивает, упрощая марксистское понимание буржуазного общества ради облегчения своей «критики» марксизма. «Классы, — утверждает далее Мачек, — отличаются друг от друга различными критериями, а не только собственностью» (там же, стр. 13). Само собой разумеется, что классы можно различать по ряду признаков. Речь в данном случае должна идти о главном, определяющем признаке. Таковым является отношение к средствам производства. Буржуазия владеет средствами производства, поэтому она эксплуатирует пролетариат. Этот основной определяющий факт всячески пытается затушевать Мачек. Поэтому он и заявляет, что «собственность на средства производства не содержит в самой себе возможности эксплуатировать неимущих...» (там же, стр. 21). Такая возможность, по утверждению Мачека, возникает лишь благодаря политическим привилегиям имущей части населения. А так как в условиях буржуазной демократии политических привилегий формально не существует, то Мачек утверждает, будто бы современный капитализм ликвидировал эксплуатацию имущими неимущих. «Совершенно очевидно, — пишет он, — что прогресс демократии потряс до основания социальное положение богачей, поскольку они, как избиратели составляют лишь меньшинство» (там же).

Такова нехитрая логика позитивиста-апологета современного капитализма. Апология капитализма и составляет «теоретическую» основу неопозитивистской фальсификации исторического материализма.

В Заявлении Совещания коммунистических и рабочих партий (1960 г.) говорится: «Успехам социализма класс эксплуататоров противопоставляет все более активную идейную обработку масс, старается удержать их в духовном плену буржуазной идеологии». Ярким примером такого рода идейной обработки масс идеологами современной буржуазии является неопозитивистская фальсификация материалистического понимания истории и борьба социологов-неопозитивистов против марксистского учения об общественной жизни.

Д. М. ГВИШАНИ

*(Государственный научно-технический комитет Совета Министров СССР,
Москва)*

О РЕАКЦИОННОЙ СУЩНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ АМЕРИКАНСКОГО «МЭНЕДЖЕРИЗМА»

1. Выполняя прямой заказ монополий, ассигнующих специальные средства на социологические исследования, современные буржуазные социологи пытаются, в частности, растворить общесоциологические проблемы в конкретных исследованиях о деятельности капиталистических фирм.

Широкое распространение получила за последние годы в капиталистических странах, и прежде всего в США, так называемая «индустриальная социология», являющаяся одним из наиболее характерных проявлений социологического эмпиризма, подменяющего научное познание общественных явлений эклектическими концепциями позитивистского и явно идеалистического толка.

«Индустриальная социология», являясь попыткой «оздоровления» отношений между трудом и капиталом, рассчитана в первую очередь на то, чтобы убедить эксплуатируемые классы в преимуществах капиталистического строя. Однако в то же время «индустриальная социология» имеет своей целью идейное сплочение класса капиталистов, которому свойственны глубокие внутренние противоречия как между отдельными капиталистическими странами, так и отдельными слоями господствующего класса, порождаемые концентрацией и централизацией капитала и сосредоточением экономической и политической власти в руках горстки монополистов. Очевидно, что эти две стороны дела неразрывно связаны между собой. Однако в условиях США можно определенно отличить печатную пропаганду, рассчитанную на широкие слои трудящихся масс, от сравнительно откровенных рассуждений бизнесменов на

страницах крупных «деловых» журналов и «деловой литературы».

Если в целом для буржуазной пропаганды в США сегодня характерно перепевание идей «капиталистической революции», «нового», «трансформированного», «народного» капитализма, затушевывание классовой борьбы, стремление замаскировать классовые интересы буржуазии «объективизмом» и «беспартийностью», то в литературе, рассчитанной на «деловые» круги (например, таких «деловых» журналах как «Гарвард бизнес ревью», «Эдвансд мэнеджмент» и др.), идеологи американского бизнеса рассматривают те же проблемы с открыто партийных, откровенно классовых позиций.

Как, какими средствами сохранить господство в руках капиталистов, удержаться у власти горстке эксплуататоров, в то время как объективные процессы развития общественного производства вызывают необходимость коренных преобразований? — таков вопрос, который является предметом постоянных дискуссий между представителями «большого бизнеса».

Сегодня подавляющее большинство идеологов американского бизнеса, противореча друг другу и расходясь в выборе конкретных средств борьбы с трудящимися, безусловно сходится в главном: «деловой» мир должен сплотить свои ряды для защиты интересов капитализма.

Воспевание роли бизнеса, переписывание заново истории американских монополий, гипертрофирование значения функций управления производством, призывы к активному участию бизнесменов в политической жизни, шумиха о «социальной ответственности» и «социальных обязанностях» бизнеса — все это подчинено тому, чтобы, с одной стороны, отвлечь трудящихся от борьбы, с другой стороны, мобилизовать силы класса капиталистов на борьбу с социализмом и демократией.

Вопрос о «политических обязанностях» и «политической ответственности» бизнесменов Соединенных Штатов не сходит со страниц буржуазной печати, тревожно напоминающей о том, что «системе, основанной на частном владении и конкуренции, брошен вызов социалистическими теориями...» (L. Megrath, Political responsibilities of the U. S. businessman — «Advanced management», vol. 24, № 8, 1959, стр. 7). «Многие люди, формирующие мнения, готовы разрушить бизнес — источник работы и зарплаты, убить гусыню, несущую золотые яйца» (там же, стр. 108).

2. Исследование целей бизнеса и его роли в обществе стало исключительно распространенным явлением в современной Америке. При огромном разнообразии точек зрения наряду

с доказательствами произошедшей якобы коренной «трансформации» капитализма встречаются и откровенные и циничные признания о сущности американского бизнеса: «У бизнеса будет гораздо больше шансов сохранить свое существование, если не возводить всякий вздор в отношении его целей...», — утверждает, например, один из «теоретиков» бизнеса Теодор Левитт (T. Levitt, «The Dangers of social responsibility», HBR S. O., 1958, vol. 36, № 5, стр. 49). Он с восторгом отзывается о высказывании Франка О. Приора — председателя совета директоров крупнейшей американской фирмы «Стандарт Ойл Компани» (Индиана), который призвал своих коллег по большому бизнесу управлять своим делом так, как это и следует делать: ради прибыли. В отношении же людей, которые публично считают, что стремление выколачивать прибыль является сомнительной моралью, он призвал своих коллег «перейти к наступлению» и «выбросить всякие сентименты» (там же, стр. 42). Высмеивая тезис о «социальной ответственности» бизнесменов, Левитт пишет: «...все эти разговоры — просто разговоры. Они прекращаются как только дело доходит до бумажника» (там же, стр. 43). «Благополучие и общество не являются делом корпораций. Их дело — делать деньги, а не приятную музыку» (там же, стр. 47).

3. Огромное разнообразие взглядов, высказываемых различными представителями американского бизнеса, нередко прямо противоречащих друг другу, обусловлено духовным убожеством современного монополистического капитализма, неспособного подлинно научно и объективно отразить в своем сознании исторический процесс общественного развития, но стремящегося всеми силами отдалить свое крушение.

Центральное место в исследованиях и дискуссиях об американском бизнесе занимают проблемы теории и практики управления современным капиталистическим предприятием. Не будучи в состоянии научно исследовать общие закономерности капиталистического способа производства, американская буржуазная социология пытается уйти в область эмпирических исследований, рассматривая по сути дела с позитивистских позиций проблемы управления производством.

Этим стремлениям в значительной мере отвечает современная американская «теория управления» — «менеджеризм». Через методологию эмпирической социологии эта теория связана с современным позитивизмом. Будучи сугубо апологетической буржуазной теорией, менеджеризм является отражением «в кривом зеркале» объективных процессов организации и управления современного производства.

Одной из важнейших предпосылок возникновения и развития социологических концепций теории менеджизма является существующая в США уже с начала нынешнего столетия «наука об управлении» («менеджмент сайенс»). Монополистический капитал стремится приспособить «науку об организации и управлении» производством для обоснования жизнеспособности капитализма, превращая менеджизм в свое идейное оружие.

Современный американский «менеджизм» может быть рассматриваем, во-первых, как теория, отражающая объективные процессы, присущие современному общественному производству вообще, во-вторых, как отражение закономерностей именно капиталистического производства и, в-третьих, как отражение закономерностей современного капиталистического производства в классовом сознании буржуазных исследователей. На наш взгляд, все эти три аспекта неразрывно связаны между собой и рассмотрение их в чистом виде совершенно обособленно друг от друга не представляется возможным.

4. Характерной особенностью теории менеджизма является то, что она развивается в тесной связи с некоторыми достижениями в области организации и управления производством на капиталистическом предприятии. Известно, что анархия производства, царящая в капиталистическом обществе, сочетается, как писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», с растущей организацией производства, как производства общественного, на каждом отдельном производственном предприятии (см. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 256—257).

Бурный научно-технический прогресс, высокая концентрация и централизация производства, усложнение функций управления производством создают объективные предпосылки для появления специальной категории людей, которые бы занимались управлением современным промышленным предприятием. Разделение владения собственностью и непосредственного контроля и управления производством, о котором писал еще Маркс, приобрело в настоящее время еще более ярко выраженный характер. Капиталист не в состоянии сам управлять во всех случаях своей собственностью и поручает функции управления наемным лицам, именуемым сегодня менеджерами. В то же время было бы неправильно утверждать, что в современной Америке все крупнейшие капиталисты отстранились от непосредственного выполнения функций управления. На практике эти явления проявляются в сложной взаимосвязи, и только рассмотрение конкретных условий может дать ответ на вопрос, в какой форме тот или

иной современный капиталист удовлетворяет свою ненасытную жажду прибыли.

Процесс разделения владения собственностью и непосредственного контроля за деятельностью предприятия нашел свое объяснение в различных буржуазных теориях и в особенности в «теории технократии», согласно которой капиталисты фактически утратили будто бы свое господство, а общество управляется инженерно-технической интеллигенцией. Теория менеджеризма, так же как и технократические теории, базируется на искаженном толковании закономерностей развития капиталистического производства в связи с растущим научно-техническим прогрессом, однако ее специфические истоки заключены в фетишизации функций управления современным производством. И в этом смысле многие представители менеджеризма не столько противопоставляют капиталистов — владельцев предприятий — менеджерам, сколько акцентируют внимание на важности и необходимости функций управления как таковых, независимо от того, как и кем они представлены. Не случайно в связи с этим некоторые представители менеджеризма ставят знак равенства между крупным менеджером и капиталистом, а большинство исследователей конкретных проблем менеджмента совершенно абстрагируются от классовых понятий, рассматривая «менеджера» как представителя специфической профессии.

5. Сама природа менеджеризма, в основе которой лежит «научное» иерархическое построение организации управления производством, заключается в признании необходимости господства очень небольшой группы людей, в то время как в технократических теориях проводится мысль о том, что на смену господству капиталистов идет сравнительно большая группа инженерно-технической интеллигенции. В связи с этим не случайно теоретики менеджеризма, всячески идеализируя роль и значение менеджеров, не только не отождествляют понятий «менеджера» и «технократа», но и решительно выступают против этого. Один из ведущих представителей американского менеджеризма П. Ф. Дракер, выступая против, как он выражается, «кошмаров — рая технократов», пишет: «Нам говорят (технократы. — Д. Г.), что управляемая кнопкой фабрика будущего практически не будет иметь рабочих... а те люди, которые будут еще необходимы, будут чистыми техниками-инженерами-электрониками, теоретическими физиками, математиками или же сторожами. А менеджеры не будут нужны» (Р. Ф. Drucker «Practice of management», p. 19). «...новая технология не сделает менеджеров ненужными или заменит их простыми техниками... Она сильно расширит сферу деятельности менеджмента...» (там же, стр. 22).

Характерным для всех рассуждений Дракера, как и многих других представителей мэнеджеризма, является то, что мэнеджер рассматривается как важнейшая движущая сила во всей экономической деятельности, во всем производственном процессе. Чтобы создалось предприятие, говорит он, «необходима трансмутация ресурсов. А это не может быть порождено таким неодушевленным источником как капитал. Для этого необходим мэнеджмент» (стр. 12), причем функцией мэнеджера является «сделать дающее продукцию предприятие из человеческих и материальных ресурсов» (стр. 12). К этим ресурсам одинаково относят как рабочих, так и инженерно-технических работников.

«...производство — это не применение орудий к материалам. Это применение логики к работе», — пишет Дракер (там же, стр. 96). Мы больше не говорим о «капитале» и «труде», мы говорим о «мэнеджменте» и «труде». «Ответственность капитала» исчезла из нашего словаря вместе с «правами капитала», вместо этого мы слышим об «ответственности мэнеджмента» (там же, стр. 3).

6. Отмечая исключительно быстрое развитие и становление мэнеджмента и называя это «кардинальным событием в истории общества», Дракер утверждает, что «мэнеджмент останется основным и господствующим институтом возможно до тех пор, пока жива западная цивилизация» (4).

Мэнеджеризм становится все более распространяющимся течением в Соединенных Штатах Америки. Число исследователей проблем мэнеджмента растет с каждым днем, появляется огромное количество книг и статей, в которых наряду с конкретными исследованиями вопросов деятельности капиталистических предприятий дискусируются общесоциологические проблемы управления. Наиболее видными представителями американского мэнеджеризма являются сегодня люди, в той или иной степени непосредственно связанные с американскими корпорациями и во многих случаях сами являющиеся крупными мэнеджерами. К их числу следует отнести П. Ф. Дракера — профессора по вопросам управления в Высшей школе бизнеса при Нью-Йоркском университете и советника по вопросам деловой политики и управления ряда крупных американских фирм (как, например «Дженерал Моторс», «Крайслер», ИБМ и др.), Е. Г. Плоумэна — вице-президента «Юнайтед Стейтс Стил Корпорейшн», Б. Селекмана А. Коула, А. Свенсона, Т. Левитта и др. Общесоциологические рассуждения этих авторов сочетаются с подробным эмпирическим анализом проблем организации и управления производством. Наряду с ними идеи мэнеджеризма развиваются и многими

профессионалами-социологами типа Шумпетера, Бернхейма, Боулдинга, Берле и др.

Мэнеджмент — это, по мнению его апологетов, «искусство управления деятельностью людей», и как самостоятельная деятельность, отличная от других, она должна иметь свою область знания. Идея «научной организации» производства, выдвинутая Тейлором в конце XIX — начале XX вв. и развиваемая многими теоретиками и практиками организации производства, претерпела значительные изменения. Наряду с разработкой проблем организации производства получает все большее распространение относительно самостоятельное направление — изучение общих принципов управления независимо от конкретных условий их применения. Разработке основных принципов управления за последние годы в США посвящается все больше и больше исследований, в которых наряду с отдельными позитивными моментами в основном преобладают, с одной стороны, чисто схоластические рассуждения об иерархическом построении капиталистического предприятия и, с другой стороны, конкретные советы, рецепты и обмен опытом по «научной» эксплуатации трудящихся.

Возникновение системы менеджмента в значительной степени обусловлено специфическими особенностями и потребностями развития промышленности в условиях современного капитализма. Непримируемая конкуренция, борьба рабочего класса против капиталистической эксплуатации, сопротивление профсоюзов давлению капитала, потребности рекламы, связь промышленных объединений с правительственными организациями и т. д. являются факторами, вызывающими необходимость «компетентного» и быстрого управления. Менеджеры должны выступать одновременно как политики, дипломаты, социологи, психологи, организаторы современных капиталистических предприятий, как идеологи капиталистической промышленности — таковы требования «большого бизнеса». Менеджеризм, таким образом, — это типичное порождение монополистического капитала, государственно-монополистического капитализма.

7. Большинство теоретиков менеджмента открыто или завуалированно связывают свои взгляды с теорией «элиты», развиваемой различными реакционными социологами от Платона до Карлейля. Опираясь на реакционные концепции о неизбежности деления общества на «квалифицированных» руководителей и «неквалифицированные» массы, они провозглашают эру господства менеджеров в обществе. Идея «революции менеджеров», проповедуемая американскими социологами Бернхеймом, Берле, Боулдингом и др., находит горячую поддержку со стороны монополистического капитала, что

с очевидностью подтверждает ее классовую направленность.

Сегодня американский монополист готов охотно сменить вывеску «капиталиста» на вывеску мэнеджера, чтобы избавиться от вызывающего ненависть масс названия. Буржуазные теоретики избегают дифференцированного рассмотрения социального положения мэнеджера в системе капиталистического производства. Более того, некоторые из них делают попытку запутать вопрос, расширяя понятие мэнеджмента «от директора, управляющего и до сменного мастера», вступая в прямое противоречие с собственными взглядами. Очевидно, что в определенной мере функции управления присущи многим ступеням иерархической системы правления. Однако все рассуждения теоретиков мэнеджеризма о власти мэнеджеров ни в коей мере не могут быть отнесены к каким-либо другим категориям людей на предприятии, кроме небольшой правящей верхушки. По существу в условиях современной Америки профессия мэнеджера оказывается достоянием только господствующего класса. Подчеркивание сложности деятельности мэнеджера, необходимости специального обучения для овладения принципами мэнеджмента, отсутствие возможности для трудящихся получить эту подготовку наряду с требованием «строгой» иерархии как средства подавления творчества и возможностей духовного роста рабочих, полностью направлены на то, чтобы сделать «top management», то есть «большой мэнеджмент», достоянием лишь избранных.

Для многих теоретиков мэнеджеризма характерен по существу совершенный отказ от понятий «общества», «классов» и подмена их номиналистическими по своей методологии концепциями позитивистской социологии о «группах», «стратах» и т. п. Рассматривая отношения людей в процессе производства, эти теоретики избегают рассмотрения общественных отношений и растворяют их в узко эмпирических изысканиях.

8. Одно из центральных мест в мэнеджеризме принадлежит проблеме «человеческих отношений». Целый ряд теоретиков мэнеджмента особо специализируются на этих вопросах. И здесь особенно ярко проявляется открыто реакционный классовый характер морали американского мэнеджеризма. Наряду с существованием таких направлений, как «маккиавелизм», «бульверизм», развивается течение «за сотрудничество» с продажной верхушкой американских профсоюзов «на новых этических началах», суть которого состоит в том, что в век специализации необходимо определенное разделение функций: мэнеджмент должен заниматься прежде всего вопросами экономического положения дела на фирме, а профсоюзная верхушка в тесном сотрудничестве с мэ-

неджментом — регулировать все вопросы отношений с рабочими (см В. Т. Selekman, «Cynism and managerial morality», HBR S. O., 1958).

Во многих рассуждениях представителей менеджеризма сквозят волюнтаристские взгляды, столь характерные для позитивистского конвенционализма. Идеологи менеджеризма призывают менеджеров «не приспособливаться» к экономическим условиям, а «создавать» их своей деятельностью. Борясь против принципа детерминизма и раздувая идеи о решающей роли субъективного фактора — о «творческой энергии» менеджеров, — они на деле приходят к отрицанию объективных закономерностей социальной жизни.

В волюнтаристском духе буржуазная пропаганда широко рекламирует деятельность менеджеров как людей, определяющих судьбу современной Америки и призванных сыграть «особую» роль в борьбе с социализмом.

Таковы лишь некоторые аспекты американской теории менеджеризма. Возникнув в связи с развитием конкретных исследований в области организации и управления производством, американский менеджеризм в методологическом отношении представляет собой разновидность социологического позитивизма, подменяющего целостное философское воззрение на общество эклектическими концепциями агностического толка. У теоретиков менеджеризма в моде позитивистски истолкованные кибернетические идеи. На практике менеджеризм оказывается идейным знаменем современного крупного капитала, объединяющим все силы реакции для борьбы против социализма и демократии.

Канд. философских наук Ю. П. МИХАЛЕНКО

(Институт философии АН СССР)

ОБ ОТНОШЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЗИТИВИЗМА К РЕЛИГИИ

1. Современный позитивизм представляет собой разновидность агностицизма (юмистского типа). Отрицание агностицизмом способности человеческого разума решить вопрос о существовании объективного источника ощущений является гносеологической основой неизбежных колебаний современного позитивизма в вопросах религии между материализмом и идеализмом, объективное значение которых в условиях ожесточенной борьбы буржуазной идеологии против научного материализма и атеизма может состоять только в расчистке дороги идеализму и поповщине.

2. Агностицизм современного позитивизма находит яркое выражение в принципе верификации, с помощью которого пытаются отрицать правомерность постановки проблем мировоззрения, объявляя их «неосмысленными», поскольку их решения не поддаются непосредственной проверке в чувственном опыте. Согласно этой точке зрения вопрос о существовании бога — основной вопрос религии — также является «бессмысленным». На первый взгляд это кажется крайне решительным нападением на религию. Именно так и считали большинство современных позитивистов и теологов в период возникновения логического позитивизма. Но был ли этот взгляд правильным? Постепенно и те и другие стали понимать, что «враждебность» отношения к религии современного позитивизма была преувеличена и что теоретико-познавательные принципы логического позитивизма не только дают возможность примирения с религией, но и могут быть использованы для обоснования последней.

С точки зрения логического позитивизма, «неосмысленный» означает: «не истинный и не ложный», то есть не име-

ющий отношения к обычному, всем доступному человеческому опыту, обобщением которого занимается наука. Объявляя религию «неосмысленной», логический позитивизм, казалось бы, отгораживает науку от чрезмерных притязаний со стороны религии, допуская ее относительно независимое от религии развитие в интересах удовлетворения потребностей буржуазного производства и техники. Однако в то же время логический позитивизм отгораживает религию от «чрезмерных» претензий науки, отрицая за последней право на мировоззренческие выводы и отрицая, следовательно, возможность научного опровержения религии; позитивизм сохраняет религию для целей духовного угнетения народных масс.

Уже указанное «разграничение» сфер религии и науки, якобы устраняющее возможность спора между ними, является принципиальной уступкой религии, противоречащей современной науке.

3. С точки зрения логического позитивизма проблемы мировоззрения не являются подлинно философскими проблемами, а главная задача философии — логический анализ значения предложений. В чем же с этой точки зрения состоит логический анализ религиозных предложений? Характеризуя их как «неосмысленные», неопозитивисты отрицают наличие у них научного значения. Но не обладают ли религиозные предложения, по мнению логических позитивистов, иным, отличным от научного, значением?

Один из родоначальников и крупнейших представителей современного позитивизма Л. Витгенштейн на последних страницах своего «Логико-философского трактата» (1921) проводит следующее различие между наукой и религией («мистическим»): наука отвечает на вопрос, каковы факты мира, выясняя причинные связи между ними, но не способна ответить на вопрос, какова причина мира в целом (то есть не может разрешить вопросов мировоззрения). Мир в целом — это предмет мистического чувства, то есть религии («Мистическое — не то, как мир есть, но то, что он есть». Л. Витгенштейн, Логико-философский трактат, М., 1958, 6.44, 6.45). В этой связи с точки зрения логического позитивизма всякое мировоззрение — это своего рода религия. Разграничивая сферы религии и науки, логический позитивизм пытается сделать религию независимой от науки.

Ведь если утверждения о проблемах мировоззрения вообще «неосмысленны», то неосмысленны и опровержения религии атеистами; если теологические утверждения не поддаются проверке в опыте, то они не поддаются в нем и опровержению. То, что является «неосмысленным» с точки зрения логического позитивизма, не может быть ложным, поэтому

научная борьба против религии и атеизма с этой точки зрения беспредметна. Более того, становится невозможным даже скептическое усомнение в догматах религии, ибо нельзя разумно сомневаться в том, что не входит в компетенцию человеческого разума.

4. Разграничивая сферы науки и религии, логический позитивизм не только делает религию независимой от науки, но и подчиняет науку религии в вопросах мировоззрения, отдавая религии предпочтение в этой сфере и обосновывая не только ее возможность, но и необходимость. В самом деле, если наука не способна решать проблемы мировоззрения, а лишь объясняет частные факты, то человек никогда не сможет удовлетвориться научным объяснением мира и в отношении мира в целом неизбежно будет испытывать мистическое чувство («Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно показывает себя. Это мистическое». Л. Витгенштейн, *Логико-философский трактат*, М., 1958, 6.522).

Современные позитивисты прекрасно отдают себе отчет в том, что идеалистический характер понимания ими опыта устраняет объективный критерий для различения между реальным и нереальным и оставляет место для признания так называемого «религиозного», или «мистического», опыта (отличного от обычного и всем доступного опыта), свидетельством о котором отдельных лиц, якобы переживших его, может быть взято за основание религиозных убеждений.

Неопозитивисты подвергают сомнению достоверность «чудес», то есть мнимых фактов, якобы доказывающих вмешательство сверхъестественных сил в порядок природы. Но неопозитивизм отрицает возможность познания связи вещей природы именно на том основании, что логически мыслимо изменение порядка природы. Следовательно, возможность чудес не противоречит их собственной теории познания, согласно которой «чудеса» могут быть признаны только мало вероятными, но не невозможными.

5. Таким образом, подтверждается положение В. И. Ленина о том, что отрицание возможности познания объективной необходимости является именно той предпосылкой, которая дает возможность агностицизму наряду с признанием им значения естествознания, делать выводы в пользу религии (см. В. И. Ленин, *Соч.*, изд. 4, т. 14, стр. 18).

Логический позитивизм, следовательно, враждебен только такой теологии, которая подобно неотомизму, желает дать рациональное обоснование религии и служит теоретической защитой религии, поскольку она нежелает опереться на иррациональные основания, то есть не на разум, а на веру, откровение и т. п. Разграничение логическим позитивизмом

сфер науки и религии путем определения последней как «неосмысленной» в вышеприведенном специфическом смысле напоминает нам о пресловутой формуле Тертуллиана «Верую, потому что нелепо».

Защищая религию, теологи всегда испытывали трудность при рациональном обосновании ими догматов, которые противоречат здравому смыслу. Неопозитивистский способ защиты религии освобождает теологов от этого неудобства и поэтому удовлетворяет современные потребности теологии, терпящей урон от научной критики религии. Согласно логическому позитивизму, содержание теологии не может быть теоретически высказано, поэтому его и не следует пытаться высказать. Пытаясь в свое время сделать это, философы и теологи преуспели лишь в высказывании бессмыслицы. По мнению некоторых представителей современного позитивизма, теологам поэтому есть «чему поучиться» у современных позитивистов. Посылки последних совпадают с посылками некоторых наиболее дальновидных теологов.

Логический позитивизм неправильно считать врагом религии. И если религия в принципе допускается неопозитивистами, то она допускается уже без каких-либо существенных ограничений со всеми присущими ей атрибутами и учреждениями.

Современные позитивисты стремятся, таким образом, смягчить ту критику, которой скептики и агностики подвергали религию в прошлом. Не удивительно, что теоретико-познавательные принципы современного позитивизма находят все большее сочувствие у теологов. Так складывается союз неопозитивистов и иррационалистически мыслящих теологов против материализма и атеизма, союз, который на руку современной социальной реакции.

Доц. К. А. ШВАРЦМАН

(Московский полиграфический институт)

НЕОПОЗИТИВИЗМ И ВОПРОСЫ ЭТИКИ

1. Вопрос о научном значении этики и о соотношении между наукой и моралью является одним из главных предметов спора между различными направлениями в современной буржуазной этике. Однако сторонники «научной» этики среди буржуазных ученых не в состоянии разработать ее действительно научные основы, поскольку они отвергают материалистическое понимание истории, отрицают связь морали с экономическими условиями жизни людей в обществе и не в состоянии обнаружить объективного критерия нравственности.

2. С резким отрицанием возможности научного решения собственно этических проблем выступает логический позитивизм, воздвигающий непроходимую преграду между наукой и моралью.

Представители неопозитивизма (Айер, Карнап и др.) различают несколько этик, каждая из которых имеет свой предмет исследования, а именно:

а) Эмпирическая этика как составная часть психологии или социологии, описывающая этические взгляды людей, а кроме того их поведение, представляющее интерес с точки зрения выявления его мотивов, оценок и т. д.

б) Этика как нормативная дисциплина, но подчиненная политической, социальной и др. сферам деятельности. Эта дисциплина имеет право на существование, поскольку она указывает, как добиться определенных целей, например, в политической области, используя моральный фактор, как сделать, чтобы люди считали себя счастливыми и т. д. Она также не является областью философского знания; этой дисциплиной должны заниматься социологи.

в) Нормативная этика, формулирующая тот или иной

моральный кодекс как якобы единственный или наиболее правильный.

г) Теоретическая этика, представляющая собой определенную систему этических категорий, понятий и взглядов, претендующую на истинность.

Положения этих двух последних видов этики, согласно неопозитивистам, не имеют научного смысла. Неопозитивисты относят их к «метаэтике», придавая в этом случае данному термину негативный смысл. Неопозитивисты утверждают, что эти два вида метаэтической интерпретации фактов «морального опыта» лишены научного смысла.

д) Этика, в задачу которой входит описание и логический анализ различных существующих теоретических этических систем, с тем чтобы выяснить логические отношения между ними, а также чисто логический анализ важнейших этических понятий и категорий (добро и зло, поведение правильное и неправильное и т. д.). По мнению неопозитивистов, эти вопросы и составляют предмет подлинно научной этики, которая не должна иметь ничего общего с философией в прежнем смысле слова, но является научно-философской «метаэтикой» в положительном смысле последнего термина.

Логический анализ этических категорий неопозитивисты используют для «доказательства», что этические оценочные суждения (см. пункты в, г) являются псевдосуждениями. Область науки, говорят они, — это только факты. Область морали — только оценки. Этические суждения как таковые не описывают фактов, фиксации фактов — не их задача; поэтому они ничего не дают для познания тех фактов, к которым относятся, а служат главным образом для выражения эмоций, являются «командами» одних людей, чтобы вызвать у других людей соответствующие эмоции и поступки.

3. Наука и мораль, составляя различные формы общественного сознания, конечно, отличаются с точки зрения исторического материализма друг от друга. Наука имеет дело с фактами, не зависящими от воли и желания людей. Факты, изучаемые, например, физикой, как и законы ими управляющие, не нуждаются в моральной оценке. Факты, относящиеся к области морали (поступки, действия людей), не существуют вне воли и сознания людей. Моральные нормы, в свете которых оцениваются поступки людей, выражают волю лиц и общественных классов. Но эта воля в конечном итоге обусловлена объективными, экономическими условиями жизни тех или иных классов. Условия же эти могут совпадать с потребностями общественного развития или, наоборот, противоречить им. Это значит, что можно научным образом, обращаясь к объективным законам общественного развития, доказать тот или

иной характер моральных норм того или иного класса, общества, то есть дать им научную, объективную оценку. Это и должна выяснить этика как наука.

4. Нельзя далее думать, что оценочные (в широком смысле слова «оценка») и нормативные суждения существуют только в морали. На деле каждая наука не только исследует факты и описывает законы, но и формулирует предложения о том, что надо делать. В свою очередь мораль может и должна опираться на факты, вскрывать социальное значение поступков и действий людей и, следовательно, направлять их действия.

5. Моральные чувства, к которым неопозитивисты сводят моральные суждения, лишены с их точки зрения объективной основы, не связаны с условиями жизни людей в обществе. Они отрицают также связь между моральными чувствами и убеждениями людей, обнаруживая тем самым свою тенденцию к иррационализму в вопросах морали.

Анализ моральных норм и оценок показывает неразрывную связь, существующую между моральными чувствами и убеждениями людей. Моральные чувства служат основой для формирования нравственных взглядов, но в свою очередь нравственные убеждения оказывают огромное влияние на воспитание чувств, способствуют их устойчивости.

6. Как моральные чувства, так и убеждения людей детерминированы условиями жизни людей, классов в обществе, поэтому они различны в разные эпохи, у представителей различных классов.

Аналогично «принципу терпимости» в логике неопозитивисты сформулировали «принцип терпимости» в этике. Признавая, что различные люди по-разному оценивают те или иные факты, они субъективистски интерпретировали этот факт и сочли вообще невозможным говорить о моральных оценках как о правильных или неправильных, истинных или ложных. Отсюда вытекает требование неопозитивистов терпимо относиться к любому суждению в области морали. Ни одно суждение нельзя признать несправедливым, его можно, например, признать лишь несовместимым с моим. Каждый человек, заявлял А. Айер, волен выбирать любой образ действий, ибо ни один образ действий не лучше и не хуже другого. Не важно, писал он, каким этическим принципам следовать, ибо этика нейтральна в отношении к поведению людей.

Однако в действительности моральные суждения, как и суждения наук, имеют объективный критерий оценки и поэтому можно определить, какие из них истинны, а какие ложны. Вопрос об истинности или неистинности моральных суждений решается в зависимости от того, выражают ли они или

нет закономерное развитие объективных экономических отношений, которые лежат в их основе. Моральные суждения истинны, когда они отражают назревшие потребности общественного развития, выражают закономерности социального прогресса и потребности передового класса. Если моральные нормы пришли в несоответствие с потребностями общественного развития, если они выражают интересы отживших реакционных классов, то они ложны.

7. Этический релятивизм неопозитивистов выражает их стремление уйти от разрешения острых вопросов современности и их неспособность решать эти вопросы. Но практически независимо от субъективных намерений тех или других представителей неопозитивистской школы принцип терпимости в этике, выдвинутый ими, ведет к моральному цинизму, позволяет оправдывать самые чудовищные преступления реакционных сил общества. Если любой образ действий одинаково справедлив, то как можно осудить, например, попытки империалистов подавить стремление конголезского народа к независимости, попытки задушить революционные завоевания кубинского народа и т. д.? На эти и подобные им вопросы неопозитивизм не может дать ответа. Тем самым этическая концепция неопозитивизма наносит огромный вред обществу, лишает людей тех норм, с помощью которых они могут правильно руководствоваться в жизни, определить свое отношение к животрепещущим социальным проблемам современности, — к проблемам борьбы за мир, демократию и социализм.

Мл. научн. сотрудник О. Г. ДРОБНИЦКИЙ

(Институт философии АН СССР)

КРИТИКА МЕТОДОЛОГИИ ЛОГИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА В ЭТИКЕ

1. Логический позитивизм сформировался как результат субъективистски-формалистического обобщения данных точных наук и их формально-логического аппарата. Логический позитивизм в этике выступил как попытка применения этого аппарата непосредственно к анализу вопросов морали. Логические позитивисты претендуют на осуществленный будто бы ими принципиальный переворот в теории морали и пытаются ниспровергнуть всю предшествующую этику, объявив ее ненаучной, а ее категории — лишенными научного значения.

2. Логические позитивисты по-своему понимают предмет науки этики и самое мораль. Позитивисты видят в морали совокупность идей, которая имеет лишь внешнюю форму знания. Исходя из своего понимания знания как совокупности суждений (предложений), они превращают мораль в совокупность моральных предложений и терминов. Так как задачей философии позитивисты считают изучение логической структуры «языка» наук, предметом «философии морали» («метаэтики») они считают «моральный язык», то есть моральные суждения и термины. Этика, таким образом, заменяется логическим анализом этических высказываний.

3. Такое понимание предмета этики приводит логических позитивистов к утверждению, что подлинная философия морали «нейтральна» к поведению людей, что она не делает никаких моральных предписаний и рекомендаций. Они считают своей задачей выяснение, в частности, того смысла, который вкладывается в моральные термины и суждения в «обычном словоупотреблении».

Такое понимание задач этики приводит, во-первых, к тому, что объектом исследования становятся не объективные

моральные отношения, а обыденные представления о них в голове буржуазного обывателя, получившие выражение в общепринятых в буржуазной среде словах «добро», «зло», «долг». Во-вторых, этика превращается из системы категорий в толковый словарь, в котором разъясняется, в каком смысле обычно употребляются те или иные моральные термины. Общая тенденция такого понимания предмета этики заключается в превращении этики в мнимо «надпартийную» науку, которая не должна содержать каких-либо выводов относительно моральной практики.

4. Неопозитивисты перенесли в этику некоторые положения гносеологии логического эмпиризма, в частности положение о том, что термины суждений должны быть обозначениями (знаками) объектов эмпирического наблюдения. Так как моральные значения поступка (добро, зло, должное) не являются эмпирически наблюдаемыми свойствами эмпирического объекта, эмотивисты¹ объявили понятия добра, зла и долга лишенными какого-либо значения (научного, познавательного, фактического). Позитивистские теоретики в данном случае выступают как узкие эмпирики, не видящие специфики социальных свойств объектов («ценностей»).

К. Маркс в «Капитале» рассмотрел некоторые принципиальные вопросы гносеологической природы общественно-экономических свойств продуктов труда. Маркс показал, что товар является вещью чувственно-сверхчувственной. Его предметные свойства принадлежат ему как эмпирическому объекту, тогда как его стоимость и потребительная стоимость (благо) являются его социальными свойствами, принадлежащими ему как носителю определенных общественных отношений. Эти свойства не являются предметными и чувственно-воспринимаемыми, но тем не менее они объективны. Подобно этому и поступок человека обладает моральными свойствами не просто как часть предметного мира, а как часть общественной жизни и как клеточка, элемент моральных отношений. Долг и добро нельзя наблюдать эмпирически, ибо в этих категориях выражены социальные связи поступков и их социальных условий.

5. Эмотивисты считают, что значение моральных терминов (ценности вообще) чисто «эмотивно», то есть что эти термины означают не свойства объекта, а лишь наше субъективное отношение к нему (одобрение и неодобрение, расположение и нерасположение). В моральной оценке дейст-

¹ Эмотивизм — одна из современных буржуазных этических теорий, в которой делаются наиболее «радикальные» выводы из методологии логического позитивизма. Далее будут рассматриваться взгляды, строго говоря, не логических позитивистов вообще, а эмотивистов.

вительно высказывается отношение к тем или иным поступкам. Но, во-первых, это отношение общества (классов), а не отдельного индивида, а во-вторых, это не просто психологическое отношение к объекту (расположение или нерасположение), а выражение объективного значения поступка в системе социальных отношений. Моральная ценность поступка не чужда объекту (поступку), а является присущим ему свойством. Но в отличие от стоимости моральная ценность является не материальным, но идеальным свойством объекта. Моральная ценность является порождением общественного сознания, в котором отразилось объективное социальное значение поступков людей и их последствий. Моральная ценность — продукт духовного производства. Логические же позитивисты выступают в теории ценностей как субъективные идеалисты.

6. Логические позитивисты, исходя из поставленной ими задачи логического анализа явлений морали, превращают все элементы моральных отношений в моральные суждения: нравственные нормы в утверждения типа «Человек (не) должен поступать так-то»; нравственные оценки поступков со стороны общества — в суждение типа «Убийство есть зло»; нравственное поведение — в императив «Ты должен совершить то-то»; укоры совести — в констатацию «Я поступил дурно» и т. п. Вся сложная система моральных отношений исчезает, а вместо нее остается лишь «моральный язык», как будто бы существующий сам по себе. В действительности же то, что люди говорят друг другу или себе по вопросам морали, или же то, что они чувствуют, но что можно перевести в языковую форму (чувства долга, совести) является лишь одним из внешних выражений тех отношений, которые возникают между людьми в связи с подчинением их поведения требованиям объективных социальных законов.

7. Анализ «морального языка» в отрыве от моральных отношений приводит логических позитивистов к неверным в корне выводам. Так, эмотивисты трактуют моральные суждения как «эмотивные», то есть считают, что они не содержат никакого эмпирического знания фактов, а выражают лишь чувства говорящего, его субъективное отношение к объекту суждения. Эмотивисты видят в моральном суждении лишь то, что оно непосредственно выражает, лишь тот смысл, какой вкладывается в него говорящим. Человек действительно может так оценивать какой-либо поступок, выражать при этом, как ему кажется, лишь свои собственные эмоции. Но в таком случае либо это не моральное суждение, а просто выражение субъективных чувств и склонностей данного человека, либо, если это моральное суждение, оно является все же

опосредованно выражением моральных взглядов общества. Индивид лишь усваивает в той или иной мере моральные взгляды общества и в своем моральном суждении говорит от лица общества. То, что он высказывает в своей оценке свои личные взгляды и чувства, говорит в этом случае о том, что он воспитан обществом и что точка зрения общества стала его собственной, органически усвоена им.

8. «Эмотивное» значение моральных суждений, по мнению теоретиков, стоящих на платформе методологии логических позитивистов, включает помимо выражения чувств говорящего еще и другой элемент, а именно эмоционально-волевое воздействие морального суждения на слушателя. Моральное суждение, таким образом, имеет целью заставить слушателя разделить нравственные чувства говорящего и вызвать с его стороны определенные поступки. Действительно, в высказываемом моральном повелении «Ты должен совершить данный поступок» этот элемент присутствует. Но эмотивисты не могут объяснить, что же именно заставляет слушателя подчиниться этому моральному требованию. Так как с их точки зрения моральное повеление — это просто выражение воли говорящего, они трактуют его эмоциональное воздействие на других людей сугубо иррационалистически, как своего рода нажатие кнопки, которая приводит в действие цепь мускульных движений иного субъекта. Ограничив область своего исследования моральными суждениями (предложениями) как таковыми, эмотивисты не видят того, что источник эмоционального воздействия морального повеления лежит в том, что за ним стоит авторитет общества (господствующих в нем классов), санкционирующего моральные нормы. Кроме того, никто бы не повиновался моральным повелениям и не руководствовался в своих действиях моральными оценками, если бы они не отражали объективных потребностей и интересов тех или иных классов.

9. Логические позитивисты применяют к моральным суждениям свой общегносеологический принцип верификации. Так как моральные суждения не поддаются верификации (поскольку они как таковые не констатируют никакого эмпирического факта), то они с их точки зрения не истинны и не ложны. Далее, так как моральное суждение выражает лишь чувства того, кто его высказывает, то другой человек может высказать противоположное суждение и эти суждения не будут тем не менее противоречить друг другу, что несовместимо с требованиями верификации. Эмотивисты выражают в этой связи точку зрения крайнего релятивизма и нигилизма в отношении морали.

В действительности же, как показывает исторический ма-

териализм, моральные суждения если и не могут быть подвергнуты непосредственно эмпирической проверке, то они могут быть проверены и обоснованы опосредованно. Общественная практика постоянно опровергает одни и выдвигает другие моральные суждения (нормы, оценки). Противоположные моральные суждения, будучи отнесенными к одним и тем же историческим условиям, противоречат друг другу, и это противоречие обычно выражает противоречие между старым и новым.

10. Анализ этических теорий, основывающихся на методологии логического позитивизма, приводит к выводу, что эта методология крайне порочна и неприемлема для этики. В результате ее применения создается совершенно извращенная картина морали, явления нравственности толкуются не только поверхностно, но и прямо антинаучно.

Доц. Г. А. БРУТЯН
(Ереванский университет)

КРИТИКА НЕАРИСТОТЕЛЕВСКОЙ ЛОГИКИ «ОБЩЕЙ СЕМАНТИКИ» И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЙ

1. Необходимость критического анализа концепции «общей семантики» обусловлена не только ее широкой распространенностью в странах буржуазного мира (существует Международный институт «общей семантики», издается специальный журнал «ЕТС» в США, курс «общей семантики» изучают во многих учебных заведениях западных стран). Если до недавнего времени вместе с семантическим идеализмом некоторыми догматически настроенными нашими товарищами неправомерно отвергалась и логическая семантика, то в настоящее время признанная необходимостью серьезной научной разработки логических проблем семантики не исключает опасности некритического принятия вместе с логической семантикой семантического идеализма. В действительности же научная разработка логической семантики предполагает всесторонний анализ гносеологии «общей семантики» с позиций диалектического материализма.

2. Представители «общей семантики» (Кожибский, Джонсон, Хайакава и др.) противопоставляют свою философию аристотелевской логике и выдвигают свое учение в качестве «неаристотелевской логики». Борьба «общей семантики» против аристотелевской логики в действительности есть борьба против материализма вообще, против материалистического объяснения законов и форм мышления в частности.

3. Одним из главных пороков аристотелевской логики сторонники «общей семантики» считают ее так называемый двувалентный характер и противопоставляют ей многовалентную логику «общей семантики». На основе расширенно-

го истолкования понятий «двузначная логика» и «многозначная логика», заимствованных из учения логиков группы Я. Лукасевича, А. Тарского и других, «общие семантики» пропагандируют концепцию двузначной и многозначной «ориентации» (т. е. методологии), которая является с точки зрения современной науки неприемлемой как в своих исходных гносеологических позициях, так и в социологических выводах.

4. Смешивая онтологическое и гносеологическое понимание законов аристотелевской логики, в частности закона исключенного третьего, «общие семантики» считают аристотелевскую логику проявлением двузначной «ориентации», отождествляют ее с метафизическим методом мышления и борются против нее с позиций крайнего релятивизма.

5. Выдвигаемая «общими семантиками» многозначная «ориентация» является по существу субъективистски-релятивистским методом, отвергающим в безоговорочной форме познавательное значение формулы «или — или». Между тем современная наука показывает, что всесторонний учет всех обстоятельств, то есть формула «как то, так и другое», вовсе не исключает формулу «или — или», которая и применяется в надлежащих случаях.

6. Ошибочность учения «общих семантиков» об «ориентациях» заключается также в том, что характер «ориентаций» объясняется этим учением через посредство структуры языков, между тем как структура существующих языков как таковая не может иметь ничего общего с тем или иным методом познания, сознательно принятым тем или иным философам.

7. Из теоретико-познавательных установок об «ориентациях» «общие семантики» делают социологические выводы реакционного характера. Двузначная ориентация согласно их взглядам является «жесткой» ориентацией, которая ориентирует на четкий и определенный выбор между материализмом и идеализмом, коммунизмом и капитализмом. Многозначная же «ориентация» будто бы сглаживает контраст этих учений и социальных устройств, преодолевает дилемму между ними. Двузначную «ориентацию» «общие семантики» объявляют ориентацией «тоталитарных» систем, официальным взглядом однопартийной политики, многозначную же ориентацию — оплотом «демократии» и многопартийной системы. Этот вывод, имеющий целью восхваление буржуазных лже-демократических порядков, опровергается всей историей и практикой партий и народов, противоречит науке об обществе.

Тезис общих семантиков о том, что та или иная «ориен-

тация» обусловлена структурой языков, приводит их к порочному выводу, — будто политика партий и правительств определяется в конечном итоге характером языков, что ведет к отрицанию объективно-прогрессивного значения политической освободительной борьбы народов и трудящихся классов.

8. В противоположность законам аристотелевской логики «общие семантики» выдвигают так называемые принципы неаристотелевской логики, в частности; принцип невсеобщности, принцип нетождественности, принцип самоотражаемости.

9. Посредством принципа невсеобщности (the principle of non-allness) Кожибский сформулировал тривиальную мысль о том, что в мыслях и, в частности, в понятиях фиксируется не все богатство содержания отраженного в нем предмета. Однако отсюда он и его последователи пришли к ложному теоретико-познавательному выводу о том, что наши слова и предложения являются символами без определенного содержания.

Гносеологические корни этого положения кроются в лингвистическом релятивизме, в абсолютизации субъективного момента в значении слова, в непонимании диалектического единства чувственного и логического, представления и понятия в процессе познания, в метафизическом преувеличении сенситивного момента в логическом мышлении. Все это привело Кожибского и его последователей к неправильному заключению о том, что «психологическая логика» представляет собой единственный правильный метод познания.

10. Согласно принципу нетождественности (the principle of non-identity) слово не является представляемой вещью. Исходя из этого самоочевидного положения, «общие семантики» пришли, однако, к ложному выводу о том, что нарушение нормального образа жизни, патология как индивидуальной, так и всей общественной деятельности людей очень часто основана на том, что люди реагируют на слова так, что отождествляют их с фактами.

Выход из создавшегося положения сторонники «общей семантики» видят, в частности, в отказе от употребления глагола «быть», в создании нового языка без частицы тождества «есть», в избегании обобщающего абстрактного мышления, в замене так называемой интенциональной ориентации экстенциональной ориентацией. Порочность предлагаемых «общими семантиками» рецептов исправления языка подлежит как гносеологической, так и социологической и языковедческой критике.

11. На основе «теории типов» Рассела Кожибский сфор-

мулировал особый принцип общей семантики — самоотражаемость (self — reflexiveness), — смысл которого в конечном итоге, сводится к противопоставлению знания, полученного посредством органов чувств, — логическому познанию, к сведению последнего лишь к описанию и систематизации чувственных данных и к отрицанию познавательного значения высших ступеней абстракций. Как можно показать, явление самоотражаемости (до некоторой степени оно действительно имеет место в языке) ведет при ложном его истолковании к абсолютизации и мистификации языковых процессов.

12. Крайние правые представители философии общей семантики (Ст. Чейз и др.) делают наиболее реакционные социологические выводы из принципов неаристотелевской логики. Эти выводы подлежат развернутой марксистской критике.

Доц. Г. М. АНДРЕЕВА

(Московский государственный университет)

К КРИТИКЕ ПОЗИТИВИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИОЛОГИИ

1. Характерной чертой современного кризиса буржуазной социологии является разочарование не только в схемах старой философии истории и традиционной социологии, но и в результатах эмпирической социологии, долгое время господствовавшей и претендовавшей на исключительное место в современных буржуазных воззрениях на общество. Для выяснения причин краха этой эмпирической тенденции важно, с одной стороны, выяснить, каким образом и насколько ей удалось выполнить социальный заказ буржуазии, и, с другой стороны, в чем корни ее банкротства в чисто теоретическом, прежде всего методологическом, плане. Настоящее выступление посвящено именно этой, второй, части проблемы.

2. Поскольку современные буржуазные социологические концепции и доктрины разрабатываются не только представителями эмпирической социологии, постольку важно выявить отличие в самих принципах подхода к изучению общественных явлений, которые сложились в эмпирической социологии, с одной стороны, и среди других представителей общественных теорий, с другой. Здесь прежде всего надо указать на социологические воззрения представителей определенных философских систем (таких, как прагматизм, экзистенциализм и т. д.) и, во-вторых, на теоретические выводы представителей буржуазной исторической науки (таких, как Тойнби, Кроче, Ортега-и-Гассет и др.).

Если анализировать социологические воззрения Дьюи или Хайдеггера, то не может возникнуть сомнения относительно непосредственной их методологической основы: это — фило-

софия прагматизма или экзистенциализма. Точно так же совершенно определенно выступает связь между «историзмом» Кроче и неогегельянством. Иначе обстоит дело с эмпирической социологией. Лишь немногие ее представители прямо и откровенно связывают свои концепции с определенной философией (напр., Ландберг прямо заявляет, что он выступает от имени концепции неопозитивизма).

3. Огромное большинство представителей эмпирической социологии афишируют, напротив, свою полную «независимость» от философии. И хотя большинство из них не признает своего идейного родства с социологией Конта и его последователей, тем не менее, несомненно, они находятся в плену навязчивой позитивистской идеи «освободить социологию из плена философии». В своих наиболее крайних выражениях эмпирическая социология объявляет своей *differentia specifica* именно отказ от какой бы то ни было методологии. Это стремление наиболее ярко проявилось в американской эмпирической социологии, где низведение социологии на положение сугубо прикладной науки и чрезмерный акцент на разработку методов и техники эмпирических исследований призваны были утвердить ее крайнюю «антифилософичность». В такой позиции эмпирической социологии кроется известная трудность для исследования ее методологической основы. Но в этой же позиции — и ключ к определению этой основы. Как бы далеко не ушла эмпирическая социология XX в. от О. Конта, в ней достаточно ярко проглядывают ослиные уши социологического позитивизма.

4. Однако было бы ошибочно полагать, что позитивизм в современной социологии проявляется в той самой форме, в какой он выступал во второй половине XIX века. Видоизменение самой философии позитивизма и тот факт, что наиболее его распространенной формой в настоящее время является неопозитивизм, имело свои последствия и в социологии. Из этого не следует, что в проблематике эмпирической социологии могут быть найдены прямые аналогии гносеологическим проблемам неопозитивизма. Но из этого не следует того, что можно сводить современный позитивизм в социологии только к «отрицанию общих законов». Конечно, в самом общем виде правильным будет определение позитивистской методологии эмпирических социологических исследований как стремление уйти от объяснения сущности явлений, ограничиться простым описанием фактов общественной жизни, но задача состоит в том, чтобы более конкретно проследить, в чем именно состоит позитивистская методология в социологии.

5. Яркой иллюстрацией этого положения является анализ методологической основы буржуазной теории «социальной стратификации» и «социальной мобильности», т. е. тех теорий, которые обращаются к острейшим современным социальным проблемам — проблемам классов и классовой борьбы.

Методы и техника исследования социальной структуры современного капиталистического общества воспроизводят все основные методы эмпирического исследования. Это — интервью, анкеты, наблюдения, социограммы и т. д. Было бы ошибочно считать, что именно в применении этих методов коренится главный порок эмпирической социологии. На наш взгляд, сама техника исследования не может определять ценности исследования. Вопрос упирается именно в общую методологию и теоретически проблема стоит как проблема соотношения техники исследования и методологии.

6. Исходным понятием теорий классов является понятие «страт». В самом факте признания наличия «страт» в обществе не коренится еще никакого порока. Несомненно, что в сложной классовой структуре современного капиталистического общества совершенно четко обозначены слои как внутри основных классов (буржуазии и пролетариата), так и внутри различного рода промежуточных групп. Действительно, можно исследовать эти слои и путем непосредственного наблюдения, и путем различного рода опросов, и этим не будет определяться понимание роли и места этих слоев во всей системе классовой структуры. Таким образом, не частная методика исследования, именно общая методология будет играть решающую роль при определении причин выделения тех или иных слоев и роли их в системе классового общества. Именно методологический подход формулирует, например, Т. Маршалл, когда он заявляет: «Социальная стратификация является предметом, о котором невозможно писать «строгую историю». Задача социологии состоит в том, чтобы считаться лишь с тем, «какие», «когда» и «где» произошли социальные изменения, а не с тем, «почему» и «как» (см. Transactions of the Third World Congress of Sociology, vol. III).

Следовательно, результаты анкет, опросов и интервью могут быть и обработаны, формой их обобщения могут явиться различного рода социограммы, матрицы и т. д., но суть дела будет определяться тем, что обобщение будет произведено по принципу «какие», «когда», «где», но не по принципу «почему» и «как». Но это и есть признак социологического позитивизма, провозглашенный еще Контом и поддержанный Нейратом.

7. Аналогичную иллюстрацию можно привести и из области рассуждений о «социальной мобильности». Исследования так называемого социального динамизма (в плане перемещений индивидов вверх и вниз по вертикали из одного социального слоя в другой) особенно привлекают представителей эмпирической социологии потому, что здесь особенно широки возможности для применения заманчивых математических методов исследования. В самом деле, вычисления мобильности поддаются статистической обработке, чисто внешне эти результаты легко укладываются в различные таблицы и матрицы (см. примеры вычисления мобильности датским социологом проф. Сваластога и др.). Но если сама манера сильно формализованной обработки материала и настораживает, тем не менее не она является источником совершенно ложных выводов, к которым приходит исследователь. В самом деле, в указанных подсчетах вывод состоит в том, что теоретически для каждого члена современного буржуазного общества представляется возможность «проникновения» в высшие слои. Но сам математический расчет «непричастен» к этому выводу. Ложность его (обоснованная, конечно, классово-позицией социолога) состоит в ложности исходной посылки, а именно совершенно произвольном, субъективистском определении так называемого «индекса мобильности» для данного общества. При всем «эмпиризме» исследования такая исходная посылка определяется именно общей методологией, основными принципами философии позитивизма.

8. В приведенных двух случаях дело касалось весьма жгучих и актуальных социальных проблем. Но весьма существенный признак эмпирической социологии — именно уход от таких проблем. Это признают и многие буржуазные критики социологического эмпиризма (см., например, выступления Мертона и Лазарсфельда на IV Международном социологическом конгрессе). Здесь вообще снимается проблема, в какой мере можно считать «ответственными» за результаты исследования сами технические приемы и частную методику. Неумение выделить критерий для разграничения существенного и второстепенного при самом выборе объекта исследования именно методологически неизбежно вытекает из исходных посылок позитивизма.

9. Интересно, что разочарование результатами эмпирической социологии в среде буржуазных социологов никогда не направлено по пути критики методологических ее основ. Оно, как правило, игнорирует присущую эмпирической социологии позитивистскую методологию и если и критикует эмпирическую социологию, то только за якобы при-

сущий ей полный отказ от какой бы то ни было методологии. С этой точки зрения интересно проанализировать выступление на IV Международном конгрессе социологов Р а й м о н д а А р о н а («слабость американской социологии состоит в том, что она недостаточно ищет синтетической интерпретации эффективного функционирования различных режимов...») или призыв А. В е б е р а «вернуться к общ исторической социологии, которая призвана не заменить развернутую специализацию, а скорее дать ей определенные рамки, внутреннее деление и тем самым до известной степени и новый тип постановки вопросов» (см. «Einführung in die Soziologie», München, 1955).

10. Претензию преодолеть разрыв между эмпирическими исследованиями и общей теорией заявляет м и к р о с о ц и о л о г и я, которая среди прочих школ эмпирической социологии отличается тем, что открыто возводит в добродетель свою связь с определенными «философскими основами». Высказывая совершенно недвусмысленно свое отношение к ряду основных философских направлений (в том числе, отрицательное — к позитивизму), Ж. Г у р в и ч пытается создать «новую философскую основу» социологии, так называемый «диалектический гиперэмпиризм». Интересно проследить, что интерпретированное в свете этой «новой» основы понятие «класс» не уводит Гурвича далеко от выводов последователей теории «социальной стратификации» — в итоге получается типично позитивистское описание социальной структуры общества. Как видим, и здесь причиной такого рода выводов явились отнюдь не определенные частные методы или техника исследования, а как и в прежних случаях, общая позитивистская методология.

11. Все сказанное позволяет сделать вывод, что при исследовании общественных явлений порочными являются не эмпирические исследования сами по себе, не столько частные методы и техника, применяемые в них, а именно та позитивистская методология, которой пользуются представители буржуазной эмпирической социологии. Совершенно иное значение приобретают эмпирические, или, говоря точнее, конкретные социологические исследования, если они предпринимаются в рамках марксистской социологии — исторического материализма. Что касается необходимости таких исследований, то против нее вряд ли можно возразить. Особенно велика потребность в таких исследованиях именно сейчас — в период развернутого строительства коммунизма, когда социальные исследования могут оказать большую практическую помощь в деле строительства коммунизма.

Очевидно, что в ходе таких исследований могут быть созданы и новые частные и специальные методы, но они не исключают применения и тех технических приемов, которые применяются и в эмпирической буржуазной социологии.

Конкретные исследования марксистской социологии тем и отличаются от поисков буржуазной эмпирической социологии, что они осуществляются в рамках марксистской науки об обществе, т. е. науки, обладающей знанием общих законов общественного развития. Только в единстве с общей теорией общественного развития эти исследования могут иметь значение и смысл. Всякий иной подход к эмпирическим исследованиям приводит их в тот тупик «социологического позитивизма», в который зашла буржуазная эмпирическая социология.

Проф. И. Я. ШИПАНОВ

(Московский государственный университет)

К ВОПРОСУ О ПОЗИТИВИЗМЕ В РОССИИ И БОРЬБЕ С НИМ МАТЕРИАЛИЗМА

1. В данном кратком сообщении автор естественно не может ставить перед собой широкой задачи — дать всесторонний и исчерпывающий разбор всех направлений позитивистской философии на русской почве и той острой борьбы, которая велась в России против позитивизма в XIX—XX вв.

Для данного небольшого сообщения такая широкая задача являлась бы явно непосильной. Поэтому автор вынужден сознательно идти на резкое ограничение своей темы и отметить лишь наиболее главные, наиболее характерные направления позитивизма в русской философии и лишь в общей форме остановиться на той острой борьбе, которая развернулась в России между материалистами и позитивистами.

2. Проникновение и распространение буржуазных позитивистских идей, позитивистской литературы в России началось еще в 40—60-х годах XIX века, оно усилилось в конце того же века и особенно приняло широкие размеры среди буржуазной интеллигенции в начале XX века. Перевод и публикация в России сочинений Ог. Конта, Герберта Спенсера, Дж. Ст. Милля, Генри Томаса Бокля и др., восхищение их идеями со стороны идеологов буржуазно-помещичьего либерализма породило в России разные позитивистские направления и школы, которые объединяли вражда к материализму, агностицизм, идеалистическо-метафизический характер воззрений на общественно-исторический прогресс. Марксизм, писал В. И. Ленин, отвергает не то, чем отличается один позитивист от другого, а то, что есть у них общего, то, что делает философа позитивистом в отличие от материалиста (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 192). Поэтому, если отбросить все эти ничтожные пустяки, которыми отличает себя

один позитивист от другого, все эти «измы» и ярлыки, коими так усердно щеголяли все позитивисты и сосредоточить внимание на сути дела, отличающей материализм от позитивистской философии, то «эта суть дела состоит в коренном расхождении материализма со всем широким течением позитивизма, внутри которого находятся и Ог. Конт, и Г. Спенсер, и Михайловский, и ряд неокантианцев, и Мах с Авенариусом» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 192).

3. Главные направления позитивизма в России и их борьба с материализмом в философии, психологии, социологии.

а) *Гносеологическо-логический позитивизм* в лице К. Д. Кавелина (1818—1885), М. М. Троицкого (1835—1899), Н. Я. Грота (1852—1899) и его борьба против материализма в философии, логике, психологии. Ленинская критика реакционных воззрений Кавелина и других позитивистов. Проповедь позитивистами психо-физического параллелизма, релятивизма и агностицизма.

б) *Позитивизм в буржуазной социологии*. Его главные представители Г. Н. Вырубов (1843—1913), Е. В. де Роберти (1843—1915), Н. И. Кареев (1850—1931), М. М. Ковалевский (1851—1916). Критика Лениным и другими марксистами позитивистов Ковалевского, Кареева как буржуазных идеологов.

в) *Позитивизм народнического толка*, представленный идеологами народничества П. Л. Лавровым (1823—1900), Н. К. Михайловским (1842—1904). Проповедь ими субъективного метода в социологии. Разгром Лениным, Плехановым и другими марксистами субъективного метода в социологии как направления идеалистического, эклектического и реакционного. Великое историческое значение работ Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «От какого наследства мы отказываемся?», «Развитие капитализма в России» в критике и разгроме позитивистской философии народников.

г) *Эмпириокритицизм* В. В. Лесевича (1835—1905), В. М. Чернова (1876—1952), В. А. Базарова (1874—), В. В. Валентинова (1879—), эмпириомонизм А. А. Богданова (1873—1928) и эмпириосимволизм П. Юшкевича (1873—) представляют собой разновидности позитивизма (махизма) на русской почве. Разгром В. И. Лениным эмпириокритицизма, эмпириомонизма, эмпириосимволизма как субъективно-идеалистических школок чуждых и враждебных диалектическому и историческому материализму, отличающихся друг от друга ничтожными пустяками и «измами», наклеиваемыми этикетками и ярлыками, но не по существу

постановки и решению основного философского вопроса. «...исходный пункт и основная посылка философии эмпириокритицизма, — писал Ленин, — есть субъективный идеализм. Мир есть наше ощущение — вот эта основная посылка, затушевываемая, но несколько не изменяемая словечком «элемент», теориями «независимого ряда», «координации» и «интроекции». Нелепость этой философии состоит в том, что она приводит к солипсизму, к признанию существующим одного только философствующего индивида» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 82).

Касаясь пресловутого сборника позитивистов-эмпириокритиков «Очерки по философии марксизма» (авторами коего являлись Базаров, Богданов, Юшкевич, Суворов, Берман, Гельфонд, Луначарский), Ленин показал, что этот коллективный труд эмпириокритиков нельзя считать «очерком по философии марксизма». Наоборот, он является очерком против философии марксизма, ибо частные разногласия между авторами сборника (эмпириокритиками, эмпириомонистами, эмпириосимволистами) стираются самим фактом их коллективного выступления против диалектического и исторического материализма, тогда как наиболее характерные реакционные черты махизма, как субъективно-идеалистического, позитивистского течения, становятся еще более очевидными.

В своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин со всей силой подчеркнул ревизионистский характер этого сборника, преподносящего читателю «нечто невероятно сбивчивое, путаное, реакционное». Сравнивая теоретические основы диалектического материализма и эмпириокритицизма, Ленин приходит к строго научному, неопровержимому выводу, что оно «показывает по всей линии гносеологических вопросов *сплошную реакционность* эмпириокритицизма, прикрывающего новыми вывертами, словечками и ухищрениями старые ошибки *идеализма и агностицизма*» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 342).

Величайшей заслугой В. И. Ленина является то, что он сорвал маску с позитивизма и его разновидностей: махизма, эмпириокритицизма, эмпириосимволизма и т. д., пытавшихся выдать свою эклектическую философию за науку якобы надпартийную, поднимающуюся будто над «односторонностью» материализма и идеализма. Ленин вскрыл, что «за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатански-

ми новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм. Последний есть только уточненная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 343).

Усиленные попытки позитивистов выскочить из двух коренных направлений в философии или «подняться выше» материализма и идеализма, превзойти это «устарелое» противоположение, Ленин охарактеризовал как «примиренческое шарлатанство», как «жалкую кашу», как проявление «презренной партии середины в философии», расчищающей дорогу идеализму и фидеизму. Таким образом, «научная поповщина» идеалистической философии есть не что иное, как «преддверие прямой поповщины».

Отсюда Ленин безоговорочно отнес самих эмпириокритиков, эмпириомонистов, эмпириосимволистов к типичным философским ревизионистам, которые откровенно и безбоязненно договариваются до прямого фидеизма, т. е. до такого реакционного учения, кое ставит веру на место знания. «Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 343). При этом Ленин устанавливает прямую связь между эмпириокритицизмом и религией, между эмпириомонизмом и богостроительством.

4. Смыкание эмпириокритицизма (позитивизма) с богостроительством. Критика Лениным реакционной сущности богостроительства и богоискательства и ее значение для развития диалектического материализма и атеизма.

5. Критика позитивизма русскими революционными демократами. Выступление Белинского против позитивизма Ог. Конта. Критика Чернышевским позитивизма Ог. Конта, Дж. Ст. Милля, Карпентера; Ленин высоко оценил борьбу Чернышевского с неокантианством и позитивизмом. «Чернышевский — единственный действительно русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 346).

6. Отношение к позитивизму религиозно-мистического философа Вл. Соловьева, его нападки на позитивизм справа. Война «Вех» материализму и материалистически толкуемому позитивизму за восстановление мистики и мистического ми-

росозерцания. Разгром Лениным контрреволюционной, религиозно-мистической идеологии «веховцев».

7. Марксистско-ленинская критика «пролеткультовцев» и механистов за протаскивание реакционных позитивистских идей в философию, за попытку растворить марксистскую философию в естествознании, за антимарксистскую теорию равновесия, за защиту в теории познания агностической теории иероглифов и т. д.

8. Борьба материализма с позитивизмом в России имела выдающееся значение в развитии и укреплении материалистической традиции в России, в победе и торжестве марксистско-ленинского мировоззрения.

Канд. философских наук В. А. МАЛИНИН
(Издательство иностранной литературы, Москва)

К КРИТИКЕ НЕОПОЗИТИВИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ

1. В настоящее время неопозитивизм все еще остается одним из самых влиятельных направлений в буржуазной философии, широким течением со многими школами и школками, специализирующимися на проблемах методологии науки, лингвистическом анализе языка, логике и т. п. В данном случае мы рассматриваем неопозитивизм в целом, как систему взглядов, которая характеризуется, в частности, особым пониманием предмета философии. Особенностью неопозитивизма является также идеалистическая спекуляция на новых фактических данных науки. В рамках позитивизма, при условии признания исходных методологических посылок, поощряется известная «свобода» выражения взглядов, претензии на оригинальность собственного вклада в разработку «логики науки». Попытка создать внутри неопозитивизма обстановку творческой дискуссии является средством привлечения к неопозитивизму внимания и симпатий научной интеллигенции.

Неопозитивистская литература — одна из самых распространенных в капиталистическом мире. В руках неопозитивистов — многие влиятельные философские журналы (The Mind, Dialectica, The British Journal for the Philosophy of Science, The American Philosophical Review, Philosophy of Science).

2. Вместе с тем влияние, которым неопозитивизм пользовался еще сравнительно недавно, заметно пошло на убыль. По мнению многих представителей современной буржуазной философии, неопозитивизм исчерпал себя в теоретическом отношении. Критика неопозитивизма становится все более резкой. Основная причина начавшегося упадка неопозитивизма, на наш взгляд, социально-политическая. Правящие

классы капиталистического общества все больше разочаровываются в действительности неопозитивизма как идеологического оружия в борьбе с материалистической философией, в борьбе с марксизмом-ленинизмом. Неопозитивизм не сумел остановить или сдержать рост влияния марксизма-ленинизма, диалектического материализма в капиталистическом мире, в особенности среди научной интеллигенции. Виднейшие идеологи буржуазии все чаще приходят к выводу, что нельзя переоценивать влияние неопозитивизма в этом отношении, что некоторые другие идеалистические течения больше подходят как идеологическое оружие борьбы в современном быстро изменяющемся мире (экзистенциализм, неотоцизм и т. п.). В последние годы стали заметными также тенденции в пользу выработки некоей «синтетической» философии, которая опиралась бы на «лучшие достижения» «эмпирической» западной мысли и «спекулятивно-интуитивной» восточной.

3. Упадок неопозитивизма подтверждается сильной, иногда резкой критикой его со стороны представителей других влиятельных течений в современной буржуазной философии, вплоть до обвинений в философской бессмыслице (И. Бохенский и др.).

Социальный смысл критики неопозитивизма со стороны представителей других направлений в буржуазной философии — растущее убеждение в неэффективности позитивизма как идейного оружия буржуазии в эпоху нового этапа общего кризиса капитализма. Критика неопозитивистских догм рядом философов-идеалистов стимулируется опасением, что фактический отказ от философии в ее традиционном идеалистическом понимании, который проповедуют неопозитивисты с их распредмечиванием философии, нанесет ущерб прежде всего философскому идеализму и косвенно будет способствовать росту влияния материализма (Фейблман, Дессауэр и др.). Эта критика свидетельствует также об усилении внимания в буржуазной философии к онтологической проблематике.

Ряд представителей идеалистической философии, признавая известные «достижения» неопозитивизма в разработке «философской техники», осуждают последний за отказ от традиционных проблем, выдвинутых в ходе развития классической философии. В самом факте такого отказа они видят философское саморазоблачение неопозитивизма (Чарлзворт, Мур, Хэмпшир). Критикуя попытки неопозитивистов (в т. н. лингвистической философии) свести проблемы философии к проблемам языка, противники неопозитивизма из рядов буржуазных философов указывают, например, что лингвистический анализ языка выдвигает такие проблемы, которые неопозитивизм не рассматривает.

позитивизм разрешить не в состоянии и которые требуют более широкого взгляда на предмет философии.

4. Критика неопозитивизма со стороны других влиятельных направлений идеалистической философии крайне непоследовательна. Непоследовательность и ограниченность этой критики проявляется, с одной стороны, в признании мнимых заслуг неопозитивизма (Б. Рассел, П. Уинч и др.). С другой стороны, она выражается в предлагаемых рецептах преодоления кризиса идеалистической философской мысли, в призывах признать философскую неосновательность неопозитивизма, уверовать в другие, более «солидные» философские идеалистические школы (в различные варианты экзистенциализма, неотомизм, неоплатонистскую «теорию ценностей», в интуитивизм и т. д.). Критика неопозитивизма представителями этих направлений сопровождается критикой материалистической философии, которая является для них «врагом № 1» и которую многие из философов-идеалистов до сих пор представляют в виде механистического материализма.

5. Многие видные представители неопозитивизма, признавая частные недостатки своей школы, призывают к дальнейшему «развитию» неопозитивистских установок на основе тех результатов, которые представляются им неоспоримыми (Ф. Франк, Бриджмен, Карнап). Интересным симптомом упадка неопозитивизма является «самокритика» ряда крупных представителей неопозитивизма. В особенности это относится к тем из представителей неопозитивизма, которые являются крупными учеными в области частных наук. Некоторые из них (Н. Бор, М. Борн, В. Гейзенберг), не отказываясь от ряда принципиальных положений позитивистской трактовки общих и частных проблем науки, подвергают критике и пересмотру чересчур компрометирующие их как ученых-естествоиспытателей позитивистские установки. Одновременно они пытаются обнаружить точки контакта между своими взглядами и взглядами зарубежных и советских естествоиспытателей-материалистов и идут на плодотворный обмен мнениями с представителями диалектического материализма.

6. Внимательного рассмотрения заслуживают взгляды представителей т. н. «дружеской интерпретации» диалектического материализма. Выражение «дружеская интерпретация» было употреблено по отношению к диалектическому материализму в статьях известного американского ученого Г. Фрейштадта (*Philosophy of Science*, April 1956 — January 1957, v.v. 23—24). Мы используем это понятие не только применительно к анализу философских идей Г. Фрейштадта, но и в связи с выступлениями некоторых других зарубежных уче-

ных и философов, призывающих к контакту с диалектическим материализмом или к овладению им как верной методологией науки (М. Бунге, Р. Селларс, Д. Бом, Д. Сомервилл, П. Кроссер, Э. Джеллнер и другие). Все больше ученых в капиталистическом мире приходят ныне к выводу, что успехи науки, ломающие старые представления, с необходимостью вызывают коренной пересмотр прежних взглядов. Философский идеализм осуждают и развенчивают многие ученые, отнюдь не являющиеся марксистами. Эти факты являются лучшим ответом тем буржуазным философам, которые, обвиняя марксистскую философию в догматизме, не желают замечать глубокого склероза идеалистической мысли, вызывающего отход от философского идеализма лучших представителей науки.

7. Представители «дружеской интерпретации», критикуя идеализм и агностицизм неопозитивистской философии, выступают под флагом обращения к научной методологии. Их критику неопозитивизма можно свести к следующим основным положениям:

а) Позитивизм, который отрицает философию как науку, не в состоянии объяснить, почему наука может судить только о частных областях познания (физика, биология, математика и т. д.), но не о природе вселенной.

б) Отказываясь от познания природы в целом, позитивизм выступает как агностическая, неудовлетворительная в теоретическом отношении система взглядов.

в) Признание позитивизмом независимого существования чувственных данных ведет к солипсизму. Претендуя на оперирование с чувственными данными, позитивизм по существу отрицает возможность объяснения видов чувственных восприятий.

г) Позитивистский принцип экономии мышления применительно к философии является выражением субъективизма.

е) Отрицание позитивизмом диалектики является косвенным свидетельством того, что позитивизм выступает как разновидность метафизики.

8. Некоторые представители этого направления выступают за обращение к материалистической диалектике как к самому надежному средству выхода из противоречий современного научного знания. В четкой форме это выразил американский ученый-биолог профессор Дж. Уолд, который писал, что «наука является диалектической и, разумеется, материалистической» и что категории материалистической диалектики являются полезными указаниями мышлению и помогают формулировать диалектику развития в науке и вне ее» (G. Wald, *Scientific American*, September, 1958, p. 107). Значительный

интерес представляет разработка (на основе данных частных наук) категорий материалистической диалектики, в частности категорий необходимости и случайности (Д. Бом), причины и следствия (М. Бунге). Подобная работа приобретает особое значение в связи с попытками некоторых неопозитивистов доказать возможность развития диалектики в рамках неопозитивизма (Д. Бэллард и др.).

9. К факту поворота значительной части научной интеллигенции капиталистического мира от неопозитивизма к диалектическому материализму самое прямое отношение имеет плодотворная деятельность зарубежных философов-марксистов. Ведущаяся уже десятилетиями неустанная творческая деятельность десятков и сотен сознательных представителей диалектического материализма в США, Англии, Франции, Японии, Италии, странах Латинской Америки и в других странах дает свои плоды (А. Грамши, П. Ланжевен, Ф. Жюлио-Кюри, А. Банфи, Кодуэлл и др.). Их замечательные традиции защиты и творческого применения диалектического материализма продолжают ныне новое гораздо более многочисленное поколение борцов с философским идеализмом (В. Холличер, Ж. Коньо, Р. Гароди, М. Корнфорт, Дж. Льюис, Г. Селзам, Г. Уэллс, Э. Агости, А. Астрада и др.).

10. Основные пункты критики философами-марксистами неопозитивизма суть следующие.

Неопозитивизм, отрицающий философию, на деле является псевдофилософией. Утверждение, что у философии нет собственных проблем, поиски неопозитивистами законов «чистой формы» приводят их к формализму, а игнорирование истории философии — к философскому нигилизму (М. Корнфорт). Обскурантизм неопозитивизма виден в его утверждениях о бессмысленности традиционных проблем философии (Альбрехт). Отрицание философии как мировоззрения преследует цель отдать мировоззренческие вопросы на откуп иррационализму и религии.

Влияние «классических» форм позитивизма (в особенности Э. Маха) на неопозитивизм усилило присущие ему черты субъективизма и релятивизма (В. Холличер). Метод «логических конструкций», предлагаемый неопозитивистами в качестве патентованного средства от метафизики, является типичным выражением субъективного идеализма (Филкорн). Это одновременно и конвенционализм, поскольку допустимость той или иной логики, того или иного искусственного языка устанавливается соглашением, а не их реальным значением, значением для практики. Толкование неопозитивизмом значения символики роднит его с феноменологией (И. Горн). Несмотря на всю словесную критику метафизики, неопозити-

визм имеет собственные предпосылки, которые характеризуют его как метафизику в новом обличье.

11. Надежнейшим научным инструментом все более глубокой критики неопозитивизма является дальнейшая разработка проблематики материалистической диалектики. На эту сторону марксистской критики неопозитивизма указывают многие зарубежные философы-марксисты (Г. Уэллс, Э. Гортари, А. Блумберг, И. Горн, Л. Сэв и другие). По мнению некоторых из них, основное внимание философов-марксистов, работающих в области критики неопозитивизма, должно быть сосредоточено на:

а) разработке вопроса о значении категорий и законов диалектики;

б) разработке вопроса о материалистической диалектике как науке;

в) разработке вопроса о путях дальнейшего развития диалектики.

Необходимость исследовательской работы в этом направлении диктуется также тем обстоятельством, что именно по этим вопросам шли и идут многие попытки ревизии марксизма-ленинизма; здесь ревизионизм смыкается с неопозитивизмом. Одно из утверждений ревизионистов гласит, что «многие ученые, симпатизирующие марксистским идеям, чувствуют, что они не могут на практике использовать диалектику, хотя абстрактно они разделяют многие из ее положений» (Коэн, Мартин, Джонсон).

12. В отличие от критики неопозитивизма философами-идеалистами, большей частью стремящимися вести полемику с неопозитивистами в рамках специальных аспектов «академических» споров, философы-марксисты вскрывают объективную общественно-политическую роль неопозитивизма. Они, в частности, отмечают претензии неопозитивистов на создание «нового» понимания социологии; это понимание не может не являться субъективистским по своему характеру, поскольку категорически отрицаются объективные законы развития общества. Эти претензии неопозитивизма выступают в особом свете в связи с примиренческим отношением неопозитивистов к религии и мистике; неопозитивизм в вопросах мировоззрения отводит почетное место религиозной вере, утверждая, что критика религии и мистики не есть дело философии, поскольку последняя не занимается «сущностями».

Провозглашая «нейтралитет» в области политики, неопозитивизм в действительности идеологически обслуживает буржуазное общество, являясь одним из инструментов в политике правящих классов. Объективное назначение неопозити-

визма — попытка помешать формированию научного мировоззрения у передовой интеллигенции в капиталистическом мире.

Критика философами-марксистами неопозитивизма является самой последовательной формой критики, ибо она не только разоблачает теоретическую несостоятельность этой разновидности буржуазной философии, но и сопровождается их практической деятельностью, участием в преобразовании общества и в ликвидации социальных корней любой разновидности идеалистической философии.

Доц. Л. Н. СУВОРОВ

(Московский государственный университет)

ПОЗИТИВИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ

1) Философский ревизионизм в истории марксистско-ленинской философии в разные ее периоды, как правило, пытался подменить основные положения диалектического и исторического материализма различными «модными» буржуазными философскими системами. В. И. Ленин, критикуя ревизионизм Э. Бернштейна, отмечал, что позитивистско-ревизионистскому направлению в социологии не пришлось долго складываться, так как оно было полностью перенесено из буржуазной (в частности, неокантианской и близкой к позитивизму) литературы в социалистическую.

2) Ревизионисты после Э. Бернштейна неоднократно использовали наряду с другими идеалистическими системами буржуазной философии и позитивистские взгляды, противопоставляя их диалектико-материалистическому мировоззрению. На Западе позитивистские идеи были использованы для борьбы против марксизма ревизионистами махистского направления, например Ф. Адлером, напечатавшим ряд своих статей, с одобрения и при содействии К. Каутского в журнале «*Нейе Цейт*».

3) В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» дал развернутую критику взглядов А. А. Богданова, представителя позитивистской ревизии марксизма в конце XIX — начале XX века. В те же годы В. И. Ленин разоблачил вульгарную позитивистскую фальсификацию истории философии Шулятиковым.

4) В послеоктябрьский период, носителями позитивистской ревизии марксистско-ленинской философии выступили в 20-е годы, т. н. «механисты», выдвинувшие целую систему взглядов, отрицавшую материалистическую диалектику и извращавшую вопрос о соотношении философии и специальных

наук в духе позитивизма. Основные позитивистские идеи сторонников механистической ревизии марксизма-ленинизма сводились к а) подмене материалистической диалектики «теорией равновесия», заимствованной ими у позитивиста Спенсера; б) сведению всего качественного многообразия процессов развития объективного мира к плоско-эволюционному изменению количественных соотношений; в) отрицанию качественного своеобразия различных форм движения материи и сведению их к простому механическому перемещению (здесь опосредованное воздействие через Варьяша и др. оказала структуралистская концепция познания Б. Рассела и т. д.); г) субъективистскому решению вопроса об истине.

5) Разоблачение механистической ревизии марксизма в СССР в конце 20-х — начале 30-х гг. нанесло серьезный удар по позициям позитивистской философии и позитивистских идей в естествознании и дало сильный толчок развитию советской науки.

6) В настоящее время философский ревизионизм позитивистского характера не имеет широкого распространения. Однако в некоторых странах за последнее десятилетие делались неоднократные попытки фальсифицировать марксизм-ленинизм именно с позитивистских позиций (Ганеман в ГДР, Малевский и отчасти Колаковский в Польше, Маркович в Югославии и др.). На этих выступлениях прямо или косвенно сказались деятельность «Венского кружка», сформулировавшего основные положения современного позитивизма (тезис о верификации и т. д.).

7) Современное разоблачение философии неопозитивизма как его социологических, так и теоретико-познавательных идей имеет громадное значение для окончательного преодоления ревизионистских тенденций. Н. С. Хрущев в докладе «За новые победы мирового коммунистического движения» говорит: «Борьба с ревизионизмом во всех его разновидностях и в настоящее время остается важной задачей коммунистических партий. Пока существует буржуазный строй, будет питательная среда и для идеологии ревизионизма». Это указание прямо и непосредственно относится и к позитивистской разновидности философского ревизионизма.

Мл. научн. сотрудник М. Н. ДЕЛОГРАММАТИК
(Московский государственный университет)

НЕОПОЗИТИВИСТСКАЯ «ТЕОРИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ФАКТОРОВ» — ВЫРАЖЕНИЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

1. Неопозитивистская «теория множественности факторов» представляет сейчас господствующую методологическую основу буржуазной историографии и социологии. Она получает широкое применение в социологии прагматизма, неопротестантизма и др.; она используется для отрицания объективных общественных закономерностей, апологии и увековечивания империализма, для обоснования откровенного волюнтаризма и субъективного идеализма в решении общественных проблем. Она используется в борьбе против марксистского материалистического понимания истории и служит идейной основой различных реформистских и ревизионистских извращений. В советской философской литературе нет специальных исследований, посвященных этой теме.

2. Главная черта «теории множественности факторов» — отрицание определяющей основы общественного развития, отрицание материалистического монизма и противопоставление ему так называемого социологического плюрализма, т. е. множества разнородных, взаимодействующих друг с другом факторов.

3. Общефилософские основы «теории множественности факторов» органически связаны с плюралистической картиной мира, которая характерна для современной буржуазной философии, стремящейся разрушить единство окружающего мира (монизм) с его закономерностями и противопоставить ему изображение мира как хаотического нагромождения множе-

ства разнородных явлений (неопозитивизм, прагматизм, философский гуманизм и др.).

Общезначительный плюрализм, стремящийся подняться над идеализмом и материализмом, является идеалистическим измельчением современной буржуазной теоретической мысли, уже не способной к созданию таких глубоких всеобъемлющих философских систем, как система Гольбаха или Гегеля в прошлом.

4. Противопоставляя марксистскому монизму множественность разнородных (материальных и идеальных, базисных и надстроечных) факторов, которые ставятся на одну доску, и, заменяя необходимые, генетические связи между факторами ничего не говорящим взаимодействием, буржуазные социологи стремятся обойти основной вопрос философии и примирить материализм и идеализм в социологии. Однако эти попытки являются несостоятельными, так как в действительности буржуазные социологи, как правило, приписывают определяющую роль идеальному фактору. «Теория множественности факторов», претендующая на объективный эмпирический подход к явлениям общественной жизни, в действительности представляет собой замаскированную форму идеализма в социологии.

5. Главное острие теории множества факторов направлено против марксистского материалистического понимания истории, открывшего подлинную, определяющую материальную основу общества, объективные общественные закономерности.

6. Отрицание основы развития общества буржуазными социологами имеет своим неизбежным следствием отрицание детерминизма, объективных общественных закономерностей, социологических законов, в том числе прогресса, изображение общества как беспорядочной игры множества разнородных явлений, между которыми отсутствуют устойчивые, повторяющиеся, необходимые связи, обусловленные общностью происхождения.

7. Отрицание объективных закономерностей отражает страх реакционной буржуазии перед законами истории, определяющими крах буржуазного строя и неизбежное торжество социализма. Отрицание детерминизма в истории сопровождается пропагандой волюнтаризма и субъективного идеализма. Отстаивая откровенный волюнтаризм в сфере общественной жизни, «теория множественности факторов» смыкается с различными фашистскими теориями и служит оправданием авантюризма в политике в эпоху империализма.

8. «Теория множественности факторов», отвергая объективные общественные закономерности, не допускает возмож-

ности научного предвидения в обществе и исключает возможность сознательного, планомерного руководства обществом.

9. «Теория множественности факторов» отвергает возможность создания подлинно научной теории общественного развития и означает фактически полное разрушение буржуазной социологической теории (господство бескрылого эмпиризма, уход от жгучих социальных проблем и важнейших теоретических вопросов в современной буржуазной социологии).

10. «Теория множественности факторов» — одно из проявлений иррационализма и пессимизма, свойственных всей буржуазной философской и социологической мысли в эпоху общего кризиса капитализма.

Доц. В. Д. КИВЕНКО

(Ростовский и/Дону государственный педагогический институт)

К ВОПРОСУ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НЕОПОЗИТИВИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СТРУКТУРЫ МАТЕРИИ

1. Одним из фактов, свидетельствующих об отрицательном влиянии неопозитивизма на развитие научного познания мира, являются взгляды ученых капиталистических стран на структуру материи, получившие выражение в трудах Б. Рассела, В. Гейзенберга и др. философов и ученых.

Так, отметив, что «несмотря на сомнение некоторых философов», «все мы верим в то, что живем в общем мире, населенном не только чувствующими существами вроде нас самих, но также и физическими объектами» (Бертран Рассел, Человеческое познание, его сфера и границы, ИЛ, 1957, стр. 495), Б. Рассел заявляет далее, что то, что мы знаем, или что можно сказать о физическом мире, является только предчувствием, предположением или гипотезой «поскольку физика не дает нам никаких сведений о нем, кроме структуры» (Там же, стр. 332). «Физический мир, — говорит Рассел, — известен нам только по некоторым абстрактным чертам его пространственно-временной структуры, — чертам, которые из-за их абстрактности недостаточны, чтобы показать отличается ли физический мир по внутренне присущему ему характеру от мира знания или же не отличается» (Там же, стр. 258).

2. Считая в период своего увлечения «нейтральным монизмом», что никакого различия между физическими и психическими, материальными и духовными явлениями не существует, что «дух и материя — это просто удобные способы группировки событий», Рассел, возвратившись отчасти к этой концепции в более позднее время, заключает, что «такая концепция значительно проясняет нашу картину структу-

ры мира» (Бертран Рассел, История западной философии, ИЛ, 1959, стр. 840).

На основе концепции «нейтрального монизма», не оставленной им и в более поздний период своего философского творчества, когда Б. Рассел стал склоняться более к юмистской концепции (тезис о «вере» в существование чего-то объективного и т. д.) английский позитивист развил понимание процесса познания внешнего мира как процесса сопоставления и отождествления структур логико-математического аспекта в фиксации и сравнении «чувственных данных». Рассел выдвинул так называемый «принцип постоянства структуры», который является одним из наиболее ярких выражений метафизичности и эклектичности позитивистского взгляда на структуру мира (см. Бертран Рассел, Человеческое познание его, сфера и границы, ИЛ, 1957, стр. 501). Что касается эклектизма, то он находит свое выражение в том, что Рассел, с одной стороны, утверждает зависимость структуры «физических объектов» или «событий» и «причинных линий», от восприятия или концепции наблюдателя; и, с другой стороны, он говорит о неизменяемости элементов или частей, составляющих основу «материальной структуры» или «структуры событий», о независимости «вещей» или «причинных линий» друг от друга (см. там же, стр. 515, 523). Одну из ошибок Рассела мы усматриваем в том, что он отождествляет понятия структуры и формы (Там же, стр. 497).

Б. Рассел, отбросив понятие движущейся материи как субъекта всего качественного многообразия тел и явлений объективного мира, не только не смог преодолеть идеализм, в адрес которого он неоднократно делает иронические замечания, но не смог и подняться выше механического, метафизического материализма, сводящего материю или к тому, «из чего состоят» тела и вещи, или к ее различным узко конкретным видам и формам.

Неопозитивистский взгляд В. Гейзенберга на структуру материи в течение ряда лет также находил свое выражение: на наш взгляд, в отрицании материи как объективной реальности, в игнорировании подлинного бесконечно-качественного многообразия ее структуры и свойств.

Та или иная физическая теория строения материи, несмотря на ее относительную всеобщность, или на претензии ее авторов на это, как и то или иное «частное» учение о структуре отдельных видов материи, является лишь необходимым «звеном», ступенькой в бесконечном развитии познания объективно существующей структуры материи вообще, ступенькой применительно к каждому данному этапу развития практики, техники и науки.

Между тем В. Гейзенберг, как и Б. Рассел, «движущей силой» познания и исследования, считал не объективно существующую структуру и свойства материи, не практику и технику, а «предположение о существовании общей взаимосвязи целого, в которое мы с помощью нашего мышления, можем проникать все глубже и глубже» (Вернер Гейзенберг, *Философские проблемы атомной физики*, ИЛ, 1953, стр. 89).

Чисто идеалистическая картина мира вырисовывается в работах соратника Б. Рассела — Людвига Витгенштейна. Для него структура мира есть не что иное, как совокупность «фактов» (образов), а не вещей, существующих лишь в логическом пространстве. «Факты», по Витгенштейну, атомарны, в принципе обособлены друг от друга и структура их многообразна и по сути дела создается уже в итоге их логической обработки субъектом.

3. Ограниченность и во многом ошибочность неопозитивистского взгляда на структуру материи находит свое выражение: а) в отрицании объективности и неисчерпаемости структуры материи и закономерностей ее изменения и развития; б) в сведении структуры материи к структуре ее отдельных видов; в) в игнорировании качественного многообразия структурных форм материи и присущих им свойств; г) в отрыве структуры от движения материи как неисчерпаемого источника ее постоянного изменения и развития; в абсолютизации относительной устойчивости структуры; д) в отождествлении структуры и формы.

Абсолютизация неопозитивистами познанных структурных форм материи находит свое выражение в возведении представлений и понятий о них в «математическую модель», или «логическую конструкцию» данных опыта, составляющих, по их мнению, «единственную», раз и навсегда данную «сущность» или «субстанцию» познания. Неопозитивизм не только не в силах преодолеть идеализм и механицизм в науке, в частности, во взглядах на структуру материи, но является своеобразной формой их сожительства на почве методологической метафизики.

Современные позитивисты, как и «физические» идеалисты, на что в свое время указывал В. И. Ленин, сделали крен к идеализму, в значительной мере вследствие незнания диалектики. Они боролись с метафизическим (в энгельсовском, а не в позитивистском¹ смысле этого слова) материализмом, с его односторонней «механичностью», — и при этом, как заметил В. И. Ленин, выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка. Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, т. е. объективной реальности физического мира. Отрицая

наличие элементов абсолютной истины в важнейших и основных законах природы, уже познанных человеком, они приходили к отрицанию всякой объективной закономерности в природе, к объявлению закона природы простой условностью, формой «ограничения ожидания», конвенционально или априорно принятой «логической необходимостью» и т. п. Настаивая на относительном характере наших знаний, они вступили на почву отрицания независимого от познания объекта, приблизительно верно отражаемого этим познанием.

Это значит, что как идеализм и механицизм, так и неопозитивизм можно преодолеть только с позиций диалектического материализма — единственно правильного научного метода и теории познания. Только исходя из диалектико-материалистического взгляда на мир можно также правильно понять и объяснить структуру материи и ее свойства (см. в этой связи наш доклад «Проблема структурности материи — важнейшая проблема современного естествознания и философии», Совещание заведующих кафедрами общественных наук вузов РСФСР. Материалы для обсуждения на секции заведующих кафедрами философии. Изд. МГУ, 1960, стр. 158—164).

Канд. философских наук Ю. А. АСЕЕВ
(Ленинградский государственный университет)

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЗИТИВИЗМ И ИРРАЦИОНАЛИЗМ

1. Исследование вопроса о месте позитивистской философии в системе всей буржуазной философии современности имеет большое методологическое и теоретическое значение. Анализируя махистскую философию, В. И. Ленин настоятельно подчеркнул необходимость определения места «эмпириокритицизма, как одной очень маленькой школки философспециалистов, среди остальных философских школ современности» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 342). Выдвигая это требование, В. И. Ленин не только исходит из общеметодологических посылок материалистической диалектики, обязывающих рассматривать любое явление в связи и взаимодействии с другими родственными явлениями, но и из конкретных особенностей развития буржуазной философии в эпоху империализма, из специфических задач анализа и критики философии современного позитивизма.

2. Феноменалистский подход к истории буржуазной философской мысли второй половины XIX и XX веков приводит буржуазную историографию к выводу, согласно которому борьба материализма и идеализма в современной философии «снята» и уступила свое место борьбе иных философских тенденций. Целый ряд буржуазных исследователей, равно как и их ревизионистских подголосков (Маритэн, Ясперс, Лукач, Лефевр и др.) подменяют основное теоретическое и социально-классовое противоречие историко-философского развития, противоречие материализма и идеализма, противоречиями «научного эмпиризма» (позитивизма) со «спекулятивной метафизикой», рационализма и иррационализма и т. д. Теоретическая несостоятельность этих концепций заключается не только в том, что они «реконструируют» историко-философский процесс вокруг второстепенных, производных противоре-

чий исторического развития философии, но и в том, что они замазывают глубокую качественную однородность мировоззрения современной буржуазии. Общность исходных позиций в решении основного философского вопроса (идеализм) создает фактическое взаимодействие между различными направлениями современной буржуазной философии, их взаимопроникновение. Анализ этого взаимодействия и позволил В. И. Ленину сделать свой вывод об объективной, социально-классовой роли современного позитивизма, сводящейся «к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности» (Соч., т. 14, стр. 343).

3. Настоящий доклад ставит своей целью дать краткий анализ взаимоотношений, существующих в настоящее время между позитивизмом и иррационализмом, являющимся одним из наиболее реакционных направлений философии империалистической буржуазии. Выбор иррационализма в качестве предмета исследования не случаен. Иррационалистическое направление современной буржуазной философии в наиболее концентрированном виде выражает упадочные черты буржуазной идеологии и культуры эпохи империализма. Откровенная антинаучность и мистицизм, болезненный субъективизм, разрыв с прогрессивными традициями классического наследства, выражающийся в декадентском модернизме — все это делает иррационалистическую философию типичным продуктом разлагающейся буржуазной культуры. Именно поэтому анализ теоретических связей этой философии с современным позитивизмом приобретает особое значение для определения социально-классового и гносеологического содержания последнего.

4. Внешне позитивизм и иррационализм представляют собой два резко противопоставленных друг другу направления современной буржуазной философии. «Научной» ориентации позитивизма противостоит откровенная антинаучность иррационализма, мнимообъективному эмпирическому подходу к действительности в позитивизме — субъективистский «ценностный» подход к ней в иррационализме, узкому позитивистскому гносеологизму — стремления вернуть философию на путь широких мировоззренческих обобщений у иррационалистов. Эти внешние противоречия дают основания многим представителям позитивистской философии современности рассматривать иррационализм как своего антипода (см., например, расселовскую критику «романтической традиции» в «Истории Западной философии», карнаповскую критику «философии нигилизма» М. Хайдеггера, витгенштейновскую критику «философии ценностей»). Между тем исследование ге-

незиса как «классического», так и современного иррационализма со всей очевидностью показывает органическую связь этих направлений.

5. Рассматривая исторические типы этой связи мы обращаем особое внимание на характер «практической философии» Д. Юма, вырастающей на базе противоречий его феноменализма, и на «метафизику воли» А. Шопенгауэра, представляющую собой одно из первых развернутых и систематических выражений философии иррационализма в XIX веке. И в том и в другом случае теоретическим основанием возникновения откровенно иррационалистических концепций служит последовательно проведенный гносеологический феноменализм. В философии Юма теоретическая деятельность мышления сведена к простой механической ассоциации ощущений. Эта узкая феноменалистская база его теории познания не позволяет ему дать адекватное объяснение всем сторонам познавательной деятельности человека. Отсюда Юм оказывается вынужденным дополнить свой субъективно-идеалистический эмпиризм учением об иррациональной вере и ее практических функциях (юмовская критика причинности и учение о существовании внешней человеку действительности). Для Шопенгауэра юмистско-кантианская феноменалистическая «критика» познания является поводом для построения антинаучной концепции непосредственного интуитивного знания сущности.

6. В буржуазной философии XX века мы сталкиваемся с теми же самыми формами связи позитивистского феноменализма и иррационализма. С одной стороны, иррационалистические в своей основе концепции проникают в позитивистскую гносеологию, выступая в ней в качестве следствия теоретической узости и ограниченности исходных сенсуалистских принципов. С другой стороны, позитивистская феноменализация науки используется откровенным иррационализмом для критики научного познания вообще.

7. Уже у основоположника неопозитивизма Л. Витгенштейна мы сталкиваемся с характерным проникновением некоторых иррационалистических концепций в его гносеологию. В «Логико-философском трактате» иррационалистическое содержание представлено в виде так называемой теории «невыразимого». Специфической особенностью неопозитивизма является то, что в нем агностицизм и феноменализм получают лингвистическое «обоснование», «границы языка» объявляются границами познания. Именно поэтому кантианское «непознаваемое» выступает в витгенштейновском трактате в виде «невыразимого». Этой областью «невыразимого» Витгенштейн объявляет мышление действительности в ее структурной

целостности (мировоззрение), эстетическую и этическую оценку действительности, понятие логической формы и т. д. Однако в отличие от позитивизма 30-х годов («Венский кружок», Айер в Англии) Витгенштейн не просто выбрасывает «традиционные» разделы философии (мировоззрение, этику, эстетику и т. д.), а объявляет их продуктами иррационального «мистического» чувствования (см. «Трактат...» 6,45, 6,52 и др.) и в известной мере допускает их «законность». Подобная постановка вопроса о происхождении мировоззрения теснейшим образом смыкается с иррационалистической «психологией мировоззрения» (Юм, Дильтей, Ясперс и др.) и содержит в себе возможность последовавшего в 40-х, 50-х годах широкого включения иррационалистических теорий сущности и предмета философии в учение неопозитивизма (Кэмбриджская школа аналитики, дополняющая неопозитивизм фрейдизмом, Топич и др.).

8. Аналитическая теория предмета философии, развиваемая неопозитивизмом, точно так же как и лингвистический формализм, содержит в себе такие предпосылки, которые сближают неопозитивистскую философию с иррационализмом. отождествляя философию с логикой науки и понимая под последней только анализ смысла предложений науки и структурных взаимозависимостей, существующих между ними, неопозитивизм тем самым областью применения логических методов делает уже готовые, завершенные научные теории. Процесс открытия научной теории полностью выпадает из поля действия логических методов в их неопозитивистской интерпретации. Строго разграничивая между «логикой открытия» и «логикой истолкования» (К. Поппер, Г. Рейхенбах и др.), считая, что только последняя допускает точную формальную трактовку, неопозитивизм превращает познавательный процесс в собственном смысле слова, т. е. процесс диалектического движения от «незнания к знанию» (Ленин, Соч., т. 14, стр. 91), в иррациональный (алогический) психологический процесс. Частной формой неопозитивистской иррационализации познавательного процесса является, на наш взгляд, теория индуктивного умозаключения, сформулированная в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна и в работах Г. Рейхенбаха, а также теория «научного вывода» Б. Рассела, данная в его «Человеческом познании».

9. Особенно наглядно соединение неопозитивизма с иррационализмом проявляется в некоторых социологических работах Б. Рассела («Скептические очерки», «Человеческое общество в этике и политике» и др.). В отличие от обычной позитивистской практики эти работы строятся на основе развернутого анализа психологической структуры сознания. Ана-

лиз расселовской теории сознания в целом убедительно показывает, что она возникает на базе основных концепций иррационалистической психологии (фрейдистская теория «пострационализации» действия, «теория страстей» как главных факторов человеческого «поведения»). В докладе дается критика расселовской теории сознания и некоторых ее социологических приложений.

10. На основании всего вышеизложенного мы делаем следующий вывод: гносеологическая порочность основных принципов теории познания неопозитивизма приводит к тому, что «теории» современного иррационализма проникают в самое существо неопозитивистской философии, а различие между неопозитивизмом и иррационализмом в ряде случаев делается чисто формальным.

11. Вторым чрезвычайно важным аспектом исследования общей проблемы взаимопроникновения позитивизма и иррационализма является определение того воздействия, которое оказывают неопозитивистские теории на формирование откровенно иррационалистических и мистических школ современной буржуазной философии. В качестве примера для такого анализа мы берем философию лидера современного религиозного экзистенциализма К. Ясперса и «философию природы» ведущего неотомистского теоретика Жака Маритэна.

12. Одной из слабостей философии основоположника экзистенциализма С. Кьеркегора К. Ясперс цинично объявляет его нежелание считаться с научным познанием своего времени. «Философия науки» должна найти свое место в «религиозном экзистенциализме» современности, считает Ясперс. В общей структуре своей философской системы К. Ясперс отводит «философии науки» (*Die Weltorientierung*) важное место: она должна подготовить читателя к принятию основных «идей» собственно философской «теории» Ясперса (*Die Existenzphilosophie* — учение о «душе» и «метафизика» — учение о божестве). Однако анализ «философии науки» К. Ясперса ясно показывает, что под ней понимаются основные положения позитивистской теории познания, взятые не в их формально-логическом, а в их ценностном и мировоззренческом содержании. Таким образом, позитивистская философия науки органически включается, по замыслу Ясперса, в состав откровенно мистического и антинаучного учения.

13. На аналогичных позициях стоит и Ж. Маритэн в своей «Философии природы». Позитивистский релятивизм и скептицизм трактуется им как «осознание» наукой своего «действительного места» в познании объективной реальности. Историко-философская «концепция» Маритэна исходит из общего

положения, согласно которому подлинное «возрождение» томистской философии, а тем самым и религиозной веры, возможно лишь на основе уничтожения «чрезмерных притязаний» науки и философии классического периода. В этом он и усматривает «благотворное» теоретическое воздействие философии науки позитивизма.

14. Рассмотрение отношений позитивизма и иррационализма ясно показывает глубокую справедливость ленинского вывода о взаимодействии различных школ современного идеализма. Их теоретические расхождения и борьба между ними с точки зрения их отношения к диалектическому материализму выступают не как следствие принципиальных теоретических разногласий, а как выражение своеобразного функционального «разделения труда», как выражение частных оттенков в общем русле реакционной философской деятельности, которой занимаются так или иначе все течения философии загнивающего империализма.

СОДЕРЖАНИЕ

Акад. М. Б. Митин. В. И. Ленин и борьба против современного позитивизма	3
Доц. С. И. Никишев. Неопозитивизм — псевдонаучная философия современной буржуазии	12
Акад. В. А. Фок. О роли принципов относительности и эквивалентности в построении теории Эйнштейна.	18
Доц. И. С. Нарский. Об основных принципах теории познания неопозитивизма	21
Действ. член АПН РСФСР А. Н. Леонтьев. Позитивистские концепции ощущения и ленинская теория отражения	28
Докт. филологич. наук В. А. Звегинцев. Неопозитивизм и новейшие лингвистические направления	31
Ст. науч. сотрудник А. С. Богомолов. Неопозитивизм и проблема развития	34
Доц. Н. В. Филипенко. Критика неопозитивистских представлений по вопросу о необходимости и случайности.	38
Ст. научн. сотрудник В. В. Мшвениерадзе. Критика гносеологических идей «общей семантики», связанных с принципом «нетождественности»	46
Канд. философ. наук А. Ф. Бегиашвили. Понятие знака в гносеологии семантического идеализма	52
Доц. С. Я. Коган. Об истолковании некоторых свойств языка в гносеологии неопозитивизма	54
И. Г. Петров. Понятие опыта и логический позитивизм	60
Проф. Г. А. Курсанов. О позитивистском извращении логического критерия истинности в познании	66
Канд. философ. наук Н. А. Киселева. Операционализм и современная физика	68
Канд. философ. наук Л. И. Щекина. Соотношение неопределенностей в физике и современный позитивизм	75
Канд. философ. наук В. Д. Соловьев. К вопросу о позитивизме в квантовой механике	84
Канд. философ. наук А. Н. Книгин. Об одном проявлении позитивизма в вопросе об истине в физике	89
Мл. научн. сотрудник В. С. Швырев. О неопозитивистской концепции логического анализа науки	94
Мл. науч. сотрудник Г. П. Щедровицкий. О взаимоотношении формальной логики и неопозитивистской «логики науки»	101
Мл. научн. сотрудник В. Н. Садовский. Кризис неопозитивистской «логики науки» и современная зарубежная логика	109

Преподаватель И. С. Ладенко. Проблемы обоснования математики и логический эмпиризм	116
Ст. преподаватель В. Н. Сагатовский. Критика некоторых позитивистских концепций значения	125
Студент Б. В. Сазонов. К критике неопозитивистского анализа «естественного» языка науки	129
Аспирантка Е. Д. Смирнова. К проблеме аналитического и синтетического значения в логическом позитивизме	135
Канд. философ. наук В. А. Смирнов. Так называемые абстрактные объекты и теория языковых каркасов Р. Карнапа	138
Канд. физико-матем. наук Т. Н. Горнштейн. Современный позитивизм и проблема возможности	145
В. Г. Виноградов. Современный позитивизм о причинности.	149
Ст. препод. Э. А. Мариничев. Диалектический материализм и неопозитивизм о понятии количества	155
Проф. И. С. Кон. Неопозитивизм в социологии	159
Проф. Т. И. Ойзерман. К характеристике кризиса современной позитивистской социологии	167
Ассистент И. М. Попова. Критика психологизма как одной из черт позитивистской социологии	172
Канд. философ. наук Г. З. Касавина. Неопозитивисты — фальсификаторы исторического материализма	179
Д. М. Гвишиани. О реакционной сущности социологических концепций американского «менеджеризма»	183
Канд. философ. наук Ю. П. Михаленко. Об отношении современного позитивизма к религии	192
Доц. К. А. Шварцман. Неопозитивизм и вопросы этики	196
Мл. научн. сотрудник О. Г. Дробницкий. Критика методологии логического позитивизма в этике	200
Доц. Г. Н. Брутян. Критика неаристотелевской логики «общей семантики» и социологических ее применений	205
Доц. Г. М. Андреева. К критике позитивистской методологии эмпирических исследований в социологии	209
Проф. И. Я. Шипанов. К вопросу о позитивизме в России и борьбе с ним материализма	215
Канд. философ. наук В. А. Калинин. К критике неопозитивизма в современной зарубежной философии	220
Доц. Л. Н. Суворов. Позитивизм и ревизионизм	227
Мл. научн. сотрудник М. Н. Делограмматик. Неопозитивистская «теория множественности факторов» — выражение кризиса современной буржуазной социологической мысли	229
Доц. В. Д. Кивенко. К вопросу о несостоятельности позитивистской концепции структуры материи	232
Канд. философ. наук Ю. А. Асеев. Современный позитивизм и иррационализм	236

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ
И СОВРЕМЕННЫЙ ПОЗИТИВИЗМ

Тезисы докладов и выступлений
Технич. редактор *Г. И. Георгиева*

Сдано в набор 12.I 1961 г.
Подписано в печать 27.I 1961 г. Л-35065
Учетно-изд. л. 13,57. Печ. л. 15,25
Тираж 2100 экз. Цена 40 коп. Зак. 53

Издательство Московского университета.
Москва, Ленинские горы,
Административный корпус.
Типография Изд-ва МГУ (филиал).
Москва, Моховая, 9.

Цена 40 коп.